

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ - 2026

Сборник статей II Международной
научно-практической конференции,
состоявшейся 9 апреля 2026 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
2026

УДК 001.12
ББК 70
М43

Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

М43 Международный форум молодых ученых - 2026 : сборник статей
II Международной научно-практической конференции (9 апреля 2026 г.).
— Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2026. — 340 с. : ил., табл.

ISBN 978-5-00276-054-1

Настоящий сборник составлен по материалам II Международной научно-практической конференции МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ - 2026, состоявшейся 9 апреля 2026 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. Целями проведения конференции являлись обсуждение практических вопросов современной науки, результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, развитие методов и средств получения научных данных, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00276-054-1

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2026
© МЦНП «НОВАЯ НАУКА» (ИП Ивановская И.И.), оформление, 2026

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., доктор педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., доктор социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Мантатова Н.В., доктор ветеринарных наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	9
ВОСПИТАНИЕ БЕРЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ У ДЕТЕЙ 5-6 ЛЕТ В ПРОЦЕССЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК	10
<i>Дрозд Светлана Сергеевна, Александрова Наталья Сергеевна</i>	
ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭКОСИСТЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ	14
<i>Гайнутдинов Абдулла Абдурахманович, Галимова Луиза Руслановна, Фомина Валерия Антоновна</i>	
СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ПОНЯТИЯ «ЗАБОТЛИВОЕ ОТНОШЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ФГОС НОО	19
<i>Надимова Альбина Илхомовна</i>	
СОВМЕСТНАЯ УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ВОЗМОЖНОСТИ КОРРЕКЦИИ САМООЦЕНКИ.....	23
<i>Кульбакина Анастасия Валерьевна</i>	
ВЛИЯНИЕ ПРЕДМЕТНО-РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ДЕТСКОМ САДУ НА РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	28
<i>Назмутдинова Гулькай Замировна</i>	
СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА	35
<i>Семенова Анастасия Александровна</i>	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВЬЕФОРМИРУЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ	43
<i>Татаренко Татьяна Ивановна</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРНОЙ РАБОТЫ НА УРОКАХ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ.....	47
<i>Цыптаури Паулина Александровна</i>	
THE USE OF CHATBOTS AND VOICE-BASED ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DEVELOPING ENGLISH SPEAKING SKILLS OF HIGH SCHOOL STUDENTS	51
<i>Sadvakasova Amina Karipbaykyzy, Tulegenova Aida Meirambekovna</i>	

ПРОФИЛЬНАЯ ПРЕДПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА В ИНЖЕНЕРНЫХ КЛАССАХ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	57
<i>Холод Ольга Игоревна</i>	
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	62
SWOT-АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОЙ МОДЕЛИ КУРОРТНОГО ПРОСТРАНСТВА КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	63
<i>Тлисов Алихан Адамович, Дзахмишева Ирина Шамильевна</i>	
АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ	68
<i>Рождественский Николай Сергеевич</i>	
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФИНАНСОВОГО АНАЛИЗА В БУХГАЛТЕРИИ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ	72
<i>Соколова Анна Николаевна</i>	
ОРИЕНТИРУЯСЬ НА ЦИФРОВУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ: АНАЛИЗ ПУТЕЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В НОВУЮ ЭПОХУ	77
<i>Ван Пэньюй</i>	
ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТАЛАНТАМИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	84
<i>Ван Цяньюй</i>	
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ КОМПАНИЙ)	92
<i>Чэнь Цзыян</i>	
ЦИФРОВЫЕ ДЕЛОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ	97
<i>Авенович Мария Романовна</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	103
ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СУБЪЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В СТРУКТУРЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ.....	104
<i>Чернохлебова Ангелина Андреевна, Копылов Данил Витальевич</i>	
ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСА ИНТЕГРИРОВАННЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЫНОЧНОЙ СРЕДЫ	109
<i>Жилкина Елизавета Максимовна</i>	
ОСОБЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДСТВАМИ РЕКЛАМЫ И PR	115
<i>Игнатьева Дарья Игоревна</i>	

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ: ОТ ЭТИКИ БЛИЖНЕГО К ЭТИКЕ ДАЛЬНЕГО	122
<i>Лейбенко Алёна Олеговна</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИЯ К РОССИЙСКИМ ИТ-ПРОДУКТАМ В КОРПОРАТИВНОМ СЕГМЕНТЕ В2В В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ	130
<i>Макаримов Тимур Ильгизович</i>	
СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	139
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ.....	140
<i>Забродина Любовь Александровна, Алемпьева Дарья Сергеевна</i>	
ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ МЫШЛЕНИЯ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ АКТИВНОСТЬЮ У СТУДЕНТОВ	151
<i>Гусева Мария Евгеньевна, Тумасян Полина Александровна</i>	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ	157
<i>Кругликова Елена Владимировна</i>	
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ТРЕВОЖНОСТИ	164
<i>Набродова Елена Викторовна</i>	
СЕКЦИЯ МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ.....	171
ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЕМАТОЛОГИЧЕСКИХ ИНДЕКСОВ ПРИ ВНЕБОЛЬНИЧНОЙ ПНЕВМОНИИ НА ФОНЕ ТЯЖЕЛОГО ТЕЧЕНИЯ SARS-COV-2-ИНФЕКЦИИ	172
<i>Гаран Галина Михайловна, Савиш Павел Александрович, Никитина Юлия Викторовна, Арямкина Ольга Леонидовна</i>	
УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИННОГО ФАКТОРА ХРОНИЧЕСКОГО КОНЪЮНКТИВИТА С РЕЦИДИВИРУЮЩИМИ ОСЛОЖНЕНИЯМИ: АНАЛИЗ КЛИНИЧЕСКОГО СЛУЧАЯ	176
<i>Корсакова Евгения Игоревна</i>	
ФАКТОРЫ РИСКА ИБС У ПАЦИЕНТОВ С ОСТРЫМ КОРОНАРНЫМ СИНДРОМОМ.....	184
<i>Нарожная Анастасия Дмитриевна, Гриднева Алина Максимовна</i>	
РАННЯЯ ДИАГНОСТИКА АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА.....	190
<i>Баженова Анастасия Тимофеевна, Ахметов Андрей Ринатович, Гусенова Насифат Гарибовна</i>	

СУБКЛИНИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА И ДЕПРЕССИЯ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ДВА КРИТИЧЕСКИХ ПЕРИОДА ...	198
<i>Самедова Аида Гамлетовна, Эльдерова Салидат Садиговна, Исаева Зарема Газиевна, Цечоева Дали Мусаевна</i>	
СЕКЦИЯ ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ	203
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА.....	204
<i>Лазуткина Александра Евгеньевна, Колосова Ольга Владимировна</i>	
МЕТОДИКА АПРИОРНОЙ ОЦЕНКИ ТОЧНОСТИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ АПРОБАЦИИ	210
<i>Куслин Сергей Сергеевич</i>	
ПЕРЕХОД НА КОМПЛЕКСНУЮ СИСТЕМУ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА ОСНОВЕ ВСТРОЕННОГО ДИАГНОСТИРОВАНИЯ.....	223
<i>Сазыкин Денис Юрьевич</i>	
СОЗДАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА ДЛЯ ВЫБРАННОГО РАЙОНА ГОРОДА МИНСКА.....	227
<i>Сенько Арсений Максимович</i>	
СЕКЦИЯ ИНФОРМАТИКА.....	232
АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭТАПОВ РАСПОЗНАВАНИЯ ТЕКСТА НА ИЗОБРАЖЕНИЯХ ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	233
<i>Стриженок Богдан Юрьевич, Саркисова Варвара Артуровна</i>	
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОЦЕССЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА	248
<i>Соколов Елисей Сергеевич, Свистак Сергей Васильевич</i>	
СЕКЦИЯ НАУКИ О ЗЕМЛЕ	253
ПРИМЕНЕНИЕ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ И ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ДЛЯ МОНИТОРИНГА РЕКУЛЬТИВИРУЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ.....	254
<i>Абдульманова Разалина Рамзисовна</i>	
СЕКЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ.....	259
БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ГЕРБИЦИДОВ НА КАРТОФЕЛЕ.....	260
<i>Идрисов Руслан Искандерович</i>	

СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	266
СУДЕБНАЯ МЕДИАЦИЯ И СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	267
<i>Цурикова Александра Глебовна</i>	
ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ИНКЛЮЗИВНЫХ ШКОЛ КАК СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	272
<i>Черниязова Динара Раульевна</i>	
КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПАТРИОТИЗМ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	281
<i>Плотников Максим Владимирович</i>	
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СОСЕДСКИХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	287
<i>Абраменко Ангелина Дмитриевна</i>	
СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	295
ОСОБЕННОСТИ И ТАБУ В ДЕЛОВЫХ И БЫТОВЫХ ПРИВЕТСТВИЯХ ЯПОНИИ, ФРАНЦИИ И США: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	296
<i>Файфер Ангелина Александровна</i>	
СЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	304
ЗНАЧЕНИЕ ЗАКОНА «О БРАКАХ ССЫЛЬНЫХ» 14.12.1892 ГОДА В РЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ТЮРЕМНЫЙ ВЕСТНИК»).....	305
<i>Галиуллин Ильшат Рустемович</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	310
ЧЁРНЫЙ ЮМОР КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ	311
<i>Шевченко Олег Юрьевич</i>	
TRANSLATING CULTURAL REALITIES IN JACK LONDON'S «MARTIN EDEN»: A COMPARATIVE ANALYSIS	315
<i>Zhang Xiang</i>	
СЕКЦИЯ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	323
РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ У ДИЗАЙНЕРОВ ИНТЕРЬЕРА БЛАГОДАРЯ НАВЫКУ СКЕТЧИНГА	324
<i>Амелина Полина Владимировна</i>	
ФОРТЕПИАННАЯ СЮИТА «ВОСПОМИНАНИЯ О ВОСЬМИ АКВАРЕЛЬНЫХ КАРТИНАХ» ТАН ДУНА: КОМПОЗИЦИОННЫЕ И ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИКЛА	331
<i>Чжао Цяньюнь</i>	

**СЕКЦИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ВОСПИТАНИЕ БЕРЕЖНОГО ОТНОШЕНИЯ
К ПРИРОДЕ У ДЕТЕЙ 5-6 ЛЕТ В ПРОЦЕССЕ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК**

Дрозд Светлана Сергеевна
студент

Александрова Наталья Сергеевна
доктор пед. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Аннотация: в статье рассматривается проблема воспитания бережного отношения к природе у детей старшего дошкольного возраста (5-6 лет) посредством экологических практик. На основе теоретического анализа психолого-педагогической литературы раскрываются компоненты бережного отношения к природе: когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельностный. Обосновывается, что возраст 5-6 лет является сензитивным периодом для формирования экологической культуры благодаря высокой эмоциональной отзывчивости и любознательности дошкольников. Описаны методы и формы организации экологических практик (наблюдения, труд в природе, проектная деятельность, экологические акции), способствующие превращению экологических знаний в лично значимые ценности и практические умения. Особое внимание уделяется роли воспитателя как организатора и примера бережного взаимодействия с природой.

Ключевые слова: бережное отношение к природе, экологическое воспитание дошкольников, дети 5-6 лет, экологические практики, экологическая культура, эмоционально-ценностное отношение.

**EDUCATION OF CARING ATTITUDE TO NATURE
IN CHILDREN OF 5-6 YEARS IN THE PROCESS
OF ENVIRONMENTAL PRACTICES**

Drozdt Svetlana Sergeevna
Alexandrova Natalya Sergeevna

Abstract: the article deals with the problem of fostering a caring attitude towards nature in children of senior preschool age (5-6 years) through environmental practices. Based on the theoretical analysis of psychological and

pedagogical literature, the components of a caring attitude towards nature are revealed: cognitive, emotional-value and activity-based. It is substantiated that the age of 5-6 years is a sensitive period for the formation of ecological culture due to the high emotional responsiveness and curiosity of preschoolers. The methods and forms of organizing environmental practices (observations, labor in nature, project activities, environmental actions) that contribute to the transformation of environmental knowledge into personally significant values and practical skills are described. Special attention is paid to the role of the teacher as an organizer and example of careful interaction with nature.

Key words: fostering a caring attitude towards nature, ecological education of preschoolers, children of 5-6 years, environmental practices, ecological culture, emotional-value attitude.

Воспитание бережного отношения к природе является одной из приоритетных задач современного дошкольного образования. Особую значимость эта задача приобретает в работе с детьми старшего дошкольного возраста (5-6 лет), поскольку именно в этот период, как отмечают Л.С. Выготский и Д.Б. Эльконин, формируются первые устойчивые представления о мире, закладываются основы экологической культуры и ценностных ориентаций личности [2, с. 45]. Дети 5-6 лет обладают высокой эмоциональной восприимчивостью, любознательностью и стремлением к практической деятельности, что создает благоприятные условия для формирования у них ответственного и заботливого отношения к окружающей природе.

Теоретический анализ психолого-педагогической литературы показывает, что бережное отношение к природе у детей старшего дошкольного возраста представляет собой интегративное личностное образование, включающее три взаимосвязанных компонента: когнитивный (система знаний о природе, понимание причинно-следственных связей), эмоционально-ценностный (эмпатия, эстетическое восприятие, личностная значимость природы) и деятельностный (готовность к практическим действиям по охране и заботе о природе). Как подчеркивает С.Н. Николаева, ключевую роль в этом процессе играет именно деятельностный компонент, поскольку отношение к природе становится осознанным и устойчивым только тогда, когда ребенок сам активно взаимодействует с природными объектами [4, с. 78].

Экологические практики рассматриваются в современной педагогике как системный вид деятельности, направленный на формирование у ребенка

активного, осознанного и эмоционально окрашенного отношения к природе. К основным видам экологических практик, эффективных в работе с детьми 5-6 лет, относятся: практики наблюдения и исследования (экскурсии, наблюдения за природными явлениями, простые опыты), практики заботы и ухода (труд в уголке природы, посадка растений, подкормка птиц), а также практики природоохранной деятельности (экологические акции, проекты). Каждый из этих видов практик вносит вклад в развитие всех трех компонентов бережного отношения, но с разной степенью интенсивности [3, с. 112].

Особое значение в организации экологических практик имеют методы и формы работы, соответствующие возрастным особенностям детей 5-6 лет. Наиболее эффективными методами выступают: наглядные (наблюдение, рассматривание, демонстрация), словесные (беседа, чтение художественной литературы, обсуждение), практические (труд, экспериментирование, моделирование) и игровые (дидактические, сюжетно-ролевые, подвижные игры природоведческого содержания). Формы организации экологического воспитания должны обеспечивать системный и деятельностный характер освоения содержания: занятия, прогулки, целевые прогулки и экскурсии, работа в уголке природы, экологические проекты и акции. Важным условием успешности является цикличность и интеграция: возвращение к наблюдаемым явлениям в динамике (сезонные изменения, рост растений) и включение экологического содержания в разные образовательные области [5, с. 56].

Эмоциональное воздействие на детей играет ключевую роль в процессе воспитания бережного отношения к природе. Рассказы о проблемах животных, значении чистой природы и возможных последствиях загрязнения окружающей среды вызывают у детей 5-6 лет сильные переживания, которые, как отмечает Л.И. Божович, становятся внутренней мотивацией для положительных действий. Именно через эмоциональное проживание ситуаций («помоги животному», «не ломай ветку», «покорми птиц зимой») формируется личностный смысл экологических норм и правил [1, с. 134]. Роль воспитателя в организации экологических практик трудно переоценить. Педагог выступает инициатором и организатором деятельности, создает условия для безопасного и осмысленного общения детей с природой, развивает диалог о её ценности. Важно, чтобы воспитатель сам являлся примером ответственного и бережного отношения к окружающему миру, поскольку дети 5-6 лет склонны к подражанию значимому взрослому. Задача

педагога — анализировать результаты проводимых практик и планировать дальнейшие занятия с учетом интересов детей и эффективности используемых методов экологического воспитания [3, с. 118].

Список литературы

1. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 400 с.
2. Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – Москва : Лабиринт, 1999. – 352 с.
3. Дерябо, С. Д. Экологическая педагогика и психология / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 480 с.
4. Николаева, С. Н. Теория и методика экологического образования детей : учебное пособие для студентов вузов / С. Н. Николаева. – Москва : Академия, 2002. – 336 с.
5. Соломенникова, О. А. Экологическое воспитание в детском саду : программа и методические рекомендации / О. А. Соломенникова. – Москва : Мозаика-Синтез, 2009. – 112 с.

© Дрозд С.С., Александрова Н.С., 2026

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЭКОСИСТЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Гайнутдинов Абдулла Абдурахманович

старший преподаватель

Галимова Луиза Руслановна

Фомина Валерия Антоновна

студенты

ФГБОУ ВО «Казанский ГАУ»

Институт «Казанская академия ветеринарной
медицины имени Н.Э. Баумана»

Аннотация: в данной статье рассматривается физическая культура как многокомпонентная педагогическая экосистема, обеспечивающая социализацию и личностный рост студентов в условиях цифровой трансформации образования. Авторы анализируют традиционные и инновационные функции физического воспитания, выявляют противоречия между цифровизацией и двигательной активностью, предлагают пути интеграции цифровых инструментов (фитнес-трекеры, мобильные приложения, онлайн-челленджи) в учебный процесс. Особое внимание уделяется формированию soft skills (командная работа, самоорганизация, стрессоустойчивость) через занятия физической культурой. Делается вывод о необходимости перехода от дисциплинарной модели физического воспитания к экосистемной, где студент становится активным субъектом своего поведения, сберегающего здоровье.

Ключевые слова: физическая культура, педагогическая экосистема, социализация студентов, личностное развитие, цифровое общество, soft skills, цифровые технологии в спорте, мотивация, образовательная среда.

PHYSICAL EDUCATION AS A PEDAGOGICAL ECOSYSTEM OF SOCIALIZATION AND PERSONAL DEVELOPMENT OF STUDENTS IN A DIGITAL SOCIETY

Gainutdinov Abdulla Abdurakhmanovich

Galimova Louise Ruslanovna

Fomina Valeria Antonovna

Abstract: this article examines physical education as a multicomponent pedagogical ecosystem that ensures the socialization and personal growth of students in the context of the digital transformation of education. The authors analyze the traditional and innovative functions of physical education, identify contradictions between digitalization and physical activity, and suggest ways to integrate digital tools (fitness trackers, mobile applications, and online challenges) into the learning process. Special attention is paid to the formation of soft skills (teamwork, self-organization, stress tolerance) through physical education. The conclusion is made about the need to move from a disciplinary model of physical education to an ecosystem one, where the student becomes an active subject of his health-preserving behavior.

Key words: physical education, pedagogical ecosystem, student socialization, personal development, digital society, soft skills, digital technologies in sports, motivation, educational environment.

Современное высшее образование находится в состоянии глубокой трансформации. Тотальная цифровизация формирует «цифровое поколение», но одновременно порождает гиподинамию, снижение физической активности, дефицит живого общения. Традиционная модель физического воспитания, ориентированная на сдачу нормативов, перестаёт отвечать запросам студентов. Возникает необходимость рассматривать физическую культуру как педагогическую экосистему - открытую, гибкую среду, где социализация и личностное развитие становятся приоритетными результатами [1, с. 19; 2, с. 146].

Понятие «педагогическая экосистема» предполагает отказ от линейной логики «преподаватель - норматив - студент» в пользу сетевого взаимодействия, включающего цифровую инфраструктуру, социальное окружение и психолого-педагогические условия. Экосистема способна настраиваться под индивидуальные траектории студентов, сохраняя базовые ценности здоровья и движения.

Главная проблема физического воспитания заключается в низкой внутренней мотивации. Многие студентов воспринимают занятия как формальную обязанность [3, с. 289; 4, с. 936]. Причина этому - разрыв между школьным подходом, где был акцент на результате, и жизненными контекстами цифрового поколения, привыкшего к геймификации и мгновенной обратной связи.

Интеграция цифровых технологий помогает преодолеть этот разрыв. Фитнес-трекеры и смарт-часы превращают абстрактную пользу физической активности в персонализированные данные. Мобильные приложения (например, Яндекс.Здоровье) предлагают тренировочные программы с элементами геймификации. Онлайн-челленджи создают эффект социального присутствия даже при дистанционном обучении. Цифровые инструменты не заменяют живого движения, но становятся катализатором вовлечённости [4, с. 937; 5, с. 90].

Социализация через физическую культуру не сводится к геймификации. Важнейший пласт - формирование soft skills. Командные виды спорта развивают коммуникацию, умение работать в неопределённости, ответственность. Индивидуальные занятия формируют самоорганизацию, целеполагание, стрессоустойчивость. Работодатели ценят эти качества не меньше, чем спортивные разряды [2, с. 149; 6, с. 44].

Физическая культура помогает преодолевать цифровое одиночество. Совместные тренировки и соревнования создают среду для неформального общения, снимают статусные барьеры, порождают чувство коллективной идентичности. Спортивная секция может быть эффективнее традиционного кураторского часа [7, с. 30].

Личностный рост студента в экосистеме физической культуры проявляется через три механизма. Во-первых, через преодоление себя - так формируется позитивная Я-концепция. Во-вторых, через рефлекссию телесных ощущений - восстанавливается связь с телом, основа эмоциональной саморегуляции [7, с. 31]. В-третьих, через принятие собственного несовершенства - студент учится ставить реалистичные цели.

Внедрение экосистемного подхода требует изменения роли преподавателя. Он становится тьютором здорового образа жизни, помогает выбрать индивидуальную траекторию, подбирает цифровые инструменты, создаёт безопасную психологическую среду. Это требует новых компетенций от владения приложениями до навыков ненасильственной коммуникации [6, с. 46].

Однако есть риски чрезмерной цифровизации: зависимость от гаджетов, тревога из-за «недобитых» шагов. Поэтому в экосистеме нужны «цифровые детоксы» - занятия на природе без гаджетов, практики осознанного движения [4, с. 939]. Экосистема плюралистична: в ней есть место и трекерам, и «медленному» бегу в парке.

Практическая реализация возможна на нескольких уровнях: создание спортивно-оздоровительного портала в вузе, разработка вариативных модулей на кафедре, поддержка студенческих спортивных клубов [2, с. 148]. Пилотные внедрения показывают рост посещаемости и удовлетворённости студентов.

Пилотные внедрения таких экосистем в отдельных российских вузах показывают положительную динамику: рост посещаемости занятий на 25–30 %, снижение числа освобождённых студентов, повышение удовлетворённости дисциплиной. Однако массовый переход требует системных решений – от пересмотра рабочих программ по физической культуре до включения показателей физической активности в рейтингование вузов.

Таким образом, физическая культура как педагогическая экосистема открывает новые возможности для социализации и личностного развития студента в условиях цифрового общества. Отказ от узконормативного подхода в пользу гибкой, персонализированной и технологически насыщенной среды позволяет превратить обязательные занятия из «обузы» в востребованный ресурс самосовершенствования. Ключевыми условиями успеха выступают: переподготовка преподавательских кадров, разумное сочетание цифровых и «аналоговых» практик, а также вовлечение самих студентов в проектирование экосистемы. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку инструментария оценки не только физической подготовленности, но и приращения в soft skills и субъективном благополучии студентов – именно эти метрики станут главными индикаторами эффективности новой педагогической реальности [6, с. 54].

Список литературы

1. Александр Н. Г., Лесникова Г. Н. Роль физической культуры и спорта в воспитании активной жизненной позиции студентов в современном обществе // Инновационные научные исследования 2022: психология и педагогика: сборник материалов IX международной научно-практической конференции. - Москва: Научно-издательский центр "Империя", 2022. - С. 19-23.
2. Агафонова С. И., Коровенкова С. В. Спорт и физическая культура как средство социализации студентов // Вестник Калужского университета. - 2025. - № 1 (66). - С. 146-152.

3. Шестаков О. Н. Адаптивная физическая культура и ее роль в социализации студента // Инновации и качество высшего образования: материалы II Региональной научно-методической конференции. - Донецк: Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, 2024. - С. 288-290.

4. Сенина Ю.О. Влияние фитнес-технологий на мотивацию студентов к занятиям физической культурой // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в современных социально-экономических условиях: материалы Международной научно-практической конференции. - Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2026. - С. 936-940.

5. Ткачева Д. В., Курылев С. В. Мотивация студентов для занятий физической культурой // Наука-2020. - 2023. - № 6 (67). - С. 89-93.

6. Федорова Т. А., Рыбникова О. Л., Жмыхова А. Ю., Жафярова И. В. Soft skills педагога по физической культуре // Педагогические исследования. - 2021. - № 3. - С. 44-57.

7. Баранов Д. А. Здоровьесберегающие технологии на занятиях по физической культуре // Studnet. - 2021. - Т. 4. - № 5. - С. 30.

© Гайнутдинов А.А., Галимова Л.Р.,
Фомина В.А., 2026

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ПОНЯТИЯ «ЗАБОТЛИВОЕ ОТНОШЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ ФГОС НОО

Надимова Альбина Илхомовна

студент

Научный руководитель: **Яшуткин Вячеслав Анатольевич**

к.п.н., доцент

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»

Аннотация: в статье рассматриваются теоретические подходы к определению понятия «заботливое отношение» в педагогике и психологии, анализируется его отражение в требованиях ФГОС НОО. Предлагается авторское понимание сущности заботливого отношения как интегративного личностного качества, раскрывается его структурная организация (когнитивный, эмоционально-ценностный, деятельностно-поведенческий компоненты).

Ключевые слова: заботливое отношение, ФГОС НОО, младшие школьники, структура личности, нравственное воспитание.

THE ESSENCE AND STRUCTURE OF THE CONCEPT OF «CAREFUL ATTITUDE» IN THE CONTEXT OF THE FSES PGE

Nadimova Albina Ilkhomovna

Scientific adviser: **Yashutkin Vyacheslav Anatolyevich**

Abstract: the article discusses theoretical approaches to defining the concept of "caring attitude" in pedagogy and psychology, and analyzes its reflection in the requirements of the Federal State Educational Standard for Primary General Education. The author proposes an original understanding of the essence of caring attitude as an integrative personal quality, and reveals its structural organization (cognitive, emotional-value, and activity-behavioral components).

Key words: caring attitude, Federal State Educational Standard for Primary General Education, younger schoolchildren, personality structure, moral education.

Современный этап развития отечественного образования характеризуется усилением внимания к воспитательной составляющей, что находит отражение в ФГОС НОО [10]. В числе ключевых личностных результатов названо «воспитание уважительного и заботливого отношения к окружающим». Это актуализирует необходимость научного осмысления феномена заботливого отношения, определения его сущности и структуры.

Понятие «заботливое отношение» часто трактуется интуитивно. Однако для эффективного формирования этого качества у младших школьников требуется ясное представление о его структуре. Младший школьный возраст является сенситивным для становления нравственных основ личности [1], поэтому данная проблема имеет не только теоретическую, но и практическую значимость.

Категория «заботливое отношение» имеет междисциплинарный характер. В этическом аспекте забота — это форма нравственного отношения, выражающаяся во внимании к потребностям другого. В философской традиции, восходящей к идеям М.М. Бахтина и С.Л. Рубинштейна, забота понимается как ответственное отношение к другому [2; 7]. В психологии она связана с просоциальным поведением (Г. Мюррей [4]) и рассматривается как элемент любви наряду с ответственностью и уважением (Э. Фромм [11]). В отечественной педагогике проблема воспитания заботливого отношения разрабатывалась в рамках концепции коллективного воспитания (А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский [8]).

В структуре заботливого отношения выделяются три взаимосвязанных компонента:

1. Когнитивный компонент включает знания о заботе как нравственной ценности, понимание чувств и потребностей другого. Как подчёркивает Л.И. Божович, именно осознание нравственных норм создаёт основу для их внутреннего принятия [3].

2. Эмоционально-ценностный компонент — эмпатия, эмоциональная отзывчивость, ценностное отношение к заботе. Согласно исследованиям А.В. Запорожца, именно эмоциональная регуляция выступает механизмом, переводящим знание нравственной нормы во внутреннее побуждение к действию [4].

3. Деятельностно-поведенческий компонент — умения оказывать помощь, волевая регуляция, привычки заботливого поведения.

Выделенные компоненты находятся в диалектическом единстве: знания без эмоционального принятия остаются формальными, а эмоциональная отзывчивость без поведенческих навыков не приводит к действию.

ФГОС НОО [10] задает ориентиры для воспитательной деятельности, включая формирование заботливого отношения в число приоритетных задач. Однако стандарт не дает развернутого определения этого понятия, что делает необходимым создание теоретически обоснованной модели. В Примерной основной образовательной программе начального общего образования [9] конкретизируются планируемые результаты в области духовно-нравственного развития, что задает направления для операционализации понятия.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Сущность понятия: заботливое отношение — это интегративное личностное качество, проявляющееся в устойчивой готовности и способности ребенка к эмпатийному восприятию другого, осознанному принятию норм взаимопомощи и активной практической реализации действий, направленных на благополучие окружающих.

2. Структура качества включает когнитивный, эмоционально-ценностный и деятельностно-поведенческий компоненты.

3. Реализация требований ФГОС НОО [10] предполагает создание образовательной среды, обеспечивающей эмоционально насыщенное общение, развитие эмпатии и рефлексивных умений, а также практическое включение детей в ситуации проявления заботы.

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
2. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М. : Наука, 1986. – С. 80–160.
3. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – СПб. : Питер, 2008. – 400 с.
4. Запорожец, А. В. Эмоциональное развитие дошкольника / А. В. Запорожец // Избранные психологические труды : в 2 т. – М. : Педагогика, 1986. – Т. 1. – С. 258–278.
5. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. – М. : Логос, 2004. – 384 с.

6. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Смысл ; Академия, 2005. – 352 с.
7. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2012. – 224 с.
8. Сухомлинский, В. А. Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – Киев : Радянська школа, 1974. – 288 с.
9. Примерная основная образовательная программа начального общего образования (одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию, протокол от 08.04.2015 № 1/15) (ред. от 04.02.2021) // Официальные документы в образовании. – 2021. – № 12. – С. 12–56.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (утв. приказом Министерства просвещения РФ от 31.05.2021 № 286) // Российская газета. – 2021. – 12 июля.
11. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм; пер. с англ. Л. А. Чернышевой. – М. : АСТ, 2017. – 224 с.

© Надимова А.И., 2026

**СОВМЕСТНАЯ УЧЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
КАК ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН:
ВОЗМОЖНОСТИ КОРРЕКЦИИ САМООЦЕНКИ**

Кульбакина Анастасия Валерьевна

студент

Научный руководитель: **Таран Ольга Алексеевна**

к.п.н., доцент

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный
педагогический институт»

Аннотация: в статье рассматривается совместная учебная деятельность как психолого-педагогический феномен, обладающий значительным коррекционным потенциалом в отношении самооценки младших школьников. Автором раскрываются основные теоретические подходы к пониманию совместной учебной деятельности, анализируются структурные компоненты и условия её организации, способствующие формированию адекватной самооценки. Особое внимание уделяется механизмам коррекции самооценки в условиях кооперативного обучения, парной и групповой работы.

Ключевые слова: совместная учебная деятельность, самооценка, младший школьник, коррекция, кооперативное обучение, рефлексия, зона ближайшего развития.

**JOINT EDUCATIONAL ACTIVITY AS A PSYCHOLOGICAL
AND PEDAGOGICAL PHENOMENON: POSSIBILITIES
OF SELF-ESTEEM CORRECTION**

Kulbakina Anastasia Valeryevna

Scientific adviser: **Taran Olga Alekseevna**

Abstract: the article examines joint educational activity as a psychological and pedagogical phenomenon with significant correctional potential in relation to the self-esteem of primary school children. The author reveals the main theoretical approaches to understanding joint educational activity, analyzes the structural components and conditions of its organization that contribute to the formation of adequate self-esteem. Special attention is paid to the mechanisms of self-esteem correction in the conditions of cooperative learning, pair and group work.

Key words: joint educational activity, self-esteem, primary school child, correction, cooperative learning, reflection, zone of proximal development.

Современные требования ФГОС НОО ориентированы на формирование регулятивных универсальных учебных действий, среди которых ключевое место занимает самооценка. Как заниженная, так и завышенная самооценка затрудняет учебную деятельность младшего школьника [1, с. 12]. Как заниженная, так и завышенная самооценка мешает ребёнку успешно учиться, своевременно распознавать и преодолевать трудности учебной деятельности [7, с. 68]. В связи с этим актуален поиск эффективных средств её коррекции. Одним из таких средств выступает совместная учебная деятельность (СУД), которая, по данным Т.А. Каракулиной, является важным фактором формирования самооценки личности младших школьников [3, с. 24].

Цель статьи – теоретически обосновать СУД как психолого-педагогический феномен и выявить её коррекционные возможности для становления адекватной самооценки младших школьников.

Методологическую основу составляют культурно-историческая концепция Л.С. Выготского (развитие высших психических функций из совместной деятельности) и теория учебной деятельности Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова. Как отмечает Г.А. Цукерман, исходной формой учебной деятельности является её совместное выполнение детьми и взрослыми [6, с. 34-36]. СУД включает общую цель, распределение функций, кооперацию, коммуникацию и рефлексия.

Самооценка младшего школьника (А.В. Захарова) – сложное образование, включающее когнитивный и аффективный компоненты [2, с. 19-20]. В младшем школьном возрасте самооценка ситуативна, зависит от оценки учителя, склонна к поляризации. Это делает период сенситивным для коррекционной работы.

Коррекционный потенциал СУД раскрывается через несколько механизмов. Во-первых, децентрация – ребёнок учится видеть свой результат глазами партнёров. Во-вторых, социальное сравнение со сверстниками позволяет точнее определить границы своих возможностей. В-третьих, опыт взаимооценивания, который, как показано в исследовании М.А. Огурцовой, тесно связан с развитием самооценки [9, с. 28-31]. В-четвёртых, рефлексия, актуализируемая необходимостью аргументировать свою позицию.

Эффективность совместной учебной деятельности как средства коррекции самооценки зависит от соблюдения ряда психолого-педагогических условий. К ним относятся: целенаправленное формирование у младших школьников коммуникативных умений (слушать партнёра, договариваться, распределять роли, оказывать взаимопомощь); создание ситуаций успеха для каждого участника совместной работы; обеспечение положительной взаимозависимости членов группы; обучение школьников приёмам рефлексии и самооценки; постепенный переход от внешней (учительской) оценки к взаимной и самооценке. Практическая реализация этих условий может осуществляться через такие формы организации совместной учебной деятельности, как работа в парах, малых группах, коллективная творческая деятельность, учебные проекты, дискуссии, «круглые столы» и др.

Анализ научной литературы и практики начального образования позволяет выделить несколько этапов коррекционной работы по формированию адекватной самооценки в условиях совместной учебной деятельности. На первом этапе осуществляется диагностика уровня самооценки учащихся и сформированности у них навыков сотрудничества. На втором этапе происходит обучение школьников способам взаимодействия и взаимооценивания в совместной деятельности (например, через «Правила дружной работы»). Третий этап предполагает систематическое включение учащихся в совместное решение учебных задач с последующей рефлексией процесса и результата работы. На заключительном этапе происходит перенос сформированных навыков самооценивания в индивидуальную учебную деятельность.

Примером эффективной методики формирования адекватной самооценки в совместной деятельности может служить подход, предложенный в работе «Методика формирования адекватной самооценки у младших школьников» [11, с. 15-39]. Данная методика включает коллективную выработку эталона самооценки, самостоятельное сравнение мыслей и поступков с эталоном, а также коррекцию и самокоррекцию. Важно отметить, что выработка эталона происходит именно в совместной деятельности (в парах, группах), что позволяет каждому ребёнку присвоить общие критерии оценки и в дальнейшем применять их к себе.

Таким образом, совместная учебная деятельность представляет собой значимый психолого-педагогический феномен, обладающий мощным

коррекционным потенциалом в отношении самооценки младших школьников. Благодаря механизмам децентрации, социального сравнения, взаимооценивания и рефлексии, а также при соблюдении определённых психолого-педагогических условий, совместная учебная деятельность способствует переходу от внешней, недифференцированной и часто неадекватной самооценки к более объективной, дифференцированной и адекватной. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку и апробацию конкретных коррекционно-развивающих программ, интегрирующих различные формы совместной учебной деятельности для целенаправленного формирования самооценки младших школьников, а также на изучение долгосрочных эффектов такой работы.

Список литературы

1. Азизова Н.И., Миназова З.М., Саутиева Ф.Б. Учебная деятельность как фактор формирования самооценки у младших школьников // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 75/4. – С. 12-15.
2. Захарова А.В. Психология формирования самооценки. – Минск, 1993. – 99 с.
3. Каракулина Т.А. Формирование самооценки младших школьников в условиях совместной учебной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Волгоград, 1998. – 18 с.
4. Невзорова М.С., Бакушкина Е.О. Психолого-педагогическая коррекция самооценки младших школьников // Наука и Образование. – 2020. – Т. 3. – № 2.
5. Огурцова М.А. Изучение взаимосвязи показателей опыта сотрудничества и самооценки в младшем школьном возрасте // Психологические науки: теория и практика : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2015 г.). – М. : Буки-Веди, 2015. – С. 68-72.
6. Цукерман Г.А. Что развивает и чего не развивает учебная деятельность младших школьников // Вопросы психологии. – 1998. – № 5. – С. 68-81.
7. Методика формирования адекватной самооценки у младших школьников / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urok.1sept.ru/publication/188241> (дата обращения: 09.04.2026).

8. Витушкина Э.В. Роль учителя в формировании самооценки у младшего школьника // Начальная школа. – 2014. – № 4. – С. 30-33.

9. Формирование самооценки младших школьников в условиях совместной учебной деятельности / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dslib.net/obw-pedagogika/formirovanie-samoocenki-mladshih-shkolnikov-v-uslovijah-sovmestnoj-uchebnoj.html> (дата обращения: 09.04.2026).

© Кульбакина А.В., 2026

ВЛИЯНИЕ ПРЕДМЕТНО-РАЗВИВАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ДЕТСКОМ САДУ НА РАЗВИТИЕ КРЕАТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Назмутдинова Гулькай Замировна

студент

Научный руководитель: **Салпыкова Индира Маратовна**

кандидат педагогических наук, доцент

Институт психологии и образования

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)

Федеральный университет»

Аннотация: в данной статье рассматривается актуальная проблема развития креативности у детей старшего дошкольного возраста в условиях современной системы дошкольного образования. Особое внимание уделяется роли предметно-развивающей среды (ПРС) как одного из ключевых факторов, способствующих формированию и стимулированию творческого потенциала воспитанников. Анализируются основные компоненты ПРС, соответствующие возрастным особенностям и задачам развития креативности, а также предлагаются методические рекомендации для педагогов по организации эффективного образовательного пространства.

Ключевые слова: креативность, дошкольный возраст, предметно-развивающая среда, творчество, развитие ребенка, дошкольное образование, педагогика.

THE INFLUENCE OF THE SUBJECT-DEVELOPMENT ENVIRONMENT IN KINDERGARTEN ON THE DEVELOPMENT OF CREATIVITY IN OLDER PRESCHOOL CHILDREN

Nazmutdinova Gulkay Zamirovna

Scientific supervisor: **Salpykova Indira Maratovna**

Abstract: this article examines the current problem of developing creativity in older preschool children in the context of the modern preschool education system. Special attention is paid to the role of the subject-development environment

as one of the key factors contributing to the formation and stimulation of the creative potential of pupils. The main components of the PRS are analyzed, corresponding to age characteristics and tasks of developing creativity, and methodological recommendations for teachers on the organization of an effective educational space are proposed.

Key words: creativity, preschool age, subject-developing environment, creativity, child development, preschool education, pedagogy.

В наше время, когда общество развивается стремительно и неустойчивость становится нормой, умение мыслить креативно и придумывать инновационные идеи выходит на первый план. Дошкольный возраст считается особенно важным для становления основ творческого мышления – уникальной способности человека создавать нечто новое, оригинальное и ценное. Именно в этот период формируются базовые навыки, которые в будущем способствуют успешному обучению, самовыражению и социальной адаптации.

Одной из ключевых задач дошкольных образовательных учреждений является создание условий, которые максимально способствуют развитию каждого ребенка, включая раскрытие его творческого потенциала. Неотъемлемым элементом этих условий является предметно-развивающая среда (ПРС). Согласно концепции В.А. Петровского, ПРС представляет собой систему материальных объектов и отношений, которые формируют содержание развития ребенка. При грамотной организации, ПРС может служить не просто фоном, но и активным участником образовательного процесса, стимулируя познавательную активность, инициативность и, как следствие, креативность детей [5].

В научной статье Я.С. Григорьевой о влиянии развивающей предметно-пространственной среды на творческие способности детей дошкольного возраста. В статье представлены результаты опытно-экспериментальной работы, показывающие, что специально созданная среда способствует развитию творчества у детей, позволяя им самовыражаться [2].

В работе использовались различные методы, такие как эксперименты с изобразительными материалами, нетрадиционные техники изображения, а также коллективные работы. Результаты показали, что у детей, участвовавших в эксперименте, уровень творческих способностей значительно повысился.

Статья также отмечает, что развитие креативности у детей дошкольного возраста происходит в различных ситуациях, таких как образовательная деятельность, совместная работа с взрослыми и самостоятельная занятость.

Таким образом, создание специальной развивающей среды в детском саду способствует формированию индивидуальных возможностей и поддерживает развитие творческих способностей у детей дошкольного возраста.

1. Понятие креативности и ее проявления в старшем дошкольном возрасте

Креативность – сложное психолого-педагогическое понятие, которое определяется как способность генерировать новые идеи, находить нестандартные решения проблем, проявлять гибкость мышления и оригинальность в деятельности. В дошкольном возрасте креативность проявляется преимущественно в игровой, художественной, конструктивной и познавательной деятельности [6].

Ключевые элементы креативности, развивающиеся у детей старшего дошкольного возраста:

- Беглость: умение генерировать множество идей.
- Гибкость: способность переходить от одного способа мышления к другому и рассматривать задачу с различных перспектив.
- Оригинальность: умение придумывать нестандартные и нетипичные решения.
- Разработанность: способность прорабатывать идею до мельчайших деталей и доводить её до завершения.
- Любознательность: живая заинтересованность в окружающем мире и стремление к изучению нового.
- Воображение: умение создавать образы и фантазировать.
- Самостоятельность: инициативность и способность принимать собственные решения.

2. Предметно-развивающая среда как фактор развития креативности

Предметно-развивающая среда, способствующая развитию детей, включает в себя различные аспекты: пространственные, материальные и психологические условия. Для стимулирования творческого мышления старших дошкольников необходимо учитывать следующие критерии:

- Объекты среды должны быть многофункциональными, чтобы дети могли экспериментировать и развивать свое воображение.
- Наличие разнообразных материалов (природных, художественных, конструктивных) позволяет детям воплощать свои идеи и находить новые способы их реализации.
- Для стимулирования исследовательской деятельности необходимо создавать "уголки экспериментирования", лаборатории и предоставлять материалы для наблюдения за природными явлениями.
- Пространство должно быть изменчивым, чтобы можно было создавать различные зоны для индивидуальной и групповой деятельности.
- Важно, чтобы все материалы были доступны детям и соответствовали стандартам безопасности.
- Среда должна быть эстетически привлекательной, чтобы вызывать положительные эмоции.
- Детям следует предоставлять возможность самостоятельного выбора деятельности, материалов и партнеров для игры [4, с. 80].

3. Компоненты предметно-развивающей среды, способствующие развитию креативности

Игровая зона:

— В рамках сюжетно-ролевых игр дети могут погрузиться в мир театра, использовать костюмы и атрибуты различных профессий, а также поиграть в кукольные театры.

— Конструктивные игры включают в себя различные строительные материалы разной сложности (крупные, мелкие, магнитные, деревянные), конструкторы (LEGO, металлические, деревянные), мозаику и детали для создания объемных фигур.

— Дидактические игры способствуют развитию логики, внимания, памяти и пространственного мышления, а также помогают формированию навыков творческого решения задач.

Зона художественно-творческой деятельности:

— В этой зоне дети могут заниматься рисованием с использованием разнообразных материалов (карандаши, фломастеры, мелки, краски, пальчиковые краски), различных видов бумаги (цветной, белой, ватман) и мольбертов.

— Лепка включает в себя работу с пластилином, глиной, соленым тестом, стеками и формами.

— Аппликация и конструирование предполагают использование цветной бумаги, картона, ножниц, клея, тканей и природных материалов.

— Музыкально-ритмическая деятельность включает работу с различными музыкальными инструментами (шумовыми, ударными, духовыми) и музыкальным центром.

Зона конструирования и технического творчества:

— В этой зоне дети могут заниматься конструированием с помощью мелкого конструктора, робототехники для дошкольников (начального уровня), а также схем и чертежей для моделей.

Зона познавательно-исследовательской деятельности:

— Здесь дети могут проводить исследования в мини-лаборатории (с использованием луп, пипеток, колб, магнитов), изучать коллекции природных материалов (камни, ракушки, листья), пользоваться календарями природы, глобусами и картами.

Библиотека (уголок книги):

— В библиотеке дети могут наслаждаться книгами различных жанров, энциклопедиями и развивающими журналами.

Сенсорный уголок:

— Здесь дети могут исследовать материалы различной фактуры, цвета и формы с помощью тактильных ощущений.

4. Методические рекомендации для педагогов

Для достижения максимального потенциала в развитии креативности детей старшего дошкольного возраста педагогу необходимо:

- Планировать и создавать гибкую среду, которая может быть изменена и обновлена, учитывая интересы детей.
- Поощрять самостоятельный выбор деятельности, давая детям возможность планировать свои действия, выбирать партнеров и материалы.
- Поддерживать инициативу и экспериментирование, поощряя оригинальные идеи, создавая безопасную атмосферу для ошибок.
- Использовать проблемные ситуации, чтобы поставить перед детьми задачи, требующие нестандартных решений.

- Организовывать совместную творческую деятельность, чтобы сотрудничество между детьми и педагогом способствовало обмену идеями и развитию навыков совместной работы.
- Интегрировать различные виды деятельности, объединяя игру, художественную, конструктивную и познавательную деятельность.
- Внимательно наблюдать за детьми, чтобы выявить их интересы, потребности и особенности развития креативности для дальнейшей коррекции методов и педагогической работы.
- Взаимодействовать с родителями, привлекая их к созданию развивающей среды как дома, так и в детском саду [6, с. 21-23].

Заключение

Развивающая среда в детском саду служит важным инструментом в руках педагога для поощрения и развития креативности у детей старшего дошкольного возраста. Умело организованное образовательное пространство, наполненное разнообразными, многофункциональными и стимулирующими материалами, способствует развитию у детей самостоятельности, инициативности, гибкости мышления и способности придумывать оригинальные идеи. Будущие исследования могут быть сосредоточены на изучении влияния отдельных компонентов развивающей среды на различные аспекты креативности, а также на создании методик для оценки уровня креативности дошкольников.

Список литературы

1. Григорьева Я. С. Развивающая предметно - пространственная среда как средство развития творческих способностей у детей дошкольного возраста // Экономика и социум. 2022. № 10-2 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvivayuschaya-predmetno-prostranstvennaya-sreda-kak-sredstvo-razvitiya-tvorcheskih-sposobnostey-u-detey-doshkolnogo-vozrasta>.
2. Гарбер А. И., Иванов Д. В. Развитие творческих способностей у детей дошкольного возраста с помощью игры // Бюллетень науки и практики. 2021. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-tvorcheskih-sposobnostey-u-detey-doshkolnogo-vozrasta-s-pomoschyu-igry>.
3. Гладких М. Ю. Предметно-пространственная развивающая среда / М. Ю. Гладких. - М.: Гэотар-Медиа, 2015. - 529 с.

4. Дьяченко О. М. Развитие воображения дошкольника / О.М. Дьяченко. – М.: Международный образовательный и психологический колледж, 1996. – 197 с.

5. Котова, Е.В., Кузнецова, С.В., Романова, Т.А. Развитие творческих способностей дошкольников / Е.В. Котова, С.В. Кузнецова, Т.А. Романова. – М.: ТЦ Сфера, 2010. – 128 с.

6. Моисеева, И.С., Добродомова, О.С. Развитие творческих способностей у дошкольников в изобразительной деятельности / Проблемы и перспективы развития образования: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2014 г.). - Пермь: Меркурий, 2014. - С. 79-81.

7. Петровский В.А., Маркович Д.Ж, Смывина Л.А., Стрелкова Л.П. Построение развивающей среды в дошкольном учреждении. - М., Научно-методическое объединение «Творческая педагогика», «Новая школа», 2016. - С. 91-128.

© Назмутдинова Г.З.

СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Семенова Анастасия Александровна

студент 2 курса направления
«Специальное (дефектологическое) образование»
профиль спец. «Нейродефектология и комплексное
сопровождение лиц с нарушениями в развитии»

Научный руководитель: **Воронин Сергей Владимирович**

канд. пед. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Аннотация: в статье рассматриваются социально-образовательные особенности у детей младшего школьного возраста, особенности диагностики, классификации и развития детей с расстройством аутистического спектра. Анализируются основные расстройства аутистического спектра по Международной классификации болезней-МКБ-10, их характерные признаки и нарушения: детский аутизм, синдром Аспергера, синдром Ретта и атипичный аутизм. Особое внимание уделяется индивидуальным особенностям и вариативности проявлений, а также влиянию своевременной психолого-педагогической коррекции нарушений на адаптацию и развитие ребенка. Процессы формирования социальных навыков, коммуникативных функций и эмоционально-волевой сферы у детей с расстройством аутистического спектра демонстрируют необходимость комплексного подхода в образовательном процессе.

В статье представлены яркие примеры одарённых людей с диагнозом РАС, что подтверждает возможность реализации их потенциала при правильно организованной помощи. В заключении подчеркнута роль ранней диагностики и системной поддержки в повышении качества жизни и успешной социализации детей с разновидностями расстройств аутистического спектра.

Ключевые слова: письменная речь, коррекция нарушений письменной речи, социальная адаптация, высшие психические функции, расстройство аутистического спектра, психоречевое развитие.

**SOCIAL-EDUCATIONAL FEATURES OF DEVELOPMENT
OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS WITH AUTISTIC
SPECTRUM DISORDER**

Semenova Anastasiya Alexandrovna

Scientific supervisor: **Voronin Sergey Vladimirovich**

Abstract: the article examines the socio-educational characteristics of primary school-aged children, diagnostic features, classification, and development of children with autism spectrum disorder (ASD). It analyzes the main autism spectrum disorders according to the International Classification of Diseases, ICD-10, their characteristic signs and impairments: childhood autism, Asperger's syndrome, Rett syndrome, and atypical autism. Special attention is paid to individual characteristics and the variability of manifestations, as well as the impact of timely psychological and pedagogical correction of impairments on a child's adaptation and development. The processes of social skills formation, communication functions, and the emotional-volitional sphere in children with autism spectrum disorder demonstrate the need for a comprehensive approach in the educational process.

The article presents vivid examples of gifted individuals diagnosed with ASD, which confirms the possibility of realizing their potential with properly organized support. The conclusion emphasizes the role of early diagnosis and systematic support in improving the quality of life and successful socialization of children with various forms of autism spectrum disorders.

Key words: written speech, correction of written speech disorders, autism spectrum disorder, psycholinguistic development.

Введение

Среди детей с ограниченными возможностями здоровья особое внимание уделяется тем, у кого ведущими являются нарушения в эмоционально-волевой сфере, что непосредственно влияет на образовательный процесс и успешность коммуникации. Дети с расстройствами аутистического спектра составляют наиболее уязвимую группу, требующую постоянной психолого-педагогической и, в ряде случаев, медицинской поддержки из-за выраженных сложностей в социально-личностном развитии. РАС проявляется стойкими трудностями в установлении социальных

контактов, ограничением интересов, стереотипными формами поведения и выраженными коммуникативными нарушениями. Современное понимание РАС охватывает широкий спектр проявлений-от легких трудностей до серьезных нарушений, сопровождающихся умственной отсталостью или, напротив, встречающейся одаренностью.

Целью данного исследования стало выявление особенностей психического и социального развития детей с РАС, а также факторов, способствующих проявлению их индивидуальных способностей и успешной интеграции в общество. Практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости создания адаптирующих образовательных условий и поддержки, позволяющей раскрывать потенциал таких детей. К примеру, отдельные юные участники с аутизмом демонстрируют высокие достижения в музыке, литературе и изобразительном творчестве, если получают своевременную квалифицированную помощь и поддержку семьи и специалистов. Таким образом, результаты исследования подчеркивают, что наличие РАС не ограничивает творческих и профессиональных возможностей ребенка, при условии комплексного педагогического сопровождения и инклюзивного подхода. Это создает основания для дальнейшего развития методик поддержки, направленных на эффективную социализацию и полноценную самореализацию детей с аутистическими расстройствами. При сравнительном анализе степени проявления проблем у детей с расстройствами аутистического спектра и уровнем тяжести их психического нарушения выделяются четыре основные группы, характеризующиеся различиями в комплексных системных аспектах поведения. Эти группы демонстрируют различия по таким ключевым параметрам, как уровень избирательности в социальном взаимодействии, способность к произвольной регуляции и организации поведения, особенности социально-функциональных контактов, а также показатели психоречевого развития. Такое различие в системных проявлениях обусловлено не только степенью выраженности симптоматики, но и спецификой адаптационных механизмов, эффективности коммуникативных стратегий и вариативностью уровней когнитивных навыков. Классификация по этим признакам позволяет более точно определить индивидуальные особенности каждого ребенка, что важно для разработки персонализированных программ коррекции и поддержки. Кроме того, понимание этих различий способствует формированию модели системного подхода к реабилитации, направленной на максимальное развитие

потенциальных возможностей детей с РАС и эффективное содействие в социализации и образовательном процессе [1, 2].

В соответствии со сведениями редакции Международной классификации болезней МКБ-10, к расстройствам аутистического спектра относятся:

- Детский аутизм (ранний аутизм, синдром Каннера).
- Синдром Аспергера (аутистическая психопатия).
- Синдром Ретта.
- Атипичный аутизм.

Ранний детский аутизм (синдром Каннера)

Дети с синдромом Каннера проявляют значительные трудности в социальной коммуникации и взаимодействии, впервые отмечаемые в возрасте 2-3 лет. Основные признаки включают задержку или отсутствие речи, снижение интереса к совместной деятельности, недостаточную реакцию на звуковые стимулы и ограниченный зрительный контакт, что свидетельствует о нарушениях в социальном восприятии. Клиническая картина характеризуется повторяющимися стереотипиями-ритмичными движениями, манипуляциями с предметами и моторными ритуалами, а также эхολалией и автоматическими повторениями слов и фраз. Важным аспектом являются сенсорные дисфункции: гиперсенсорность или гипосенсорность, вызывающие необычные реакции на свет, звуки и прикосновения. Коммуникативные возможности минимальны или отсутствуют, развитие самосознания затруднено, речь страдает из-за эхολалий и отсутствия осмысленности. Предпочтение отдается стереотипным играм и предметным действиям, что подчеркивает склонность к рутинам. Реакция на окружение сопровождается повышенной настороженностью и трудностями эмоциональной регуляции. Эти признаки подчеркивают необходимость комплексного подхода в терапии, направленного на развитие адаптивных навыков и социальной интеграции [4, 9].

Синдром Аспергера

Синдром Аспергера отличается от детского аутизма тем, что при данном синдроме сохраняется умение поддерживать общение на интеллектуальном уровне, но при этом отсутствует контакт на эмоциональном уровне [5, 2].

Диагностирование данного состояния основывается на наличии как минимум двух симптомов, свидетельствующих о трудностях во взаимодействии с обществом. Люди с этим диагнозом либо используют невербальные

средства коммуникации (жесты, мимику, зрительный контакт) со значительными затруднениями, либо полностью избегают их. У них часто отсутствует желание делиться своими эмоциями или достигнутыми результатами с окружающими, что затрудняет установление межличностных связей. Одной из ключевых особенностей является дефицит эмоциональной и социальной взаимности. В случае синдрома Аспергера дополнительно отмечаются такие черты, как отсутствие гибкости в поведении и неспособность отклоняться от привычных рутинных действий. Пациенты демонстрируют чрезмерный интерес к определённым стереотипным темам, погружаясь в них с необычайной интенсивностью. Также характерны монотонные стереотипные двигательные движения, например, повороты ладонями или пальцами, которые свидетельствуют о выраженной сосредоточенности и склонности к повторению [1, 2].

Синдром Ретта

До начала развития диагноза ребенок развивается нормально, признаки аутизма не ощутимы, в некоторых случаях происходит отставание моторного развития. В возрасте 8-30 месяцев ребенок начинает проявлять отрешенность, моторные навыки и речь со временем теряются. Дети с РАС утрачивают способность удерживать предметы, приходят мышечные атрофии, дистония, атаксия, развивается кифоз и сколиоз. Жевание заменяет более простой акт сосания. Дают о себе знать дыхательные расстройства. В возрасте 5-6 лет диагноз становятся менее выраженными: дети могут запоминать отдельные слова, начинают играть в простые игры, но затем снова наступает резкое ухудшение состояния. Проявляются тяжелые двигательные нарушения, нарастает атрофия мышц, развивается глубокая умственная отсталость.

Атипичный аутизм

Симптомы атипичного аутизма сходны с проявлениями классического детского аутизма, однако при этом отсутствует один или несколько характерных признаков расстройств аутистического спектра, типичных для синдрома Каннера. У детей с атипичным аутизмом проявляются следующие особенности: появление симптомов после трёх лет, что отличается от раннего начала классического аутизма. В клинике встречаются стереотипные, повторяющиеся и ограниченные виды поведения, а также сложности в установлении взаимодействия с окружающими. Чаще всего атипичный аутизм диагностируют у детей с умственной отсталостью или при тяжелых нарушениях речевой коммуникации [7, 3, 1].

Заключение

Данная классификация служит основным ориентиром для оценки степени и форм нарушения взаимодействия ребенка с окружающей средой, что важно для определения психолого-педагогической стратегии и коррекционного маршрута. Несмотря на степень выраженности аутистических нарушений и поставленный диагноз, необходимо учитывать, что развитие ребенка является непрерывным процессом. Даже внутри одной группы детей с подобным уровнем тяжести особенностей, проявления связаны с индивидуальными вариациями в отношениях с окружающим миром. Завершение коррекционной работы предполагает расширение возможностей ребенка в области коммуникации, интеллектуального развития и социального взаимодействия. Основная задача исследования - сформировать объективные критерии для оценки и отслеживания прогресса, способствовать развитию целенаправленного поведения, освоению социальных норм, а также способствовать адаптации в образовательной среде и наладить коммуникацию с внешним миром. Особенность детей младшего школьного возраста с аутизмом заключается в том, что их возможности и трудности значительно варьируются в зависимости от своевременности оказания поддержки и эффективности проведенной коррекции. Раннее и правильно организованное вмешательство позволяет не только расширить коммуникативные навыки и повысить социальную активность, но и снизить риск формирования стационарных патологических защитных механизмов, препятствующих развитию.

Цель и практическое значение исследования в контексте диагностики и коррекции детей с РАС. Понимание уровня развития и освоения коммуникативных и социальных навыков у школьников с расстройствами аутистического спектра зависит не только от биологических факторов, но и от качества раннего воспитания-среды, в которой рос ребёнок, и педагогической поддержки. Проведенное исследование позволяет понять, как социальные условия и своевременная, правильно организованная коррекционная помощь, а также вовлечённость родителей, способствуют успешной адаптации ребенка в социальной среде. Это подчеркивает важность системного подхода для достижения максимальных результатов и повышения качества жизни детей с аутизмом. Широкий диапазон проявлений у детей с РАС обусловлен тем, что характерные особенности этого нарушения сами по себе серьезны и часто усложняются сопутствующими патологическими состояниями. В более

сложных случаях диагноз аутизм может быть частью более сложной картины нарушений развития или заболеваний, включая моторные и сенсорные расстройства, а также иные нарушения речевого и когнитивного развития. В таких случаях решение о включении ребенка в категорию с РАС оправдано только при доминирующем влиянии аутистических симптомов, которые оказываются ключевыми в общем ходе его психического и социального развития. Исследование подчеркивает, что комплексный анализ и взаимодействие с ребенком позволяют более точно определить, какие трудности обусловлены именно спектром аутистических нарушений, и способствует формированию индивидуальных стратегий поддержки. Это помогает обеспечить комплексную и целенаправленную работу, направленную на коррекцию специфических особенностей и расширение возможностей каждого ребенка как в социуме так и в школьном процессе, что важно для его последующей интеграции и полноценной социализации [1]. Учитывая многообразие характеристик и особенностей детей с диагнозом РАС, важно разрабатывать гибкую и адаптированную образовательную среду, соответствующую их потребностям и возможностям. Проведенное исследование подтверждает необходимость интеграции коррекционных методик на всех этапах обучения, что позволяет улучшить развитие социальных навыков и повысить эффективность образовательного процесса.

Коррекционная деятельность должна быть реализована с учетом индивидуальных особенностей характера и структуры нарушения, а также идти поэтапно - сочетая работу с элементарными и высшими психическими функциями. Соблюдение дидактических принципов и их последовательное применение способствует более гармоничному развитию ребенка и его социализации. Таким образом, исследование подчеркивает важность синергии дифференцированных педагогических подходов и коррекционных техник для достижения максимальных образовательных и социально-психологических результатов у детей с аутистическими расстройствами [8, 1, 2].

Список литературы

1. Агафонова Е.Л. Педагогическое обследование детей младшего школьного возраста с синдромом детского аутизма: (характеристика по результатам диагностического и динамического обследования) / Е.Л. Агафонова, О.О. Григорян // Коррекционная педагогика. - 2006. - № 1. С. 12-30.

2. Аршатская О.О психологической помощи детям раннего возраста при формирующемся синдроме детского аутизма: взаимодействие специалистов и родителей // Дошкольное воспитание, 2006 - № 8, С. 63-70.

3. Аспергер Г. Аутистические психопаты в детском возрасте [Asperger H. Die «Autistischen Psychopathen» im Kindesalter. Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten, 1944.

4. Астапов В.М. Искаженное психическое развитие / В.М. Астапов // Астапов В.М. Введение в дефектологию с основами нейро- и патопсихологии. - М., 1994.

5. Корнев А.Н. Нарушения чтения и письма у детей: Учебно-методическое пособие - СПб.: МиМ, 2007. – 286 с.

6. Лалаева Р. И. Нарушение чтения и письма у младших школьников. Диагностика и коррекция: учебное пособие / Р. И. Лалаева, Л. В. Венедиктова. – Ростов н/Д: Феникс, СПб: Союз, 2004. – 224 с.

7. Нейропсихологическая диагностика, обследование письма и чтения младших школьников / Под общей редакцией Т. В. Ахутиной, О. Б. Иншаковой. — М.: В. Секачев, 2008. – 128 с.

8. Ульянова, Р.К. Проблемы коррекционной работы с аутичными детьми // Педагогический поиск.–1999.– № 9, С. 11–29.

9. Плотникова А.В., Глозман Ж.М. Бригадный подход к диагностике и коррекции трудностей обучения в общеобразовательной начальной школе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 998-1004.

© Семенова А.А.

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
ЗДОРОВЬЕФОРМИРУЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФИЗИЧЕСКОМ
ВОСПИТАНИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ:
АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ**

Татаренко Татьяна Ивановна

студент

Научный руководитель: **Таран Ольга Алексеевна**

к.п.н., доцент

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный
педагогический институт»

Аннотация: в статье представлен теоретический анализ современных подходов к реализации здоровьесформирующих технологий в физическом воспитании младших школьников. Раскрыта сущность понятия «здоровьесформирующие технологии». Обоснована система педагогических условий: создание здоровьесберегающей среды, учёт возрастных особенностей, полисубъектное взаимодействие. Проанализированы нормативно–правовые основания в контексте ФГОС НОО.

Ключевые слова: здоровьесформирующие технологии, физическое воспитание, младший школьный возраст, педагогические условия, полисубъектный подход, ФГОС НОО.

**PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE IMPLEMENTATION
OF HEALTH–FORMING TECHNOLOGIES IN PHYSICAL
EDUCATION OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN:
ANALYSIS OF MODERN APPROACHES**

Tatarenko Tatiana Ivanovna

Scientific adviser: **Taran Olga Alekseevna**

Abstract: the article presents a theoretical analysis of modern approaches to the implementation of health–forming technologies in physical education of primary school children. The essence of the concept of «health–forming technologies» is revealed. The system of pedagogical conditions is substantiated: creating a health – saving environment, taking into account age characteristics, polysubject interaction.

The regulatory framework in the context of the Federal State Educational Standard is analyzed.

Key words: health-forming technologies, physical education, primary school age, pedagogical conditions, polysubject approach, Federal State Educational Standard.

Современное состояние здоровья младших школьников вызывает тревогу: по данным Минздрава России, лишь 14% детей практически здоровы, 50% имеют функциональные отклонения, 35–40% — хронические заболевания. За период обучения в школе в 5 раз возрастает частота нарушений зрения и осанки [1, с. 12]. Младший школьный возраст является сенситивным для формирования основ здорового образа жизни, что требует внедрения здоровьесформирующих технологий в физическое воспитание.

ФГОС НОО определяет сохранение и укрепление здоровья детей как приоритетную задачу начального образования, требуя создания комфортной образовательной среды, гарантирующей охрану физического, психического и социального здоровья обучающихся [2, с. 7].

Понятие «здоровьесформирующие технологии» в педагогике трактуется как система способов организации учебно-воспитательного процесса, обеспечивающих активное укрепление здоровья и формирование устойчивых паттернов здорового образа жизни [3, с. 66]. В отличие от здоровьесберегающих технологий, которые лишь нейтрализуют вредные факторы, здоровьесформирующие направлены на качественное улучшение здоровья и культуры здоровья [4, с. 45]. Беспутчик В.Г., Хотько А.В. и Ярмолук В.А. подчеркивают, что дефицит движений и статическое перенапряжение мышц у младших школьников требуют именно здоровьесформирующих технологий [5, с. 68].

Эффективность их реализации обеспечивается совокупностью педагогических условий.

Организационно-педагогические условия включают создание здоровьесберегающей образовательной среды на уроках физической культуры и во внеурочной деятельности. Демина А.Ю. отмечает, что такая среда требует учёта индивидуальных особенностей и сотрудничества учителя, ученика и родителя [6, с. 51]. Также важна материально-техническая база: инвентарь, оборудование для релаксации и дыхательных упражнений.

Содержательные условия предполагают отбор вариативных модулей программы, интеграцию дыхательной и, релаксации, подвижных игр

оздоровительной направленности, формирование знаний о здоровье. Кондратьев А.Н. экспериментально обосновал эффективность использования средств традиционного каратэ на уроках физкультуры в первых классах [7, с. 102].

Методические условия связаны с использованием игровых технологий, проблемного обучения, проектной деятельности, самоконтроля. Баранова Н.А. систематизировала методы взаимосвязи культуры здоровья с физической культурой в начальной школе [8, с. 20]. Игровой метод является ведущим для младших школьников.

Психолого–педагогические условия требуют учёта возрастных и индивидуальных особенностей, создания комфортной атмосферы, положительной мотивации, дифференцированного подхода к нагрузке. Виленская Т.Е. подчёркивает важность учёта темперамента, утомляемости и тревожности ребёнка [1, с. 67].

Важнейшим условием является полисубъектный подход. Вахитова Г.Х. и Поздеева С.И. указывают, что здоровьесберегающая технология ориентирует педагогов и родителей на совместную работу [9, с. 195]. В процесс должны быть вовлечены учитель физкультуры, классный руководитель, психолог, медик, родители и сами дети.

Нормативно–правовые условия определяются ФГОС НОО, СанПиН и локальными актами. Деятельность школы по здоровьесформированию должна быть научно обоснованной, последовательной, учитывать возрастные особенности [2, с. 12].

Анализ подходов позволяет выделить перспективные направления: разработка комплексных здоровьесформирующих программ, изучение эффективности различных видов двигательной активности, создание диагностического инструментария, подготовка педагогов к реализации данных технологий.

Таким образом, реализация здоровьесформирующих технологий в физическом воспитании младших школьников обеспечивается системой условий: здоровьесберегающая среда, адекватное содержание и методы, учёт индивидуальных особенностей, полисубъектное взаимодействие, нормативно–правовое обеспечение. Комплексная реализация этих условий позволит сформировать у детей устойчивую мотивацию к здоровому образу жизни, что является стратегической задачей начального образования.

Список литературы

1. Виленская, Т. Е. Теория и методика физического воспитания: оздоровительные технологии физического воспитания младших школьников : учебное пособие. – 2–е изд. – Москва : Юрайт, 2024. – 285 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования : приказ Минпросвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 286. – Москва, 2021. – 47 с.
3. Гаджимурадова, Р. Т. Педагогические условия проектирования и реализации здоровьесформирующей технологии физического воспитания младших школьников : дис. ... канд. пед. наук. – Махачкала, 2006. – 167 с.
4. Смирнов, Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии и психология здоровья в школе. – Москва : АРКТИ, 2005. – 320 с.
5. Беспутчик, В. Г., Хотько, А. В., Ярмолук, В. А. Здоровьесберегающие и здоровьесформирующие технологии профилактики нарушений и воспитание осанки у детей младшего школьного возраста // Вестник Брестского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 65–72.
6. Демина, А. Ю. Использование образовательных здоровьесберегающих технологий в индивидуальном обучении младших школьников // Сборник статей 15–й Всероссийской научно–практической конференции. – Екатеринбург : РГППУ, 2024. – С. 50–53.
7. Кондратьев, А. Н. Здоровьесформирующая технология физического воспитания младших школьников на основе использования традиционного каратэ : дис. ... канд. пед. наук. – Краснодар, 2010. – 185 с.
8. Баранова, Н. А. Здоровьесберегающие технологии и эффективность их использования в начальной школе // Образование и воспитание. – 2023. – № 5 (46). – С. 19–21.
9. Вахитова, Г. Х., Поздеева, С. И. Теория и практика здоровьесбережения в современной начальной школе // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 12. – С. 194–196.

© Татаренко Т.И., 2026

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРНОЙ РАБОТЫ НА УРОКАХ
КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЗИТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЛАДШИХ
ШКОЛЬНИКОВ СО СВЕРСТНИКАМИ**

Цыптаури Паулина Александровна

студент

Научный руководитель: **Яшуткин Вячеслав Анатольевич**

к.п.н., доцент

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный
педагогический институт»

Аннотация: в статье рассматривается организация парной работы на уроках в начальной школе как педагогическое условие формирования способности младших школьников к позитивному взаимодействию со сверстниками. На основе теоретического анализа выделены ключевые условия эффективной парной работы: обучение коммуникативным техникам, рефлексия, смена пар, оценка кооперации. Приведены результаты формирующего эксперимента, подтверждающие положительную динамику уровня взаимодействия. Даны методические рекомендации для учителей.

Ключевые слова: парная работа, позитивное взаимодействие, младшие школьники, совместная учебная деятельность, педагогические условия, коммуникативные навыки.

**ORGANIZATION OF PAIR WORK IN LESSONS
AS A PEDAGOGICAL CONDITION FOR THE FORMATION
OF POSITIVE INTERACTION AMONG PRIMARY
SCHOOL CHILDREN WITH PEERS**

Tsyptauri Paulina Alexandrovna

Scientific adviser: **Yashutkin Vyacheslav Anatolyevich**

Abstract: the article considers the organization of pair work in primary school lessons as a pedagogical condition for the formation of primary school children's ability to interact positively with peers. Based on theoretical analysis, key conditions for effective pair work are identified: teaching communication

techniques, reflection, changing partners, and evaluation of cooperation. The results of a formative experiment confirming positive dynamics in the level of interaction are presented. Methodological recommendations for teachers are given.

Key words: pair work, positive interaction, primary school children, joint learning activity, pedagogical conditions, communication skills.

Актуальность исследования обусловлена требованиями Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования [1, с. 7], который в качестве метапредметных результатов выделяет готовность слушать собеседника и вести диалог, признавать возможность различных точек зрения. На практике младшие школьники часто испытывают трудности при необходимости согласовывать действия и конструктивно разрешать разногласия. Формирование способности к позитивному взаимодействию со сверстниками становится ключевой задачей начальной школы. Среди множества педагогических условий особое место занимает организация парной работы, поскольку парная форма учебного сотрудничества создаёт естественную коммуникативную среду. Цель статьи – теоретически обосновать и раскрыть педагогические условия эффективной организации парной работы как средства формирования позитивного взаимодействия младших школьников.

Проблема взаимодействия детей в учебном процессе глубоко разработана в отечественной психологии. Л.С. Выготский подчёркивал, что зона ближайшего развития раскрывается в совместной деятельности со сверстником [2, с. 256]. В исследованиях В.В. Давыдова [3, с. 112] и Д.Б. Эльконина [4, с. 34] показано, что учебное сотрудничество является источником развития личности и мышления младшего школьника. Г.А. Цукерман ввела понятие «умение учиться», центральным компонентом которого выступает способность к кооперации [5, с. 87]. Парная работа, в отличие от групповой, обеспечивает более плотный контакт и снижает риск пассивного участия. В паре каждый ученик вынужден включаться в выполнение задания, тренируя умение слышать партнёра и аргументировать свою позицию.

Позитивное взаимодействие со сверстниками мы определяем, как процесс согласованных действий, направленных на решение общей учебной задачи, характеризующийся взаимопомощью и уважением к мнению другого. В младшем школьном возрасте дети 7–10 лет уже могут удерживать цель, но

испытывают трудности в распределении ролей и контроле импульсов [6, с. 102]. Поэтому педагогические условия организации парной работы должны учитывать возрастные особенности: частую смену партнёров, чёткий алгоритм, речевые образцы. Эффективность возрастает, если учитель целенаправленно обучает детей правилам взаимодействия: говорить по очереди, задавать уточняющие вопросы, благодарить.

В рамках исследования выделены следующие педагогические условия. Первое – постепенное введение парной работы с предварительным обучением коммуникативным техникам (от взаимопроверки к заданиям с распределением функций). Второе – использование рефлексивных карточек («Удалось ли договориться?»). Третье – динамичная смена пар. Исследования показывают, что работа с постоянным партнёром приводит к закреплению ролей, тогда как смена пар развивает гибкость [7, с. 201]. Четвёртое – создание ситуаций успеха и публичное поощрение качества взаимодействия, а не только академического результата.

Для проверки условий проведён формирующий эксперимент на базе школы г. Ставрополя. Участвовали 46 второклассников (экспериментальная и контрольная группы). На констатирующем этапе использована методика «Рукавички» Г.А. Цукерман [5, с. 112], выявившая преобладание низкого и среднего уровней взаимодействия. В экспериментальной группе в течение трёх месяцев на уроках систематически организовывалась парная работа с соблюдением условий. В контрольной группе парная работа проводилась эпизодически, без обучения взаимодействию и рефлексии.

Контрольная диагностика показала: в экспериментальной группе доля учащихся с высоким уровнем позитивного взаимодействия выросла с 12% до 52%, с низким сократилась с 38% до 9%. В контрольной группе динамика незначительна (высокий уровень с 13% до 21%). Подтверждена эффективность выделенных условий.

Успешность парной работы зависит от профессиональной позиции учителя. Формальная организация без обучения стратегиям приводит к закреплению негативного опыта. Необходима подготовка учителя к технологиям парного взаимодействия [7, с. 205]. Рекомендуется начинать с пар по желанию, затем вводить случайные пары, а для отработки сложного согласования – пары с противоположными точками зрения.

Важна и предметная специфика. На русском языке эффективна взаимопроверка диктантов, редактирование текстов; на математике – обсуждение разных способов вычисления; на окружающем мире – распределение ролей в

мини-исследовании. Учитель должен формулировать задачу для пары: не «реши пример», а «договоритесь и запишите общее решение». Это смещает фокус с индивидуального соревнования на кооперацию [9, с. 76].

Потенциальные трудности: дети с разной скоростью работы, повышенной тревожностью. Необходимы индивидуальные стратегии: подбор совместимого партнёра, визуальные опоры [5, с. 120; 6, с. 108]. В эксперименте два ребёнка с коммуникативными трудностями сначала работали в паре с учителем, затем с терпеливым одноклассником. К концу эксперимента оба продуктивно взаимодействовали в парах.

Таким образом, организация парной работы на уроках является действенным педагогическим условием формирования способности младших школьников к позитивному взаимодействию. Ключевые условия: обучение коммуникативным действиям, рефлексия, динамичная смена пар, оценка кооперации.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (утв. приказом Минобрнауки России от 06.10.2009 № 373, в ред. от 11.12.2020). – М.: Просвещение, 2021. – 47 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
3. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.
4. Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника. – М.: Знание, 1974. – 64 с.
5. Цукерман Г.А. Виды общения в обучении. – Томск: Пеленг, 1993. – 268 с.
6. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов. – М.: Академия, 2000. – 184 с.
7. Рубцов В.В. Социально-генетическая психология развивающего образования: деятельностный подход. – М.: МГППУ, 2008. – 416 с.
8. Кравцова Е.Е. Психологические проблемы готовности детей к обучению в школе. – М.: Педагогика, 1991. – 152 с.

© Цыптаури П.А., 2026

THE USE OF CHATBOTS AND VOICE-BASED ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN DEVELOPING ENGLISH SPEAKING SKILLS OF HIGH SCHOOL STUDENTS

Sadvakasova Amina Karipbaykyzy
student

Tulegenova Aida Meirambekovna
art teacher, master of education
NJSC «Eurasian National University
named after L.N. Gumilyov»

Abstract: the article examines the impact of digital technologies, particularly conversational artificial intelligence, on English language teaching. It analyzes the methodological potential of chatbots and voice-based AI systems in developing speaking skills among high school students. Special attention is given to pedagogical mechanisms, communicative aspects, and linguistic features of AI-mediated interaction. The study shows that the use of these technologies contributes to the development of communicative competence, increases learner motivation, and enhances speaking activity.

Key words: artificial intelligence, chatbots, English language teaching, speaking skills, communicative competence, digital technologies, language learning

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАТ-БОТОВ И ГОЛОСОВОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Садвакасова Эмина Карипбайқызы
студент

Тулегенова Аида Мейрамбековна
ст. преподаватель, магистр образования
НАО «Евразийский Национальный
университет имени Л.Н. Гумилёва»

Аннотация: в статье рассматривается влияние цифровых технологий, в частности разговорного искусственного интеллекта, на обучение

английскому языку. Анализируется методический потенциал чат-ботов и голосовых ИИ-систем в развитии навыков устной речи у старшеклассников. Особое внимание уделяется педагогическим механизмам, коммуникативным аспектам и лингвистическим характеристикам ИИ-опосредованного взаимодействия. Показано, что использование данных технологий способствует формированию коммуникативной компетенции, повышению мотивации обучающихся и развитию их речевой активности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, чат-боты, обучение английскому языку, устная речь, коммуникативная компетенция, цифровые технологии, языковое обучение.

Relevance of the research problem. In the context of rapid technological development and the digitalization of education, the integration of innovative technologies into foreign language teaching has become increasingly important. One of the most challenging aspects of English as a Foreign Language (EFL) instruction is the development of students' speaking skills, since many learners experience limited opportunities for authentic communication and often face psychological barriers during oral interaction [1]. As a result, traditional classroom practices do not always provide sufficient conditions for continuous speaking practice and communicative competence formation [2].

At the same time, recent advances in artificial intelligence have created new possibilities for enhancing language learning environments. Conversational technologies such as chatbots and voice-based artificial intelligence systems can simulate interactive dialogue and provide learners with immediate feedback, thereby supporting the development of oral communication skills [3]. Therefore, investigating the pedagogical and linguistic potential of AI-assisted speaking practice represents a relevant and significant research direction in modern foreign language education.

Research aim. The aim of this study is to analyze the methodological and linguistic potential of chatbots and voice-based artificial intelligence in developing English speaking skills among high school students.

Materials and methods. The research is based on the theoretical analysis of scientific literature in the fields of foreign language pedagogy, digital education, and artificial intelligence-assisted language learning. The study employs several research methods, including the analysis of pedagogical and linguistic literature, comparative analysis of AI-based learning technologies, methodological modeling of AI-integrated speaking activities, and linguistic analysis of AI-generated

dialogue structures. The materials of the research include academic publications on communicative language teaching, artificial intelligence in education, and digital language learning tools such as conversational chatbots and voice assistants [4].

Result and discussion. Artificial intelligence technologies are increasingly being implemented in educational contexts due to their ability to simulate intelligent interaction and support personalized learning experiences. In language education, AI systems can analyze learner input, generate responses, and facilitate real-time communication. Conversational AI systems enable learners to engage in continuous dialogue practice, which is essential for developing oral fluency and communicative competence. Unlike traditional learning environments, AI tools provide immediate interaction without time or space limitations [5].

Chatbots represent one of the most widely used forms of conversational artificial intelligence in language learning. A chatbot is a computer program designed to simulate conversation with human users through text or voice interaction. In language learning contexts, chatbots function as virtual interlocutors that provide students with opportunities for both structured and spontaneous communication. The pedagogical value of chatbots lies in their ability to create interactive dialogue scenarios, encourage spontaneous speech production, reduce anxiety associated with speaking in a foreign language, and provide immediate feedback to learners. As a result, students can practice communication skills in a comfortable digital environment without fear of making mistakes.

Chatbots can be effectively integrated into both classroom instruction and independent learning activities. They provide learners with opportunities to practice everyday communication topics such as greetings, discussions, problem-solving dialogues, and role-play interactions. Continuous interaction with conversational systems contributes to the development of speaking fluency, lexical flexibility, and communicative confidence.

Table 1

Pedagogical advantages of chatbots in language learning

Function	Description	Educational Impact
Interactive dialogue	Simulated conversation with AI	Improves speaking fluency
Immediate feedback	Automatic response generation	Enhances error awareness
Personalised learning	Adaptation to user input	Supports individual learning pace

Продолжение таблицы 1

Unlimited practice	Continues communication	Increases speaking confidence
--------------------	-------------------------	-------------------------------

Voice-based artificial intelligence technologies also play a significant role in the development of speaking skills. These systems allow students to interact with digital platforms using spoken language. Modern voice-based AI tools incorporate advanced speech recognition algorithms capable of analyzing pronunciation, intonation, and speech clarity. This technological functionality allows learners to receive immediate responses and corrections during the speaking process [6].

Voice-based interaction is particularly beneficial for developing speaking competence because it closely replicates authentic communication situations. Students practice pronunciation, sentence construction, and conversational strategies in real time. Such interaction strengthens learners' confidence in using a foreign language and contributes to the development of natural speech patterns. In addition, voice-based AI systems provide opportunities for repetitive practice, which is essential for improving oral fluency and pronunciation accuracy [7].

From a linguistic perspective, communication mediated by artificial intelligence represents a specific form of digital discourse. Dialogue with chatbots often includes simplified grammatical constructions, clearly structured sentences, and predictable conversational sequences that support language comprehension and practice. These linguistic features make AI-based dialogue especially useful for language learners who require structured communication patterns during the early stages of speaking development.

The linguistic characteristics of AI-generated communication can be analyzed at several levels. At the lexical level, it is possible to examine vocabulary diversity and frequency of word usage in AI responses. At the grammatical level, researchers can analyze sentence structures and syntactic patterns that form the basis of conversational interaction. At the discourse level, the focus shifts to the organization of conversational turns and the coherence of dialogue structure. These elements demonstrate that AI-generated responses typically follow clear communicative patterns that facilitate language learning and interactive speaking practice [4].

The successful implementation of artificial intelligence technologies in language education requires careful methodological planning. Teachers should integrate chatbots and conversational AI systems into communicative learning tasks rather than using them as isolated technological tools. When properly incorporated

into the teaching process, AI technologies can significantly enhance the effectiveness of speaking practice.

Effective AI-based speaking activities may include simulated interviews, role-play dialogues, debate simulations, storytelling interactions, and problem-solving conversations. Such activities encourage students to use language creatively, express personal opinions, and participate in meaningful communication. Through repeated practice in interactive AI-supported environments, learners gradually develop speaking fluency, confidence, and communicative competence [5].

Table 2

Types of AI-supported speaking activities

Activity type	Description	Learning outcome
Role-play dialogue	Simulated conversation with chatbot	Improves communicative competence
Interview practice	AI asks questions	Develops spontaneous speech
Storytelling	Student narrates events	Enhances narrative skills
Debate simulation	Argumentative dialogue	Develops critical thinking

Conclusion. The integration of artificial intelligence technologies into foreign language education represents a significant methodological innovation. Chatbots and voice-based AI systems create interactive communicative environments that support continuous speaking practice and enhance learner engagement.

The analysis demonstrates that conversational AI tools contribute to the development of key components of communicative competence, including fluency, lexical diversity, and grammatical accuracy. Furthermore, these technologies reduce psychological barriers and encourage students to participate actively in oral communication. From a pedagogical perspective, AI-based conversational systems should be considered complementary tools that enrich traditional teaching methods. When integrated into communicative learning activities, they provide valuable opportunities for individualized language practice and autonomous learning [7].

Consequently, the use of chatbots and voice-based artificial intelligence represents a promising direction in modern foreign language pedagogy and has considerable potential for improving speaking skills among high school students.

References

1. Kunanbayeva S. Theory and Practice of Modern Foreign Language Education. – Almaty: Kazakh University, 2010. – p. 54.
2. Zhaitapova A. Scientific and Methodological Foundations of Communicative Competence Formation. – Almaty: Bilim, 2009. – p. 41.
3. Deng X., Yu S. Artificial intelligence-assisted language learning: A systematic review. Educational Research Review. – 2023. – p. 3–6.
4. Warschauer M., Healey D. Computers and Language Learning: An Overview. Language Teaching. – 1998. – p. 58–60.
5. Godwin-Jones R. Emerging technologies: Chatbots and language learning. Language Learning & Technology. – 2023. – p. 4–8.
6. Li J., Wang Y. Voice-based artificial intelligence in EFL speaking practice. Journal of Educational Computing Research. – 2022. – p. 214–215.
7. Kukulska-Hulme A., Lee H. Mobile-assisted language learning and conversational AI. ReCALL. – 2020. – p. 92–98.

© Sadvakasova A.K., Tulegenova A.M.

**ПРОФИЛЬНАЯ ПРЕДПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ПОДГОТОВКА В ИНЖЕНЕРНЫХ КЛАССАХ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Холод Ольга Игоревна

учитель иностранного языка

МАОУ «СОШ № 5»

Архангельская область, г. Северодвинск

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты организации профильной предпрофессиональной подготовки в инженерных классах общеобразовательных школ. Анализируются цели, задачи, содержание и методы обучения, а также оцениваются результаты внедрения инженерных классов в систему общего образования. Особое внимание уделяется взаимодействию школ с вузами и предприятиями, а также формированию у учащихся практических навыков и инженерного мышления.

Ключевые слова: инженерное образование, предпрофессиональная подготовка, инженерные классы, профильное обучение, практико-ориентированный подход.

**SPECIALIZED PRE-PROFESSIONAL TRAINING
IN ENGINEERING CLASSES: MODERN
APPROACHES AND PROSPECTS**

Kholod Olga Igorevna

Abstract: this article examines key aspects of organizing specialized pre-professional training in engineering classes in general education schools. The goals, objectives, content, and teaching methods are analyzed, and the results of integrating engineering classes into the general education system are assessed. Particular attention is paid to the interaction of schools with universities and enterprises, as well as to the development of practical skills and engineering thinking in students.

Key words: engineering education, pre-professional training, engineering classes, specialized training, practice-oriented approach.

В современных условиях научно-технического прогресса и цифровизации экономики наблюдается острая потребность в высококвалифицированных инженерных кадрах. Формирование устойчивого интереса к инженерным профессиям необходимо начинать на ранних этапах обучения. Организация профильных инженерных классов в общеобразовательных организациях выступает одним из наиболее эффективных механизмов решения данной задачи.

Основная цель создания инженерных классов заключается в формировании у школьников устойчивого интереса к инженерным специальностям и подготовке их к осознанному выбору профессионального пути.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие ключевые задачи:

1. Развитие технического и логического мышления учащихся.
2. Формирование фундаментальных знаний в области математики, физики, информатики.
3. Ознакомление с современными инженерными технологиями.
4. Развитие навыков проектной и исследовательской деятельности.
5. Создание условий для ранней профессиональной ориентации.
6. Содержание образовательного процесса.

Методическая база инженерных классов должна включать в себя современные учебные пособия, практические руководства, методические рекомендации, диагностические материалы, критерии оценки результатов.

Учебный план инженерных классов должен предусматривать углублённое изучение профильных предметов. Математика изучается 5–6 часов в неделю, физика — 4–5 часов, информатика — 3–4 часа. В программу включены специальные курсы и факультативы, охватывающие основы робототехники, 3D-моделирования и прототипирования, а также введение в инженерное проектирование.

Практико-ориентированные формы работы включают лабораторные и практические занятия с использованием современного оборудования, проектную деятельность, участие в конкурсах и олимпиадах технического профиля, экскурсии и мастер-классы на предприятиях, взаимодействие с внешними организациями.

Эффективная предпрофессиональная подготовка невозможна без тесного сотрудничества с вузами и предприятиями. Партнёрство с вузами реализуется через проведение совместных образовательных программ,

привлечение преподавателей к преподаванию спецкурсов, организацию профориентационных мероприятий. Сотрудничество с предприятиями включает в себя экскурсии на производство, наставничество со стороны опытных инженеров, реализацию совместных проектов, создание ресурсных центров на базе школ.

В современных условиях особую актуальность приобретает внедрение инновационных методов обучения в инженерных классах. Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью образовательного процесса. Использование виртуальной и дополненной реальности позволяет создавать интерактивные учебные материалы, моделировать сложные технические процессы, проводить виртуальные лабораторные работы, организовывать удалённые практические занятия. Вместе с тем проектная деятельность выходит на новый уровень благодаря внедрению современных САД-систем, использованию 3D-принтеров, применению IoT-технологий, разработке умных устройств.

Важным аспектом подготовки будущих инженеров является также комплексное психолого-педагогическое сопровождение. Оно включает в себя диагностику профессиональных склонностей, развитие soft skills, формирование командных навыков, психологическую поддержку в процессе проектной деятельности.

Анализ результатов внедрения инженерных классов демонстрирует положительные тенденции. Наблюдается значительное повышение мотивации школьников к изучению технических дисциплин, рост числа участников и призёров олимпиад и конкурсов технического профиля.

По данным мониторинга 2023 года, около 70% выпускников инженерных классов поступают в технические вузы, что существенно превышает средний показатель по стране. Это свидетельствует об эффективности выбранной модели предпрофессиональной подготовки.

Для дальнейшего совершенствования системы предпрофессиональной подготовки необходимо расширять сеть партнёрских организаций, обновлять материально-техническую базу, разрабатывать единые стандарты и программы, повышать квалификацию педагогов, усиливать профориентационную работу, внедрять цифровые образовательные ресурсы и инновационные методы обучения.

Финансирование инженерных классов требует комплексного подхода, который включает несколько ключевых направлений. Прежде всего,

осуществляется активное привлечение грантовых средств от различных фондов и государственных программ поддержки образования. Параллельно развивается система партнерских отношений с бизнес-структурами, которые заинтересованы в подготовке квалифицированных инженерных кадров и готовы оказывать финансовую и материально-техническую поддержку.

Важным элементом финансового обеспечения является оптимизация использования имеющихся ресурсов, что позволяет максимально эффективно распределять средства между различными направлениями деятельности инженерных классов. При этом ведется постоянный поиск дополнительных источников финансирования, включая участие в конкурсах, проектах и программах развития образования.

Особое внимание уделяется эффективному распределению бюджетных средств, которое осуществляется на основе четкого планирования расходов и приоритетности направлений использования финансов. Это позволяет обеспечить своевременное оснащение классов необходимым оборудованием, закупку современных учебных материалов и проведение различных образовательных мероприятий.

Такой многовекторный подход к финансированию инженерных классов создает устойчивую финансовую базу для их развития и позволяет обеспечивать высокое качество образовательного процесса, внедрять инновационные технологии обучения и поддерживать материально-техническую базу на современном уровне.

Профильная предпрофессиональная подготовка в инженерных классах представляет собой важный шаг на пути формирования будущего поколения инженеров. Она не только обеспечивает углублённое изучение технических дисциплин, но и способствует развитию практических навыков, необходимых для успешной профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Агатова О. А. Развитие профильного и предпрофессионального образования: монография / О. А. Агатова. — М.: Флинта, 2022. — 180 с.
2. Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / под общ. ред. Л. Н. Банниковой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 364 с.

3. Васильева О. Н. Инженерные классы как инструмент профессиональной навигации / О. Н. Васильева, Н. В. Коновалова // Высшее образование в России. — 2018. — Т. 27. — № 12. — С. 136–143.

4. Весманов С. В. Предпрофессиональное образование в московской школе: анализ практик работы школьных и межшкольных команд / С. В. Весманов, В. В. Источников. — М.: ГОУ ВПО МПГУ, 2020. — С. 74–84.

5. Граськин С. С. Организация современной развивающей образовательной среды в инженерных классах / С. С. Граськин, Е. Е. Граськина // Моделирование и конструирование в образовательной среде: материалы III Всерос. (с междунар. участием) научно-практич., методологической конф. для научно-педагогического сообщества (г. Москва, 18 апреля 2018 г.). — М., 2018. — С. 46–55.

© Холод О.И., 2026

**СЕКЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

УДК 338.48: 004.8

**SWOT-АНАЛИЗ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИЧНОЙ МОДЕЛИ
КУРОРТНОГО ПРОСТРАНСТВА КАБАРДИНО-
БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Тлисов Алихан Адамович
магистрант 2 курса направления
подготовки «Гостиничное дело»
Институт менеджмента, туризма
и индустрии гостеприимства
Дзахмишева Ирина Шамильевна
д.э.н., профессор
Институт менеджмента, туризма
и индустрии гостеприимства
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова»
Научный руководитель: **Дзахмишева Ирина Шамильевна**

Аннотация: в статье представлен SWOT-анализ человекоцентричной модели управления курортным пространством Кабардино-Балкарской Республики. Выявлены сильные и слабые стороны, возможности и угрозы внедрения модели, разработаны стратегические приоритеты и количественно обоснованы ожидаемые эффекты.

Ключевые слова: SWOT-анализ, человекоцентричность, курортное пространство, Приэльбрусье, стратегические приоритеты.

**SWOT ANALYSIS OF A HUMAN-CENTERED RESORT
SPACE MODEL IN THE KABARDINO-
BALKARIAN REPUBLIC**

Tlisov Alikhan Adamovich
Dzakhmisheva Irina Shamilevna

Abstract: this article presents a SWOT analysis of a human-centered resort management model in the Kabardino-Balkarian Republic. The strengths,

weaknesses, opportunities, and threats of implementing the model are identified, strategic priorities are developed, and the expected effects are quantified.

Key words: SWOT analysis, human-centricity, resort space, Elbrus region, strategic priorities.

Введение

Курортное пространство Приэльбрусья демонстрирует рекордный рост туристского потока (с 1,5 млн. человек в 2021 г. до 2,5 млн. человек в 2025 г.). Вместе с тем, обострилось противоречие между экономическими выгодами от туризма и качеством жизни местного населения; между экономическими выгодами от туризма и качеством жизни местного населения; отсутствует системный диалог между местным населением, туристами и бизнесом, а также прозрачность принятия решений, которые при отсутствии своевременных управленческих решений могут привести к деградации территории.

Именно в этих условиях человекоцентричная модель управления, ставящая во главу угла качество жизни местного населения, удовлетворенность гостей и баланс интересов всех участников, перестает быть теоретической абстракцией и превращается в жизненно необходимый инструмент предотвращения социально-экологической катастрофы и обеспечения долгосрочной конкурентоспособности курорта. Для практической реализации этой установки необходима разработка стратегических приоритетов, что и определяет актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – проведение SWOT-анализа человекоцентричной модели управления курортным пространством Кабардино-Балкарской Республики для обоснования стратегических приоритетов ее развития.

В работе использованы метод SWOT-анализа для оценки внутренних и внешних факторов. Эмпирическую базу исследования составили: официальные статистические данные КБРстата и Министерства курортов и туризма КБР, документы стратегического планирования, результаты экспертных интервью, а также научные публикации по проблематике развития туристско-рекреационного комплекса КБР [1-7].

Результаты и обсуждение

Человекоцентричная модель управления курортным пространством базируется на признании человека (как гостя, так и местного жителя) главной ценностью и источником конкурентоспособности территории [2]. Ее ключевыми принципами выступают: учет интересов всех групп стейкхолдеров –

местного населения, туристов, бизнеса, органов власти; прозрачность и открытость управленческих решений и механизмов распределения ресурсов; обратная связь и соучастие – вовлечение стейкхолдеров в процессы планирования, реализации и контроля; социальная и экологическая ответственность как приоритеты при принятии решений; долгосрочная устойчивость развития территории.

На основе анализа научной литературы, экспертных интервью и статистических данных проведен SWOT-анализ (таблица 1) [1-7].

Таблица 1

**SWOT-анализ человекоцентричной модели
курортного пространства КБР**

Сильные стороны	Слабые стороны
<ol style="list-style-type: none"> 1. Уникальные природно-рекреационные ресурсы (минеральные воды, горный климат, ландшафты). 2. Наличие научно-образовательной базы (КБГУ, программы «Приоритет 2030»). 3. Развивающаяся туристская инфраструктура (ОЭЗ «Эльбрус», Кавказ.РФ). 4. Поддержка на уровне Главы КБР, проведение стратегических сессий. 5. Разработка инновационных решений («умные» гаджеты, медицинский кластер). 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокий износ инфраструктуры советского периода (до 60-70%). 2. Кадровый дефицит (особенно в сфере сервиса и медицины). 3. Недостаточная цифровизация процессов управления. 4. Отсутствие единой платформы бронирования и навигации. 5. Неравномерность распределения турпотока (сезонность).
Возможности	Угрозы
<ol style="list-style-type: none"> 1. Реализация нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства». 2. Создание высокогорного медицинского кластера. 3. Развитие научно-популярного и инклюзивного туризма. 4. Цифровая трансформация туристской отрасли. 5. Рост спроса на внутренний туризм. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Усиление конкуренции со стороны других курортов (Красная Поляна, Архыз, КМВ). 2. Экологические риски (антропогенная нагрузка, отступление ледников). 3. Геополитическая нестабильность. 4. Инфляционные процессы, рост стоимости строительства.

Источник: составлено автором на основе [1-7].

На основе проведенного анализа определены стратегические приоритеты и ожидаемые эффекты, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Стратегические приоритеты и ожидаемые эффекты

Приоритет	Инструменты реализации	Ожидаемый эффект (KPI)
SO-1. Создание медицинского кластера	Интеграция санаториев, НИИ, КБГУ; внедрение «умных» гаджетов	Рост турпотока до 3 млн чел./год, создание 2 тыс. рабочих мест
WO-1. Развитие кадрового потенциала	Учебно-тренировочный центр на базе КБГУ, стажировки, жилищные программы	Снижение дефицита кадров на 40% к 2028 г.
ST-1. Брендинг и продвижение	Единый портал, событийный календарь, digital-маркетинг	Рост узнаваемости бренда на 50%, увеличение загрузки в межсезонье с 35% до 55%
WT-1. Модернизация инфраструктуры	ГЧП, льготное кредитование, мастер-план развития	Обновление 30% объектов размещения к 2030 г.

Источник: составлено автором.

Заключение

Проведенный SWOT-анализ человекоцентричной модели курортного пространства КБР позволяет сформулировать следующие выводы:

Ключевыми конкурентными преимуществами КБР являются уникальные природные ресурсы, научно-образовательный потенциал КБГУ и поддержка руководства региона. Основные ограничения связаны с износом инфраструктуры советского периода и кадровым дефицитом в сфере сервиса и медицины.

Стратегическими приоритетами определены создание высокогорного медицинского кластера [1; 4], цифровая трансформация [7], развитие кадрового потенциала, брендинг территории и модернизация инфраструктуры [6]. Реализация человекоцентричной модели позволит КБР занять уникальную нишу на российском рынке wellness- и медицинского туризма, обеспечив баланс экономических, социальных и экологических интересов.

Список литературы

1. Дзахмишева И. Ш., Лигидов Р. М., Шадова З. Х. Синергия медицины и горнолыжного туризма: векторы развития // Управленческий учет. – 2025. – № 12-2. – С. 600-604.
2. Соловьев В. А. Человекоцентричность в публичном управлении: научный дискурс и современные российские практики // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2025. – № 4. – С. 86-109.
3. Ерофеева Н. Ю. От человекоцентрированного подхода к человекоцентрированной организации: вызов времени или осознанная необходимость // Вестник педагогического опыта. – 2023. – № 4. – С. 58.
4. Хмелева Г. А., Беляева Г. И. Концепция человекоцентричности в региональной экономике // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15. – № 4. – С. 2705-2718.
5. Бикметов Е. Ю., Фролова И. В., Уразова А. И. Человекоцентричное управление как альтернатива технократическому подходу и основание корпоративной солидарности // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 6. – С. 21.
6. Хубаев Г. С. Человекоцентричность, как вектор развития современного государственного и муниципального управления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-5 (96). – С. 121-124.
7. Захарова Ю. В. Поведенческие аспекты принятия решений в эпоху цифровизации // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты. – 2018. – С. 181-183.

© Глисов А.А., Дзахмишева И.Ш.

АНАЛИЗ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ

Рождественский Николай Сергеевич

студент

Научный руководитель: **Семёнова Римма Александровна**

доцент

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный
университет водного транспорта»

Аннотация: транспортная отрасль является одной из ключевых составляющих национальной экономики, обеспечивающей функционирование хозяйственных связей между регионами и странами. Развитие транспортной инфраструктуры требует значительных капитальных вложений и активного привлечения инвестиций. В статье рассматривается инвестиционная активность в транспортной отрасли, анализируются её основные направления, факторы, влияющие на уровень инвестиций, а также значение инвестиционной деятельности для модернизации транспортной системы.

Ключевые слова: инвестиции, транспортная отрасль, инвестиционная активность, инфраструктура, экономика, развитие транспорта.

ANALYSIS OF INVESTMENT ACTIVITY IN THE TRANSPORT INDUSTRY

Rozhdestvenskii Nikolay Sergeevich

Scientific adviser: **Semenova Rimma Aleksandrovna**

Abstract: the transport industry is one of the key components of the national economy, ensuring the functioning of economic relations between regions and countries. The development of transport infrastructure requires significant capital investments and active attraction of investments. The article examines investment activity in the transport sector, analyzes its main directions, factors influencing the level of investment, and the importance of investment activity for the modernization of the transport system.

Key words: investment, transport industry, investment activity, infrastructure, economy, transport development.

Транспортная отрасль играет важную роль в развитии экономики государства, обеспечивая перемещение грузов и пассажиров, а также поддерживая устойчивые экономические связи между регионами и странами. Эффективность функционирования транспортной системы во многом зависит от уровня её технического развития, состояния инфраструктуры и внедрения современных технологий. Все эти факторы напрямую связаны с инвестиционной активностью в отрасли [4, с. 93].

Инвестиционная активность представляет собой совокупность процессов, связанных с вложением финансовых ресурсов в развитие и модернизацию различных сфер экономики. В транспортной отрасли инвестиции направляются на строительство и реконструкцию транспортной инфраструктуры, обновление подвижного состава, внедрение цифровых технологий управления перевозками, а также развитие логистических систем.

Особенностью транспортной отрасли является высокая капиталоемкость. Создание и модернизация транспортных объектов требует значительных финансовых ресурсов. К основным направлениям инвестиционной деятельности в данной сфере относятся строительство автомобильных дорог, железнодорожных линий, развитие портовой инфраструктуры, модернизация аэропортов и обновление транспортных средств [1, с. 17]

Инвестиции в транспортную отрасль могут осуществляться из различных источников. К ним относятся государственные инвестиции, частные вложения, банковское кредитование, а также механизмы государственно-частного партнёрства. Государство играет значительную роль в финансировании инфраструктурных проектов, поскольку многие из них имеют стратегическое значение для экономики страны [2, с. 127].

Анализ инвестиционной активности показывает, что в последние годы наблюдается тенденция к увеличению объёма инвестиций в транспортную инфраструктуру. Это отображается на рисунке 1.

Это связано с ростом потребности в развитии логистических систем, увеличением объёмов международной торговли и необходимостью модернизации устаревших транспортных объектов [3, с. 38].

Одним из важных направлений развития транспортной отрасли является внедрение инновационных технологий. Инвестиции направляются на цифровизацию транспортных процессов, внедрение интеллектуальных транспортных систем, автоматизацию управления перевозками и развитие экологически безопасных видов транспорта. Эти меры позволяют повысить

эффективность функционирования транспортной системы и снизить эксплуатационные расходы.

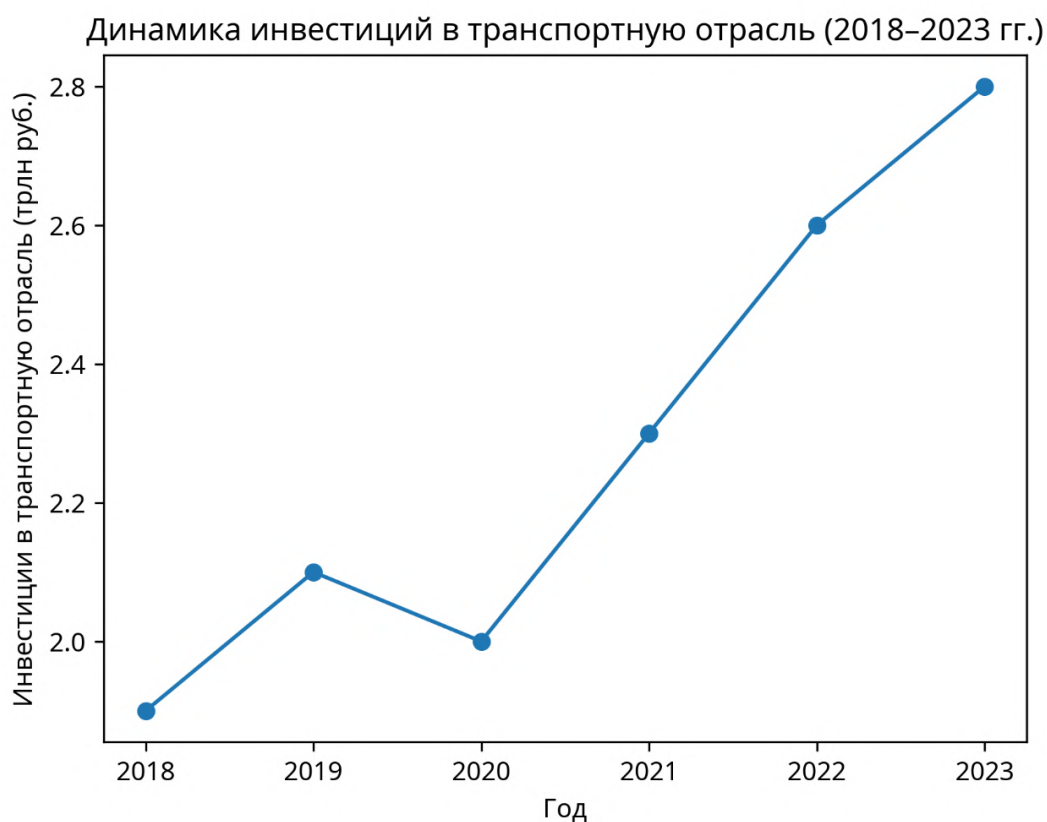

Рис. 1. График инвестиций в транспортную отрасль

Кроме того, инвестиционная активность в транспортной отрасли оказывает значительное влияние на развитие смежных отраслей экономики. Реализация крупных инфраструктурных проектов способствует созданию новых рабочих мест, развитию строительной индустрии, машиностроения и логистики. Таким образом, инвестиции в транспортную отрасль имеют мультипликативный эффект для экономики в целом.

Однако инвестиционная деятельность в транспортной сфере сталкивается с рядом проблем. Среди них можно выделить высокую стоимость проектов, длительные сроки их реализации, экономические риски и необходимость значительных финансовых ресурсов. В связи с этим важной задачей является создание благоприятных условий для привлечения инвесторов и повышения эффективности использования инвестиционных средств. Важным аспектом анализа инвестиционной активности является оценка эффективности вложенных средств. Для этого используются

различные экономические показатели, такие как срок окупаемости инвестиций, чистая приведённая стоимость проекта (NPV), внутренняя норма доходности (IRR) и индекс прибыльности инвестиций. Применение данных показателей позволяет определить целесообразность реализации инфраструктурных проектов, а также оценить уровень рисков, связанных с инвестиционной деятельностью в транспортной отрасли [5, с. 47].

Таким образом, инвестиционная активность является одним из ключевых факторов развития транспортной отрасли. Она способствует модернизации инфраструктуры, внедрению инноваций и повышению конкурентоспособности транспортной системы. Развитие инвестиционной деятельности позволяет обеспечить устойчивый рост транспортной отрасли и её эффективное функционирование в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».
2. Грузинов В.П. Экономика предприятия. – Москва: Финансы и статистика, 2018. – 352 с.
3. Бланк И.А. Инвестиционный менеджмент. – Киев: Ника-Центр, 2017. – 288 с.
4. Логистика и управление цепями поставок / под ред. В.В. Дыбской. – Москва: Юрайт, 2020. – 400 с.
5. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 нояб. 2021 г. № 3363-р. – Москва, 2021. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489969/ (дата обращения: 08.04. 2026).

© Рождественский Н.С.

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФИНАНСОВОГО
АНАЛИЗА В БУХГАЛТЕРИИ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ
АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ**

Соколова Анна Николаевна

студент

Научный руководитель: **Шапошников Владислав Александрович**

д.э.н., доцент

ФГАОУ ВО «УрГПУ»

Аннотация: в статье раскрывается роль бухгалтерской (финансовой) отчетности как ключевого источника данных для оценки финансового положения и результатов деятельности организации. Особое внимание уделяется требованиям к качеству информации и ее значению для различных пользователей. Подчеркивается важность аналитических компетенций бухгалтеров и актуальность анализа отчетности в современных условиях.

Ключевые слова: бухгалтерская отчетность, финансовый анализ, информационное обеспечение, экономическое состояние, пользователи отчетности, достоверность информации, управленческие решения, аналитическая деятельность, учетные стандарты.

**INFORMATION SUPPORT FOR FINANCIAL ANALYSIS
IN ACCOUNTING UNDER THE EXPANSION
OF ANALYTICAL ACTIVITIES OF EMPLOYEES**

Sokolova Anna Nikolaevna

Scientific supervisor: **Shaposhnikov Vladislav Alexandrovich**

Abstract: the article examines the role of accounting (financial) statements as a key source of data for assessing the financial position and performance of an organization. Special attention is paid to the requirements for information quality and its significance for different users. The importance of accountants' analytical competencies and the relevance of financial statement analysis in modern conditions are emphasized.

Key words: accounting statements, financial analysis, information support, economic condition, users of statements, information reliability, management decisions, analytical activities, accounting standards.

Бухгалтерская (финансовая) отчетность – это комплекс показателей, отражающих имущественное и финансовое состояние организации, а также итоги её хозяйственной деятельности, построенная на основе данных бухгалтерского учёта [1, с. 320]. В условиях формирования новых экономических отношений – роста самостоятельности хозяйствующих субъектов в различных организационно-правовых формах, выхода на международные рынки – анализ отчётности стал неотъемлемой частью системы бухгалтерского учёта и бухгалтерской практики.

Согласно МСФО 1, основная цель финансовой отчётности – предоставить пользователям полезную информацию о финансовом положении компании, результатах её деятельности и движении денежных средств, чтобы принимать обоснованные экономические решения.

Современный уровень требований вынуждает бухгалтеров заниматься аналитикой самостоятельно: проводить расчёты, проверять их достоверность и обосновывать выводы. Отсюда – необходимость владеть основами финансово-экономического анализа, понимать структуру учётной информации, суть показателей бухгалтерской отчётности и связи между ними. Эффективность управленческого анализа во многом определяется качеством информационной базы и степенью её пригодности для решения поставленных задач.

Создание информационной базы для экономического анализа – процесс целенаправленного отбора данных, необходимых для оценки текущего состояния компании, прогнозирования и принятия решений. Систему показателей формируют из внешних и внутренних источников информации, выделяя при этом несколько ключевых групп (рис. 1).

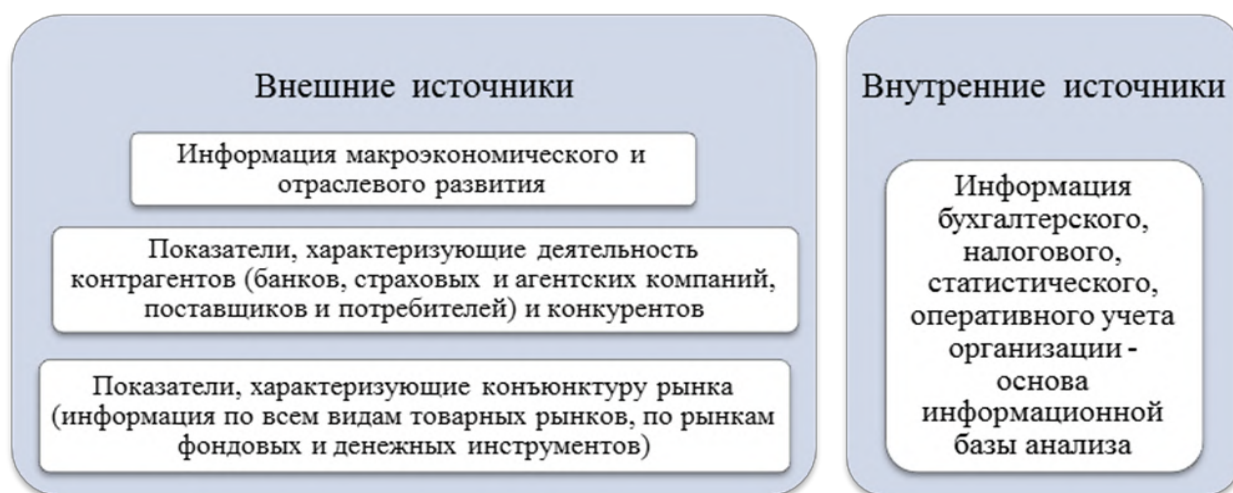

Рис. 1. Виды источников экономической информации

Информационная система экономического анализа состоит из входных данных – первичных документов, промежуточной обработки (регистры учета аналитического и синтетического характера), выходных данных – отчетности и финальных результатов – аналитических таблиц и графиков, направляемых в систему управления. Такая структура представляет собой совокупность взаимосвязанных показателей, полноценно отражающих хозяйственную деятельность предприятия. Рационально выстроенная и контролируемая информационная цепочка становится основой для оценки текущего положения и выбора стратегии развития компании [2, с. 432].

В базе данных для финансового анализа бухгалтерская (финансовая) отчетность занимает лидирующее место по насыщенности информацией и доступности для использования. К её ключевым преимуществам относятся:

1) унификация – все показатели строятся на общепринятых учётных стандартах, что обеспечивает применение единых алгоритмов расчётов и сравнение с данными других организаций;

2) регулярность формирования – данные готовятся в установленные сроки;

3) достоверность – отчётность, составляемая по финансовым данным, публикуется внешним пользователям и зачастую проходит аудиторскую проверку.

Использование интересующих показателей, сформированных на основе внутренней и внешней информации, позволяет создать в каждом подразделении ориентированную на принятие управленческих решений систему, охватывающую оперативные, текущие и долгосрочные задачи повышения эффективности работы. Информационная база должна формироваться с учётом принципов аналитичности, объективности, своевременности и практической пользы – условия, без выполнения которых невозможна достоверная оценка финансового состояния организации.

Назначение финансовой отчетности заключается в максимальном сближении интересов многочисленных пользователей информации, среди которых выделяют две основные группы: внутренние и внешние пользователи (рис.2).

В современном информационном обществе отчетность выступает решающим элементом управленческого контроля на предприятии. Изменения в бухгалтерском и налоговом учете напрямую влияют на формат и методы подготовки финансовой отчетности [3, с. 672].

Рис. 2. Пользователи бухгалтерской (финансовой отчетности)

Каждый участник рынка, включая инвесторов, кредиторов и регуляторов, должен получать достоверные данные о деятельности организации. От качества представленной информации зависит эффективность управленческих решений. Критически важны следующие характеристики отчетности:

1) Достоверность – информация не должна содержать искажений, отражать события точно, быть подкреплённой документами, обеспечивать проверяемость. Её надёжность определяет правильность выводов.

2) Правдивость – отсутствие ошибок, преднамеренного искажения событий или пристрастных оценок.

3) Нейтральность – отчет не должен быть нацелен на выгоду одной группе пользователей за счет другой.

4) Уместность (релевантность) – данные должны быть значимыми для конечного решения, оказывать влияние на принятие взвешенных решений.

5) Своевременность – сведения должны поступать в нужный момент. Задержанные данные теряют практическую ценность.

6) Понятность – структура отчета позволяет понять её содержание без углубленной подготовки. Сложная форма изложения сводит к нулю смысл публикации данных. Формирование рационального потока информации невозможно без соблюдения этих требований.

7) Сопоставимость данных о деятельности организации требует их согласованности в динамике и сопоставления с аналогичной информацией

конкурентов для выявления тенденций развития.

Исследование особенностей информационного обеспечения финансового анализа привело к следующим выводам:

- Экономические изменения изменили как роль анализа в хозяйственной деятельности предприятий, так и саму структуру аналитических процедур.
- Показатели бухгалтерской отчетности лежат в основе формирования информационной базы предприятия.
- Анализ финансовой отчетности проводится с учётом интересов различных заинтересованных сторон.
- Финансовый анализ стал неотъемлемой частью функционирования бухгалтерской службы.

Список литературы

1. Пожидаева Т.А. Анализ финансовой отчетности: учебное пособие / Т.А. Пожидаева. – 3-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2018. 320 с.
2. Бариленко В.И. Анализ финансовой отчётности : учебное пособие / В.И. Бариленко, С.И. Кузнецов, Л.К. Плотникова, О.В. Кайро ; под общ. ред. В.И. Бариленко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2018. 432 с.
3. Ковалев В.В. Как читать баланс / В.В. Ковалев, В.В. Патров, В.А. Быков – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2019. – 672 с.

© Соколова А.Н.

**ОРИЕНТИРУЯСЬ НА ЦИФРОВУЮ ТРАНСФОРМАЦИЮ:
АНАЛИЗ ПУТЕЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СФЕРЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В НОВУЮ ЭПОХУ**

Ван Пэньюй

магистрант 2 курса

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы трансформации системы подготовки кадров в условиях цифровизации экономики и государственного управления. Предмет исследования: организационно-управленческие и педагогические подходы к формированию кадрового потенциала в цифровую эпоху. Цель работы – выявить ключевые направления и проблемы подготовки специалистов, способных эффективно функционировать в условиях цифровой трансформации, и предложить пути их решения. Приоритетными задачами определены: анализ текущего дефицита цифровых компетенций на рынке труда, исследование моделей переобучения и оценка роли высшей школы в формировании человеческого капитала для цифрового государства. Сделан вывод о необходимости перехода от эпизодического повышения квалификации к непрерывному образованию и интеграции гибких навыков работы с искусственным интеллектом (ИИ) в базовые профессиональные стандарты.

Ключевые слова: цифровая трансформация, человеческий капитал, искусственный интеллект, государственное управление.

**ORIENTED TOWARDS DIGITAL TRANSFORMATION:
AN ANALYSIS OF THE PATHS FOR CULTIVATING PUBLIC
ADMINISTRATION TALENTS IN THE NEW ERA**

Wang Pengyu

Abstract: the article deals with topical issues of transformation of the personnel training system in the context of digitalization of the economy and public administration. The subject of the study is organizational, managerial and pedagogical approaches to the formation of human potential in the digital age. The aim of the work is to identify key directions and problems of training

specialists capable of functioning effectively in the context of digital transformation, and to propose solutions. Priority tasks are defined as the analysis of the current deficit of digital competencies in the labor market, the study of retraining models (upskilling/reskilling) and the assessment of the role of higher education in the formation of human capital for the digital state. It is concluded that it is necessary to move from episodic professional development to lifelong learning and the integration of flexible skills in working with artificial intelligence (AI) into basic professional standards.

Key words: digital transformation, human capital, artificial intelligence, public administration.

Цифровая трансформация общества перестала быть перспективным прогнозом и стала повседневной реальностью, предъявляющей принципиально новые требования к профессиональным кадрам. Переход к платформенным моделям экономики, внедрение систем искусственного интеллекта и тотальная автоматизация процессов привели к структурной перестройке рынка труда. Как отмечают исследователи, если в период 2021–2022 годов компании столкнулись с острым кадровым голодом и «войной за таланты», то к 2025–2026 годам ситуация трансформировалась: на первый план вышла потребность не просто в специалистах, а в работниках, обладающих компетенциями для работы в связке с ИИ [1]. Это требует фундаментального пересмотра подходов к подготовке кадров, от школьного и вузовского образования до систем корпоративного переобучения.

В связи с этим, на современном этапе проблема подготовки кадров актуализируется следующими факторами:

1. ускорением процессов автоматизации, заменяющих рутинные операции и высвобождающих потребность в новых, более сложных навыках;
2. разрывом между содержанием академических программ и реальными запросами цифровой экономики;
3. необходимостью обеспечения суверенитета в области подготовки ИТ-специалистов и управленцев цифрового профиля;
4. потребностью в формировании у государственных служащих «цифровой культуры», выходящей за рамки простого владения офисным пакетом программ [4].

Система подготовки кадров в эпоху цифровизации интерпретируется исследователями как экосистема непрерывного образования. В ней выделяются следующие ключевые направления трансформации:

1. переход от модели «образование на всю жизнь» к модели «образование через всю жизнь», где микро-квалификации и совокупность компетенций становятся важнее диплома;
2. интеграция в образовательные программы сквозных цифровых технологий: анализа данных, искусственного интеллекта, интернета вещей и технологий распределенного реестра;
3. формирование «гибридных» навыков, сочетающих техническую грамотность с глубокими предметными знаниями в области государственного администрирования, экономики или права [12].

Основными вызовами для системы подготовки кадров сегодня являются не только технологические, но и организационные барьеры. Исследование ЮНЕСКО подчеркивает, что культурные и организационные барьеры внутри самих учреждений (как образовательных, так и государственных) зачастую тормозят внедрение инновационных методов обучения. Низкая поддержка экспериментальных подходов со стороны руководства и дефицит инвестиций в ИТ-инфраструктуру учебных заведений создают разрыв между декларируемой цифровой трансформацией и реальным положением дел [7].

Рынок труда переживает глубинную перестройку, которую нельзя сводить к временным колебаниям. По данным анализа 2025 года, компании ускоряют оптимизацию штата не столько из-за экономии, сколько из-за изменения самой структуры труда. Искусственный интеллект берет на себя задачи скрининга данных, первичной аналитики и даже написания типового кода [4]. Это приводит к дисбалансу: спрос на «чистых» исполнителей падает, в то время как потребность в архитекторах решений, продуктовых аналитиках и специалистах, способных ставить задачи ИИ, растет.

Одним из главных последствий кадрового дефицита предыдущих лет стал бум онлайн-школ и экспресс-курсов. Однако они часто давали лишь поверхностные знания, формируя иллюзию компетенции. Сегодняшний рынок требует более глубокого синтеза знаний. Специалист будущего, особенно в сфере государственного администрирования, должен сочетать техническую, аналитическую (критическое мышление, работа с данными) и поведенческую (адаптивность) компоненты [6].

В государственном секторе эта проблема стоит особенно остро. Несмотря на то, что 76% стран ОЭСР имеют стратегии развития базовых цифровых навыков у госслужащих, лишь 38% из них наладили эффективное партнерство с вузами для стажировок ИКТ-специалистов [3]. Это создает

ситуацию, при которой государство, являясь крупнейшим работодателем, проигрывает конкуренцию за таланты бизнесу.

В условиях, когда найти готового специалиста на рынке сложно и дорого, компании и государственные корпорации переходят от тактики «прямого найма» к стратегии «выращивания» кадров. Инвестиции в переобучение и повышение квалификации становятся не просто модным трендом, а частью корпоративной стратегии роста. Обучение лояльных сотрудников, уже понимающих специфику бизнес-процессов, обходится дешевле и дает более предсказуемый результат, чем поиск «звезд» на внешнем рынке [1].

Ярким примером системного подхода к переобучению является практика крупных инфраструктурных компаний. Программы, нацеленные на развитие навыков работы с искусственным интеллектом, цифровизацию процессов и кибербезопасность, становятся основой для адаптации персонала к новым реалиям [5]. В этих программах все чаще используется адаптивный подход: от статических вебинаров компании переходят к learning experience-платформам, что позволяет повысить процент завершения курсов с 41% до 68% [9].

Для государственных служащих разработка специализированных рамок компетенций (competency frameworks) становится насущной необходимостью. ЮНЕСКО в рамках альянса SPARK-AI продвигает идею создания глобальной сети школ публичного управления, которые будут готовить кадры к внедрению ответственного ИИ в госсекторе [7]. Это подразумевает не только техническое обучение, но и формирование понимания этических и правовых аспектов использования алгоритмов (рис. 1).

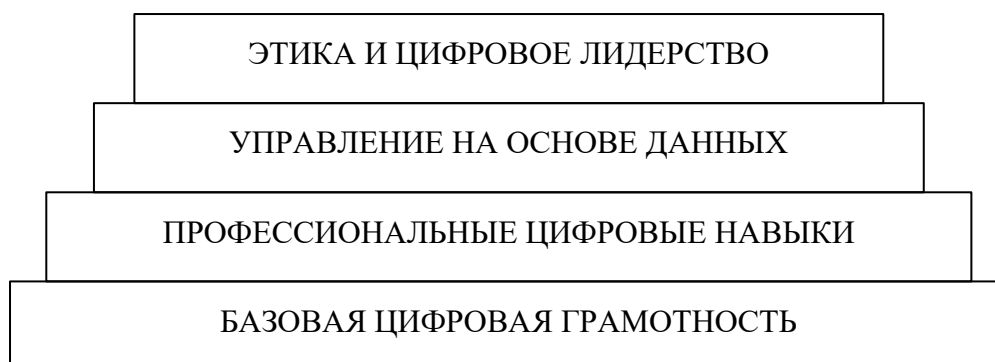

Рис. 1. Модель формирования цифровых компетенций госслужащего (адаптировано на основе рамки *DigComp* и рекомендаций ЮНЕСКО) [7, 9]

Высшая школа, в том числе в лице МГУ имени М.В. Ломоносова, призвана стать ключевой площадкой для подготовки лидеров цифровой трансформации. Однако для этого необходима перестройка самой модели обучения. Исследования показывают, что цифровая зрелость преподавательского состава и техническая оснащенность аудиторий являются критическими факторами успеха. Лекторы должны быть способны использовать ИИ в преподавании, а студенты — получать практические навыки работы с современными управленческими информационными системами прямо в стенах вуза [10].

Одной из главных проблем остается разрыв между академическими программами и потребностями экономики. В то время как в ряде стран (Марокко, Вьетнам) уже активно внедряются магистерские треки на стыке машинного обучения и публичного права, в других системах этот процесс идет медленно. Ключевым узким местом является неопределенность в признании микро-квалификаций и новых междисциплинарных компетенций. Эксперты сходятся во мнении, что необходимо создание национальных реестров микрокреденций, выровненных по уровням цифровой компетентности [9].

Кроме того, успешная подготовка кадров требует перехода к смешанным моделям занятости и обучения еще на этапе вуза: «ядро знаний + внешние исполнители (приглашенные практики) + ИИ-инструменты» [4]. Такой подход позволит будущим управленцам не просто знать теорию цифровизации, но и уметь применять платформенные решения для решения государственных задач.

Таблица 1

Сравнительный анализ подходов к подготовке цифровых кадров

Характеристика	Традиционный подход	Подход в условиях цифровой трансформации
Цель обучения	Передача знаний	Формирование компетенций и навыков работы с ИИ
Форма	Длительные программы	Микро-креденции, модульные курсы, гибрид

Продолжение таблицы 1

Роль преподавателя	Транслятор знаний	Фасилитатор, наставник в цифровой среде
Базовый навык	Предметные знания	Data-грамотность и критическое мышление

Таким образом, подготовка кадров в условиях цифровой трансформации требует системных изменений на всех уровнях: от пересмотра образовательных стандартов до внедрения механизмов непрерывного обучения в корпорациях и госорганах. Необходимо признать, что защита человеческого капитала и его развитие в цифровую эпоху — это не только образовательная, но и важнейшая социально-экономическая задача. Инвестиции в адаптивность и цифровую грамотность workforce становятся фундаментом национальной конкурентоспособности и безопасности.

Список литературы

1. Горельников, И. Кадровый голод и «война за таланты» в постковидный период / И. Горельников // Эквио: HR-бизнес. — 2026. — URL: <https://e-queo.com/blog/issledovaniya/kadrovyy-golod-i-vojna-za-talanty-v-postkovyi-dnyj-period/> (дата обращения: 15.03.2026).
2. Гизатуллин, Ю. Почему сокращения продолжатся: четыре причины и что делать бизнесу / Ю. Гизатуллин // РБК Компании. — 2025. — 21 ноября. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/uEzRxxKLRW/pochemu-sokrascheniya-prodo-lzhatsya-chetyire-prichiny-i-cto-delat-biznesu/> (дата обращения: 15.03.2026).
3. Ferraz, D. Training Next-Gen of Public Reform Leaders: The Role of AI and Digital Competencies in VUCA and BANI Environments through Public Administration Education / D. Ferraz // Conference of the International Institute of Administrative Science (IIAS). — India, 2025.
4. UNESCO. Digital capacity-building for governments: Artificial Intelligence and Digital Transformation: competencies for civil servants / UNESCO. — 2023. — URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/digital-competency-framework> (дата обращения: 16.03.2026).

5. Didi, N. Reskilling the Workforce and Redesigning Curricula: Artificial Intelligence–Driven Competence Building for Morocco’s Digital Governance Era / N. Didi // International Journal of Innovation, Digital Economy and Management Sciences. — 2026. — Vol. 1, No. 1.

6. ASTM S.p.A. ASTM invests in the skills of the future: 22,000 hours of training for 450 employees / ASTM S.p.A. // Publicnow. — 2026. — 20 Jan. — URL: <https://www.publicnow.com/view/8BE6D06C33B12E8B7848E293D5E6C8736C378EE9> (дата обращения: 16.03.2026).

7. TacPA Project. Digital Technologies and Multimodal Communication in Public Administration: Erasmus+ Project / European Commission. — 2026. — URL: https://explore.openaire.eu/search/project?projectId=erasmusplus_::a5f9a9dad36ffa8f4cc1a4f51c56b552 (дата обращения: 16.03.2026).

8. Improving the quality of digital skills training for grassroots officials / Vietnam.vn. — 2026. — 13 March. — URL: <https://www.vietnam.vn/en/nang-cao-chat-luong-dao-tao-nang-luc-so-cho-can-bo-co-so> (дата обращения: 17.03.2026).

9. Kozminski University. Future Skills@ALK – Development of Administrative and Managerial Staff / Kozminski University. — 2026. — URL: <https://www.kozminski.edu.pl/en/future-skillsalk-development-administrative-and-managerial-staff> (дата обращения: 17.03.2026).

10. Amin, A. Continuing Education and Digital Skills Gap in Public Sector: Implications for National Development / A. Amin, A.S. Yushau, D.K. Abiodun // Journal of Social and Political Sciences (JSP). — 2026. — Vol. 17, № 1. — URL: <https://jsp.umu.ac.id/index.php/jsp/article/view/431> (дата обращения: 17.03.2026).

11. Reddy, P. A digital literacy model to narrow the digital literacy skills gap / P. Reddy, K. Chaudhary, S. Hussein // Heliyon. — 2023. — Vol. 9, № 4.

12. Cordella, A. Digital skills within the public sector: A missing link to achieve the Sustainable Development Goals (SDGs) / A. Cordella, F. Gualdi, M. van de Laar // Information Polity. — 2023. — Vol. 29, № 2. — P. 1-21.

© Ван Пэньюй

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТАЛАНТАМИ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ**

Ван Цяньюй

магистрант 2 курса

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: в статье рассматривается трансформация системы управления талантами под влиянием искусственного интеллекта. Предмет исследования: стратегии привлечения, мотивации и удержания персонала в условиях цифровой экономики. Цель работы — выявить эффективные подходы к работе с кадрами, позволяющие организациям достигать технологического лидерства. Приоритетными задачами определены: анализ изменения требований к навыкам сотрудников, оценка роли ИИ в HR-процессах и изучение новых моделей удержания талантов. Сделан вывод о том, что успех в эпоху ИИ зависит от способности компаний выстроить человекоцентричную экосистему, где технологии усиливают, а не заменяют человеческий потенциал, а управление талантами становится непрерывным процессом развития навыков и доверия.

Ключевые слова: привлечение кадров, мотивация персонала, удержание сотрудников, человекоцентричность.

**TRANSFORMATION OF THE TALENT MANAGEMENT
SYSTEM UNDER THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE IN THE DIGITAL ECONOMY**

Wang Qianyu

Abstract: the article examines the transformation of the talent management system under the influence of artificial intelligence. The subject of the study is strategies for attracting, motivating and retaining personnel in the digital economy. The aim of the work is to identify effective approaches to working with personnel that allow organizations to achieve technological leadership. The priority tasks are to analyze changes in requirements for employee skills, assess the role of AI in HR processes and study new models of talent retention. It is concluded that success in

the AI era depends on the ability of companies to build a human-centric ecosystem where technology enhances rather than replaces human potential, and talent management becomes a continuous process of developing skills and trust.

Key words: talent management, artificial intelligence, talent attraction, employee motivation, employee retention, skills development, human-centricity.

Управление талантами в современной организации переживает фундаментальную трансформацию. Если ранее ключевыми задачами HR были подбор, адаптация и удержание сотрудников в относительно стабильной среде, то сегодня, в эпоху стремительного развития искусственного интеллекта, эти процессы требуют переосмысления. ИИ перестал быть отдаленной перспективой — он стал повседневной реальностью, меняющей саму структуру работы и требования к компетенциям персонала [4]. Как показывают исследования, сотрудники экономят в среднем 75 минут в день благодаря ИИ, однако лишь 10% HR-лидеров уверены, что их рабочая сила обладает навыками, необходимыми для достижения бизнес-целей в ближайшие годы [8]. Этот разрыв между технологическими возможностями и готовностью персонала создает новый вызов: управление талантами должно стать не просто функцией поддержки, а драйвером технологического лидерства.

В условиях, когда глобальный дефицит квалифицированных кадров к 2030 году может достичь 85 миллионов специалистов, а 74% работодателей уже сегодня испытывают трудности с поиском нужных сотрудников, вопрос привлечения, мотивации и удержания талантов приобретает стратегическое значение [10]. Компании, которые смогут адаптировать свои HR-стратегии к новой реальности, получат решающее преимущество в борьбе за лидерство на рынке.

Трансформация подходов к привлечению талантов в эпоху ИИ

Процесс привлечения кадров претерпевает наиболее заметные изменения под влиянием искусственного интеллекта. Аналитики Gartner прогнозируют, что к 2027 году 75% процессов найма будут включать тестирование навыков владения ИИ. Это означает, что оценка кандидатов смещается от проверки формальных знаний к выявлению реальной способности эффективно взаимодействовать с технологиями. Примечательно, что одновременно компании внедряют и противоположную практику: к 2026 году 50% организаций планируют ввести «оценку без ИИ» для

выявления кандидатов с сохранившимися навыками критического мышления [1]. Это отражает новую реальность: работодатели стремятся различать тех, кто способен мыслить самостоятельно, и тех, кто полагается исключительно на машинные ответы.

Массовый рекрутинг становится «AI-first»: позиции с большим количеством вакансий и низкой сложностью — в ритейле, клиентском сервисе, логистике — идеально подходят для автоматизированного подбора [9]. Однако ключевой принцип успешного внедрения ИИ в найм — сохранение человеческого контроля и прозрачности для кандидатов. Исследования показывают, что кандидаты ожидают объяснения того, как именно используется ИИ при отборе, и возможности отказаться от AI-интервью, что повышает доверие к процессу [5].

Параллельно меняется и роль рекрутеров. По мере того как автоматизация берет на себя рутинные задачи — скрининг резюме, первичную категоризацию запросов, предварительную коммуникацию — специалисты по подбору смещаются в сторону более сложной, экспертной работы [5]. От них теперь требуется умение консультировать по стратегии талантов, проектировать новые роли, выстраивать долгосрочные отношения с редкими специалистами и оценивать не только текущие, но и будущие соответствия кандидатов стратегическим целям компании.

Мотивация через развитие: от обучения кнопкам к формированию адаптивности

Второй критический аспект управления талантами — мотивация — в эпоху ИИ неразрывно связывается с развитием. Исследования показывают, что 85% работодателей инвестируют в программы переквалификации, а персонализированные траектории обучения удерживают 94% сотрудников вовлеченными на долгосрочной основе [7]. Однако сама философия обучения меняется: на первый план выходит не освоение конкретных инструментов, а развитие гибкости — способности к быстрому обучению и адаптации [3].

Критически важным становится различие между «обучением кнопкам» и развитием мышления. Как справедливо отмечают эксперты, платформы ИИ будут меняться быстрее, чем программы обучения, поэтому стратегическое преимущество получают те, кто развивает способность критически оценивать результаты, принимать решения и нести за них ответственность [3]. ИИ-навыки становятся новой грамотностью, но их суть

— не в умении писать промпты, а в способности встраивать технологию в бизнес-процессы для создания реальной ценности.

Важную роль играет и переосмысление роли руководителей в мотивации сотрудников. Сегодняшний профиль лидера требует развитого эмоционального интеллекта, эмпатии и человекоцентричности наравне с деловой хваткой [6]. Это связано с тем, что именно эти качества ИИ не может воспроизвести, и они становятся ключевыми для создания психологической безопасности и вовлеченности. Примечательно, что возврат к офлайн-форматам обучения руководителей становится закономерным: для развития лидерских компетенций важен живой диалог, нетворкинг и совместное осмысление вызовов, которые невозможно полностью оцифровать [3].

Удержание талантов: человекоцентричность и экосистемный подход

Третий элемент управления талантами — удержание — в 2026 году требует принципиально новых подходов. Традиционные программы лояльности и единообразные пакеты выгоды перестают работать. Компании переходят к персонализированным стратегиям удержания, признавая, что одних сотрудников мотивирует карьерный рост, других — гибкий график, третьих — интересные проекты и признание в профессиональном сообществе [7].

Ключевым фактором удержания становится доверие. Исследования UKG показывают, что в организациях с высоким уровнем доверия сотрудники демонстрируют на 42% более высокую готовность прилагать дополнительные усилия. При этом доверие формируется через прозрачность решений, последовательность в коммуникациях и переход от директивного управления к расширению полномочий. В контексте внедрения ИИ это приобретает особое значение: 64% рядовых сотрудников опасаются, что ИИ может заменить их работу, и только 38% активно используют технологии сегодня [10]. Преодоление этого разрыва требует не только обучения, но и открытого диалога о роли ИИ и его влиянии на рабочие места.

Важным трендом становится переход от традиционной модели «найми-развивай-удерживай» к более гибкой концепции экосистемы талантов. Компании все чаще рассматривают талант не как линейный процесс, а как сеть, включающую внутренних сотрудников, внешних специалистов, выпускников, партнеров и даже ИИ-агентов [2]. Такой подход позволяет гибко реагировать на изменения и привлекать нужные компетенции именно тогда, когда они требуются, без долгосрочных обязательств.

Особого внимания заслуживает проблема выгорания менеджеров, на которых ложится основная нагрузка по поддержанию культуры, вовлеченности и производительности. Исследование SAP показывает, что 57% сотрудников считают, что могли бы быть столь же успешными с ИИ в роли менеджера [8]. Это тревожный сигнал, указывающий на то, что многие организации не переопределили роль человеческого лидерства и не освободили руководителей от административной рутины. Решением может стать использование ИИ для автоматизации сбора данных, подготовки к встречам и формирования рекомендаций, что позволит менеджерам сосредоточиться на коучинге, развитии и человеческом взаимодействии.

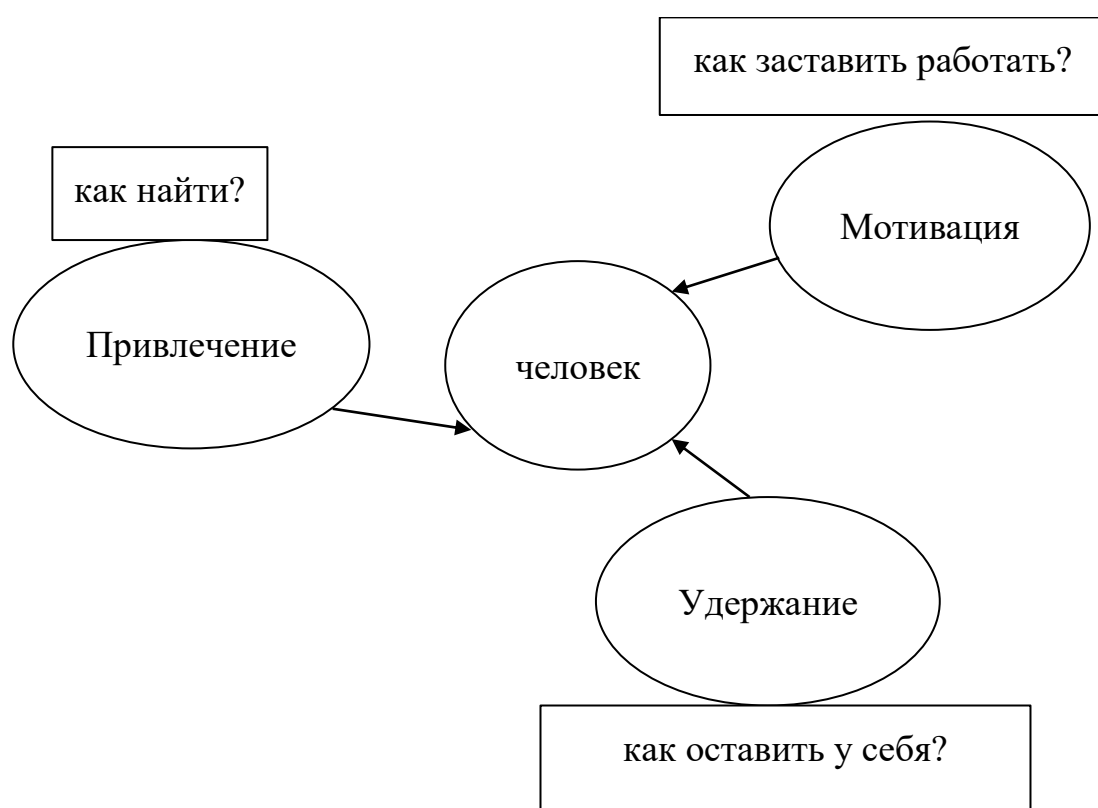

Рис. 1. Ключевые элементы системы управления талантами в эпоху ИИ

Представленная на рисунке 1 структура ключевых элементов системы управления талантами отражает статичный взгляд на современные требования к персоналу. Однако, чтобы понять, как именно цифровые технологии меняют наполнение каждого из этих блоков, необходимо обратиться к динамике процессов. В таблице 1 детально показано, как под влиянием искусственного

интеллекта трансформируются традиционные подходы, превращая каждый элемент из рисунка в более гибкий и ориентированный инструмент.

Таблица 1

Трансформация подходов к управлению талантами под влиянием ИИ

Традиционный подход	Подход эпохи ИИ	Ключевые изменения
Оценка по дипломам и опыту	Оценка навыков владения ИИ и критического мышления	Тестирование компетенций, «оценка без ИИ»
Рекрутер как исполнитель	Рекрутер как стратегический консультант	Автоматизация рутины, фокус на сложных задачах
Универсальные программы мотивации	Персонализированные траектории развития	Индивидуальные планы, гибкие форматы
Обучение конкретным инструментам	Развитие гибкости обучения и критического мышления	Адаптивность, способность к переобучению
Линейная карьера	Экосистема талантов	Внутренняя мобильность, проектная работа
Программы лояльности	Построение доверия и человекоцентричность	Прозрачность, эмпатия, психологическая безопасность

Таким образом, управление талантами в эпоху ИИ требует фундаментального переосмысления всех трех ключевых процессов — привлечения, мотивации и удержания. Привлечение трансформируется через внедрение ИИ в рекрутинг и одновременное усиление роли человеческого суждения. Мотивация все больше связывается с развитием — не столько технических навыков, сколько способности к адаптации, критическому мышлению и эффективному взаимодействию с технологиями. Удержание, в свою очередь, требует перехода к персонализированным стратегиям, построенным на доверии, прозрачности и подлинной человекоцентричности.

Успех в новой реальности будет принадлежать не тем организациям, которые внедряют технологии, а тем, кто выстраивает сбалансированную экосистему, где ИИ усиливает человеческий потенциал, а не подменяет его. Как показывают исследования, готовность к ИИ — это не только техническая, но и эмоциональная готовность сотрудников. Компании, которые смогут создать среду доверия, непрерывного развития и осмысленного применения технологий, получат решающее преимущество в борьбе за таланты и, как следствие, за технологическое лидерство.

Список литературы

1. Gartner представила главные технологические прогнозы для ИТ-организаций и пользователей на 2026 год и далее // IT Channel News. — 2025. — 5 ноября. — URL:<https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=191938> (дата обращения: 15.03.2026).

2. Goodey E. HR trends that will shake up 2026 (whether we're ready or not) // Oyster HR. — 2026. — January 15. — URL: <https://www.oysterhr.com/library/hr-trends-2026> (дата обращения: 15.03.2026).

3. Пронин А. Тренды корпоративного обучения 2026. Проверка на прочность // РБК Компании. — 2026. — 29 января. — URL: <https://companies.rbc.ru/news/qNfEYQgnSf/trendyi-korporativnogo-obucheniya-2026-proverka-na-prochnost/> (дата обращения: 16.03.2026).

4. Stern J. 2026: The Year AI Gets Real—And HR Balances Cost and Experience // Training Magazine. — 2026. — January 19. — URL: <https://trainingmag.com/2026-the-year-ai-gets-real-and-hr-balances-cost-and-experience/> (дата обращения: 16.03.2026).

5. Революция ИИ и давление на сокращение затрат — два главных фактора, формирующих четыре ключевых тренда в сфере подбора персонала к 2026 году // IT Channel News. — 2025. — 9 октября. — URL: <https://www.novostiitkanala.ru/news/detail.php?ID=191337> (дата обращения: 16.03.2026).

6. Reskilling for the Future: AI, Technology, and Human-Centric Innovation // Sedgwick. — 2026. — January 22. — URL: <https://www.sedgwick.com/en-gb/blog/reskilling-for-the-future-ai-technology-and-human-centric-innovation> (дата обращения: 17.03.2026).

7. HR-тренды 2026: Ключевые направления и лучшие практики в управлении персоналом // SimpleOne. — 2026. — 12 января. — URL: <https://simpleone.ru/blog/hr-trends> (дата обращения: 17.03.2026).

8. Albert L. The HR resolutions that will define work in 2026 // SAP Blogs. — 2026. — January 28. — URL: <https://www.sap.com/blogs/2026-hr-resolutions> (дата обращения: 17.03.2026).

9. Scharfman B., Saravelas D., McCreedy R. Close Your Workforce's AI Skills Gap by Designing an Adaptive Organization // Harvard Business Review / Slalom. — 2026. — February 27. — URL: <https://www.slalom.com/de/en/who-we-are/newsroom/hbr-workforce-ai-skills-gap> (дата обращения: 18.03.2026).

10. Introducing the 2026 UKG Megatrends: What Leaders Need to Know About the Year Ahead // UKG. — 2026. — January 6. — URL: <https://aijourn.com/ukg-reveals-2026-trends-reshaping-the-workforce-ai-without-trust-fails-talent-models-must-flex-and-the-employee-enablement-era-begins/> (дата обращения: 18.03.2026).

© Ван Цяньюй

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ПЕРСОНАЛОМ В ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ
И КИТАЙСКИХ КОМПАНИЙ)**

Чэнь Цзыян

магистрант

ВШГАдм факультета

Научный руководитель: **Ксенофонтова Елена Геннадьевна**

кандидат психологических наук, доцент

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: в статье на основе данных 2024–2025 гг. (а также предварительных прогнозных оценок на 2026 г., носящих модельный характер) проведён сравнительный анализ цифровизации управления персоналом в логистических компаниях России (СДЭК, ПЭК, Ozon Logistics, «Деловые линии», Почта России) и Китая (Alibaba Cainiao, JD Logistics, SF Express). Показано, что российские компании находятся на этапе базовой автоматизации (порталы, КЭДО, LMS), тогда как передовые китайские компании в рамках отдельных пилотных проектов используют ИИ-скрининг, адаптивное обучение и предиктивную аналитику. Предложены направления адаптации китайского опыта с учётом российской специфики.

Ключевые слова: цифровая трансформация, управление персоналом, логистика, HR-аналитика, искусственный интеллект, Россия, Китай.

**DIGITAL TRANSFORMATION OF HUMAN RESOURCES
MANAGEMENT SYSTEMS IN THE LOGISTICS INDUSTRY
(A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN
AND CHINESE COMPANIES)**

Chen Ziang

Scientific supervisor: **Ksenofontova Elena Gennadievna**

Abstract: based on 2024–2025 data (and preliminary estimates for 2026), this article provides a comparative analysis of HR digitalization in logistics

companies of Russia (CDEK, PEK, Ozon Logistics, Delovye Linii, Russian Post) and China (Alibaba Cainiao, JD Logistics, SF Express). It is shown that Russian companies are at the stage of basic automation (portals, electronic document management, LMS), while advanced Chinese companies, in some pilot projects, use AI screening, adaptive learning and predictive analytics. Directions for adapting Chinese experience to Russian specifics are proposed.

Key words: digital transformation, personnel management, logistics, HR analytics, artificial intelligence, Russia, China.

Логистическая отрасль является критически важной для экономик России и Китая, обеспечивая движение товаров в условиях роста электронной коммерции и глобализации. В России дефицит квалифицированных кадров и высокая текучесть (по оценкам, до 35–40% среди складского персонала и водителей) создают острую потребность в цифровизации HR-процессов [1, с. 271]. Китайские компании, напротив, благодаря государственной поддержке и масштабным инвестициям, интегрируют искусственный интеллект и Big Data в подбор, обучение и мотивацию персонала [5, с. 151]. Сравнительный анализ позволяет выявить практики, которые могут быть адаптированы в России с учётом локальных законодательных и культурных ограничений [4, с. 1417]. Цель статьи – сравнить уровень и инструменты цифровой трансформации управления персоналом в логистике двух стран на примере крупнейших операторов; методы включают анализ открытых корпоративных отчётов, кейсов и отраслевых исследований за 2024–2025 гг., а также прогнозных оценок на 2026 г. (которые носят предварительный и модельный характер).

Опыт российских компаний. СДЭК внедрил чат-боты для первичного отбора кандидатов, LMS Skillaz для адаптации, а также мобильное приложение «Мобильный курьер» для мониторинга заданий. По заявлениям компании, это позволило заметно снизить нагрузку на HR-отдел, однако точные количественные оценки в открытых источниках отсутствуют [2]. ПЭК перешёл на кадровый электронный документооборот (HRlink) и платформу идей Starexp. В корпоративных материалах проекта сообщается о значительном сокращении ручного труда и ускорении обмена документами; конкретные цифры в публичном доступе не приводятся [3]. Ozon Logistics использует геймификацию (накопительные баллы, обмен на скидки), машинное обучение для прогноза спроса и графовые нейронные сети для

оптимизации маршрутов. Уровень цифровизации оценивается как высокий по всем направлениям. «Деловые линии» автоматизировали транспортные накладные через Saby TMS и внедрили корпоративный портал K-Team. Почта России переводит значительное число серверов на отечественную ОС «Ред ОС»; при этом, по данным [4], износ основных средств достигает 89%, а финансовые потери за 2024 г. превысили 20 млрд. руб. [4, с. 1420]. Общий вывод по России: уровень цифровой зрелости HR в отрасли – средний. Лидеры – компании e-commerce (Ozon Logistics, СДЭК). Основные барьеры: слабая интеграция с 1С, дефицит цифровых компетенций у HR-специалистов и сопротивление изменениям со стороны линейного персонала [1, с. 275; 4, с. 1425].

Опыт китайских компаний. Alibaba Cainiao применяет ИИ для автоматического скрининга резюме и прогнозирования кадровых потребностей на основе анализа нагрузки и текучести. Облачные платформы Alibaba Cloud обеспечивают персонализированные траектории обучения. Интеграция HR с операционными системами в ряде подразделений достигает высокого уровня, однако полная экосистемная интеграция характерна лишь для ограниченного числа пилотных проектов [5, с. 153]. JD Logistics автоматизировала склады, что позволило сократить значительную долю рядовых позиций и многократно увеличить число инженеров. Внедрены Big Data аналитика, мобильное обучение и системы премирования на основе KPI в реальном времени. SF Express делает акцент на мобильные приложения для курьеров: реал-тайм мониторинг заданий, геймификация (баллы, рейтинги, награды), мгновенная обратная связь от клиентов. В корпоративных отчётах утверждается, что это способствовало заметному снижению текучести среди курьеров (конкретные проценты в публичных источниках не верифицированы) [5, с. 157]. Общий вывод по Китаю: отдельные компании достигли стадии интеллектуальной HR-экосистемы в рамках пилотных проектов. Факторы успеха – государственная поддержка (программы «Сделано в Китае 2025», «Цифровой Китай»), субсидии, развитая инфраструктура 5G и высокая цифровая грамотность персонала [5, с. 158].

Сравнительный анализ. По уровню рекрутинга российские компании в основном используют чат-боты и интеграцию с job-сайтами, тогда как китайские лидеры применяют многоуровневый ИИ-скрининг с поведенческим анализом и предиктивным ранжированием кандидатов. В сфере обучения в России преобладают стандартные курсы в LMS и обязательные программы, в

Китае – AI-адаптивные траектории, микрообучение и геймифицированный контент. Мотивация в России строится на баллах за активность и KPI, в Китае – на реал-тайм бонусах, публичных рейтингах и мгновенной обратной связи. HR-аналитика в России в основном описательная с простыми дашбордами, предиктивные модели встречаются редко; в Китае широко используются Big Data и машинное обучение для прогнозирования текучести и нагрузки. Интеграция HR с операционными системами в России носит частичный характер (портал + WMS/TMS в отдельных проектах), тогда как в отдельных китайских компаниях достигнута высокая степень интеграции [1, с. 280; 4, с. 1430]. Таким образом, Россия находится на этапе создания цифрового фундамента (порталы, КЭДО, базовая автоматизация), тогда как передовые китайские компании – в парадигме интеллектуального управления талантами, но с оговоркой, что массовое распространение таких практик пока ограничено.

Заключение. Российские логистические компании демонстрируют средний уровень цифровизации HR, в то время как китайские лидеры используют ИИ и Big Data комплексно. Прямое копирование китайского опыта невозможно из-за различий в законодательстве (Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»), требования к локализации данных), корпоративной культуре (более высокое сопротивление изменениям) и доступных инвестициях [1, с. 281; 4, с. 1432]. Однако адаптация отдельных элементов – чат-ботов для первичного рекрутинга, микрообучения в мобильных форматах и предиктивной аналитики текучести – позволит российским компаниям, по оценочным прогнозам, сократить время закрытия вакансий, снизить текучесть и уменьшить ручной труд в HR (конкретные прогнозные проценты здесь не приводятся ввиду их неverifiedности на данном этапе) [2; 3]. Дальнейшие исследования должны учитывать необходимость интеграции с экосистемой ИС и поэтапное внедрение с обязательным обучением персонала.

Список литературы

1. Авдеенков В.А. и др. Цифровизация HR-процессов в российских организациях: современное состояние и перспективы // Вопросы инновационной экономики. – 2025. – Т. 15. – № 1. – С. 271-282.

2. Ваховская М.Ю., Тушнолобова Д.В. Особенности инвестиционной стратегии транспортной компании на российском рынке // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2024. – № 2 (67). – С. 89-106.

3. Платформа идей для сотрудников компании ПЭК // Университет 2035 [Электронный ресурс]. – URL: <https://pt.2035.university/project/starexp> (дата обращения: 05.03.2026).

4. Салин Д.С. Цифровая зрелость управления человеческими ресурсами // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12. – № 6. – С. 1417-1434.

5. 李燕萍, 李乐, 胡翔. 数字化人力资源管理: 整合框架与研究展望 // 科技进步与对策. – 2021. – Т. 38. – № 23. – С. 151-160.

© Чэнь Цзыан

ЦИФРОВЫЕ ДЕЛОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Авенович Мария Романовна

магистрант

Научный руководитель: **Бурова Наталья Ивановна**
старший преподаватель кафедры экономики и финансов
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

Аннотация: Данная статья посвящена анализу трансформации коммуникационных процессов в бизнес-среде под влиянием цифровых технологий. Рассматриваются основные тенденции, преимущества и вызовы, связанные с внедрением цифровых каналов общения, таких как электронная почта, мессенджеры, видеоконференции и социальные сети. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации на эффективность взаимодействия между сотрудниками, партнерами и клиентами, а также на формирование корпоративной культуры. В работе также обсуждаются вопросы информационной безопасности и этики в цифровых коммуникациях.

Ключевые слова: цифровые коммуникации, деловое общение, корпоративная культура, информационная безопасность, бизнес-процессы, электронные каналы связи.

DIGITAL BUSINESS COMMUNICATIONS

Avenovich Maria Romanovna

Scientific supervisor: **Burova Natalia Ivanovna**

Abstract: This article focuses on the analysis of the transformation of communication processes in the business environment under the influence of digital technologies. It examines the main trends, advantages, and challenges associated with the implementation of digital communication channels, such as email, messaging apps, video conferencing, and social media. The article emphasizes the impact of digitalization on the effectiveness of communication between employees, partners, and customers, as well as on the formation of corporate culture. The paper also discusses issues of information security and ethics in digital communications.

Keywords: digital communications, business communication, corporate culture, information security, business processes, electronic communication channels.

В условиях глобализации и ускоренного развития цифровых технологий современные организации сталкиваются с необходимостью трансформации традиционных подходов к деловым коммуникациям. Цифровизация бизнес-процессов кардинально изменила способы взаимодействия между сотрудниками, партнерами и клиентами, открывая новые возможности для оптимизации рабочих процессов и повышения конкурентоспособности [1]. Цифровые деловые коммуникации, понимаемые как обмен информацией с использованием электронных каналов связи, становятся неотъемлемой частью корпоративной культуры и стратегического управления [2].

Цифровые технологии, такие как электронная почта, корпоративные мессенджеры, платформы для видеоконференций и социальные сети, обеспечивают мгновенную передачу данных, возможность хранения и анализа больших объемов информации, а также мультимодальность взаимодействия, что, в свою очередь, позволяет организациям сокращать временные и финансовые затраты, повышать прозрачность бизнес-процессов и улучшать качество взаимодействия с внутренними и внешними стейкхолдерами. Однако переход к цифровым коммуникациям требует не только технической модернизации, но и изменения корпоративной культуры, адаптации сотрудников к новым формам общения, а также разработки стратегий по обеспечению информационной безопасности и соблюдению этики в цифровой среде [3]. Одним из ключевых преимуществ цифровых деловых коммуникаций является возможность преодоления географических и временных барьеров. Современные организации все чаще переходят на гибридные или полностью удаленные форматы работы, где цифровые инструменты становятся основным средством взаимодействия. Например, платформы для видеоконференций, такие как Яндекс Телемост или ВК Тимс, позволяют проводить совещания, презентации и тренинги в режиме реального времени, что способствует поддержанию командного духа и оперативному решению рабочих задач. Корпоративные мессенджеры, такие как ВКонтакте, МАКС, обеспечивают быстрый обмен сообщениями, файлами и ссылками, что упрощает координацию проектов и повышает эффективность коллективной работы.

Вместе с тем, цифровизация коммуникаций порождает ряд вызовов, требующих внимания со стороны руководства организаций. Одним из таких вызовов является «цифровой стресс», связанный с необходимостью постоянного нахождения в онлайн-режиме и обработки большого потока информации. Исследования показывают, что чрезмерное использование цифровых каналов может приводить к эмоциональному выгоранию сотрудников, снижению концентрации и ухудшению качества межличностных отношений [1]. Для минимизации рисков организации должны разрабатывать политики цифрового благополучия, включающие рекомендации по управлению временем, проведению регулярных офлайн-встреч и обучению сотрудников навыкам цифровой гигиены.

Еще одним важным аспектом цифровых деловых коммуникаций является информационная безопасность. Переход к электронным каналам связи увеличивает риски утечки конфиденциальных данных, кибератак и несанкционированного доступа к корпоративной информации. Организации обязаны внедрять современные системы защиты данных, проводить регулярные аудиты безопасности и обучать сотрудников основам кибербезопасности [3]. Например, использование двухфакторной аутентификации, шифрования данных и регулярное обновление программного обеспечения позволяют значительно снизить риски киберугроз.

Этика цифровых коммуникаций играет важную роль в формировании позитивного имиджа организации. Соблюдение норм делового этикета в электронной переписке, уважительное отношение к коллегам в онлайн-общении и избегание конфликтных ситуаций способствуют созданию доверительной атмосферы и укреплению репутации компании [3]. Организации должны разрабатывать корпоративные стандарты цифрового общения, включающие правила составления электронных писем, проведения видеоконференций и использования социальных сетей в профессиональных целях.

Цифровые деловые коммуникации оказывают значительное влияние на формирование корпоративной культуры. Они способствуют созданию единого информационного пространства, где сотрудники могут обмениваться идеями, участвовать в обсуждениях и чувствовать свою вовлеченность в жизнь организации [4]. Например, внутренние социальные сети и корпоративные порталы позволяют сотрудникам делиться достижениями, обсуждать проекты и участвовать в корпоративных мероприятиях, что укрепляет

командный дух и повышает лояльность к компании. Однако для успешного формирования корпоративной культуры в цифровой среде необходимо учитывать индивидуальные особенности сотрудников, обеспечивать баланс между цифровыми и традиционными формами общения, а также создавать условия для неформального взаимодействия [5].

Внедрение цифровых инструментов в бизнес-процессы требует комплексного подхода, включающего анализ потребностей организации, выбор подходящих технологических решений и обучение сотрудников. На современном рынке представлено множество платформ для цифровых коммуникаций, и выбор конкретного инструмента зависит от специфики деятельности компании, количества сотрудников и уровня их цифровой грамотности. Например, для небольших команд могут быть эффективны простые мессенджеры, тогда как крупные корпорации требуют интегрированных решений, сочетающих возможности обмена сообщениями, проведения видеоконференций и управления проектами.

Обучение сотрудников является критически важным этапом внедрения цифровых коммуникаций. Программы обучения должны включать не только технические навыки работы с платформами, но и правила делового этикета в цифровой среде. Например, сотрудники должны быть ознакомлены с нормами составления электронных писем, правилами проведения видеоконференций и принципами информационной безопасности [3]. Кроме того, важно формировать у сотрудников понимание необходимости соблюдения баланса между рабочим и личным временем, чтобы избежать цифрового стресса и эмоционального выгорания.

В перспективе развитие цифровых технологий будет способствовать дальнейшей трансформации деловых коммуникаций. Появление новых инструментов, таких как искусственный интеллект, виртуальная и дополненная реальность, открывает дополнительные возможности для оптимизации бизнес-процессов и улучшения качества взаимодействия. Однако успешное использование этих технологий потребует от организаций постоянной адаптации к новым условиям, разработки гибких коммуникационных стратегий и инвестиций в обучение сотрудников.

Таким образом, цифровые деловые коммуникации представляют собой важнейший элемент современного бизнеса, способствующий повышению эффективности взаимодействия, оптимизации бизнес-процессов и формированию конкурентоспособной корпоративной культуры. Однако их успешное

внедрение требует комплексного подхода, включающего техническую модернизацию, обучение сотрудников, обеспечение информационной безопасности и соблюдение этики общения. Организации, которые смогут эффективно интегрировать цифровые коммуникации в свою деятельность, получат значительные преимущества на рынке и обеспечат устойчивое развитие в условиях цифровой экономики.

В заключение следует отметить, что цифровые деловые коммуникации это не только инструмент взаимодействия, но и стратегический ресурс, определяющий конкурентоспособность организации. Успешное использование цифровых технологий в коммуникационных процессах позволяет компаниям оперативно реагировать на изменения внешней среды, укреплять отношения с партнерами и клиентами, а также создавать условия для инновационного развития. В то же время организации должны быть готовы к новым вызовам, связанным с цифровизацией, и разрабатывать стратегии, направленные на минимизацию рисков и максимизацию преимуществ цифровых коммуникаций.

Список литературы

1. Мамина, Р.И. Цифровые деловые коммуникации / Р. И. Мамина, Е. В. Пирайнен; рецензенты: Н. В. Голик, Е. Е. Елькина. — Санкт-Петербург: Петрополис, 2021. — 245 с.
2. Багрецов, Д. Н. Корпоративная культура в цифровом обществе / Д. Н. Багрецов // Журнал монетарной экономики и менеджмента. – 2024. – № 3. – С. 24-29. – DOI 10.26118/2782-4586.2024.91.32.003. – EDN СТНУНТ.
3. Орфанова, К. И. Деловые коммуникации в цифровой среде / К. И. Орфанова // Студенческая молодёжь XXI века: наука, творчество, карьера, цифровизация: Сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2022 года / Под общей редакцией Е.А. Руднева, под научной редакцией Л.Н. Горбуновой. – Москва: Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский экономический институт», 2022. – С. 556-565. – EDN VWFICY.
4. Маличенко, И. П. Цифровая корпоративная культура как стратегический фактор роста вовлеченности персонала / И. П. Маличенко,

К. С. Якущенко, В. О. Палий // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. – 2023. – Т. 12, № 5. – С. 71-79. – DOI 10.12737/2305-7807-2023-12-5-71-79.

5. Трофимова, Н. Н. Цифровая корпоративная культура как элемент цифровой трансформации организации / Н. Н. Трофимова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 2(176). – С. 106-113. – EDN QRMWLF.

© Авеневич М.Р.

**СЕКЦИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ**

**ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
И ЕГО СУБЪЕКТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ В СТРУКТУРЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

Чернохлебова Ангелина Андреевна

ассистент кафедры

«Социально-гуманитарные дисциплины»

Копылов Данил Витальевич

аспирант

Институт сферы обслуживания

и предпринимательства (филиал)

ДГТУ г. Шахты

Аннотация: рассматривается взаимосвязь свободы человека и его субъективного социального благополучия. Свобода выступает как фундамент и мировоззренческая основа социальной активности человека. Свобода человека экзистенциально связана с ощущением социального благополучия. Свобода человека постигается через познание и осознание своего мировоззрения и практической социальной деятельности.

Ключевые слова: свобода человека, экзистенциалы бытия, социальное благополучие, мировоззрение, благополучие.

**THE RELATIONSHIP BETWEEN A PERSON'S FREEDOM
AND THEIR SUBJECTIVE SOCIAL WELL-BEING
IN THE STRUCTURE OF THEIR WORLDVIEW**

Chernokhlebova Angelina Andreevna

Kopylov Danil Vitalievich

Abstract: the article examines the relationship between human freedom and subjective social well-being. Freedom serves as the foundation and ideological basis for human social activity. Human freedom is existentially linked to the perception of social well-being. Human freedom is achieved through the understanding and awareness of one's worldview and practical social activities.

Key words: human freedom, existentials of being, social well-being, worldview, well-being.

Современная социокультурная ситуация в нашей стране, характеризующаяся болевой точкой СВО, трансформацией привычных представлений, переосмыслением системы ценностей, обуславливает рост эмоционального напряжения и переустройство мировоззренческих представлений, что, в свою очередь, проявляется в росте исследовательского интереса к социальному благополучию и его взаимосвязи с ведущими экзистенциалами человеческого бытия. Целью данной статьи выступает философская рефлексия взаимосвязи свободы человека и его субъективного социального благополучия в структуре мировоззрения.

«Социальное благополучие – антипод бедности, которая стала в нашей стране одной из наиболее злободневных проблем. Благополучие включает экономическое благополучие, но шире этой категории за счет того, что включает гражданские свободы, относительную свободу от преступности, возможность жить в чистых экологических условиях и поддерживать свое здоровье» [3, с. 23]. Исходя из данного определения, следует, что свобода человека экзистенциально связана с ощущением социального благополучия.

Экзистенциально-феноменологическая методология сосредотачивает внимание исследователей на личностном измерении бытия. Однако, даже в своих самых экстремальных формах, человеческое существование, будучи глубоко индивидуальным, все же не отменяет, а наоборот, предполагает социальное измерение. Экзистенциалы толкуются в пределах социальной философии не столько как имманентно присущие существованию черты, а как определенные каноны, стереотипы, правила жизни человека в повседневной жизни, как жизненные реализации здесь-бытия индивидов.

Многие современные философы определяют экзистенциал свободы как «явление человеческого восприятия мира». Оно является наиболее универсальным и дает возможность учитывать как статические, так и динамические характеристики свободы. Мировосприятие является составной частью мировоззрения, и с одной стороны, оно формируется посредством освоения и социализации, под воздействием специфического комплекса взглядов на мир, убеждений, стереотипов мышления, коммуникации, поведения и деятельности. С другой стороны, сформировавшееся восприятие мира становится ключевым условием и значимым фактором для развития у человека определенных мировоззренческих компонентов.

Свобода выступает как фундамент и мировоззренческая основа социальной активности человека. Человек, рожденный в определенной

социокультурной ситуации, воспринимает идею свободы целостно, ориентируясь на исторический, политический, правовой, социальный, культурный контекст эпохи. Через интериоризацию свободы как экзистенциальной ценности происходят процессы освоения и социализации, которые в свою очередь являются составляющими мировосприятия. Осознавая свободу как экзистенциальную ценность, человек вычленяет из образа реальности те его составляющие, которые не только для него более актуальны в силу индивидуальных особенностей и социальных факторов существования, но и являются флагманом субъективного понимания социального благополучия.

В наиболее общем смысле мировоззрение является интегративным сочетанием взглядов индивида на окружающую среду, свое место в мире, других людей и смысл собственной жизни. Мировоззрением можно назвать сумму генерализованных идей о реальности, которые определяют, демонстрируют и детерминируют отношение индивида к своей жизнедеятельности. Основой формирования системы субъективного благополучия является миропонимание как структурная часть мировоззрения – процесс рефлексии индивидом, с одной стороны, своих внутренних ресурсов и возможностей для достижения желаемого состояния в социуме согласно его личных представлениям, с другой – интерпретации восприятия другими людьми, социальных норм и ролей, собственного положения в группах разных уровней, то есть оценки внешних социальных условий.

Деятельностный подход, интерпретирующий деятельность как условие достижения субъективного благополучия является достаточно традиционным для российской науки. В рамках данного подхода главный акцент ставится на социальную активность человека и подчеркивается ее ведущая роль в осуществлении взаимодействия с окружающим миром. В.В. Котлярова, анализируя проблему свободы, отмечает, что «Рассматривая соотношение свободы и ответственности, мы, прежде всего, отталкиваемся от определения границ свободы деятельности человека. Ведь этот сложный для понимания феномен воплощается в человеческих отношениях, в праве, в нормах, институтах, процедурах» [1, с. 10].

В XXI веке перед современным человеком воздвигается много требований и вызовов. «Социокультурные итоги последних десятилетий парадоксальны для человека. С одной стороны, его обостренное чувство собственной индивидуальности и свободы, с другой – все большее отсутствие этой индивидуальности, самоотрицание собственной свободы, бегство от

самого себя. Очевидно, данный парадокс есть продукт противоречий самой жизнедеятельности человека и общества, в котором он живет» [4, с. 209]. Человек подчиняется как физиологическим, так и социальным законам общества, в котором непосредственно находится, его правилам и нормам. Со всех сторон человек окружается определенными общепринятыми нормами поведения, традиционными действиями и ритуалами. В обществе свобода личности ограничивается интересами общества. Для россиян в исследовании В.Б. Разинского выявлены две одновременно существующие модели социального благополучия: консервативно-инерционная (нежелание самостоятельно преодолевать жизненные трудности) и деятельностно-динамическая (активное освоение социальной среды) [2, с. 136]. Первая модель распространена гораздо больше. При этом субъективное ощущение социального благополучия у отдельных людей не всегда коррелирует с благополучием государства и общества, т.е. общественные и личные цели, а также представления о социальном благополучии идут дивергентным путем. Следовательно, социальное благополучие не определяется исключительно уровнем жизни или эффективностью государственного управления. На него также оказывают влияние смыслы, ценности и нужды, а также культурные особенности и устоявшиеся традиции общества. Исходя из этого, различают субъективные (психологический аспект эффективности) и объективные (соответствие социальным нормам) критерии социального благополучия.

В течение жизни человек, конструируя свое мировоззрение, пытается найти комфортный баланс между внутренней и внешней детерминацией социального благополучия, постоянно сопоставляя экзистенциалы бытия в структуре мировоззрения, находя реперные точки между пониманием свободы как хода событий, когда воля какого-либо лица не подверглась насилию со стороны воли других и составляющими социального благополучия, которые детерминированы ответственностью. Свобода человека постигается через познание и осознание своего мировоззрения и практической социальной деятельности. Свобода – это высочайший дар и благо человека, присущие ему по самой природе. Наличие или отсутствие его является основным показателем социального благополучия личности.

Список литературы

1. Котлярова В. В. Философско-антропологические рекурсии интерпретации свободы в европейской гуманитарной мысли в контексте ценностно-культурного подхода // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 110, № 3. С. 9–15.
2. Разинский Г. В. Факторы, определяющие социальное благополучие / неблагополучие в современном городе // Власть. 2014. № 6. С. 136–140.
3. Социальное благополучие личности и общества. Учебное пособие для бакалавров / составитель профессор Н.А. Грик. Томск : ТУСУР, 2018. 106 с.
4. Удальцова М. В., Абрамова Е. А. Социальное благополучие как фактор свободы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 208–217.

© Чернохлебова А.А., Копылов Д.В.

**ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСА ИНТЕГРИРОВАННЫХ
МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В УСЛОВИЯХ
МЕНЯЮЩЕЙСЯ РЫНОЧНОЙ СРЕДЫ**

Жилкина Елизавета Максимовна

магистрант

Научный руководитель: **Сулейманова Римма Рифхатовна**

кандидат философских наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы разработки комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций; установлена актуальность, возможности и преимущества интегрированных маркетинговых коммуникаций для современного бизнеса; определена сущностная характеристика и современные тенденции интегрированных маркетинговых коммуникаций; систематизированы проблемы разработки комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций, которые формируются в условиях меняющейся рыночной среды; разработаны направления по их нивелированию.

Ключевые слова: интегрированные маркетинговые коммуникации, разработка, проблемы, возможности, рыночная среда, персонализированная омниканальность.

**PROBLEMS OF DEVELOPING AN INTEGRATED MARKETING
COMMUNICATIONS SYSTEM IN A CHANGING
MARKET ENVIRONMENT**

Zhilkina Elizaveta Maksimovna

Scientific supervisor: **Suleimanova Rimma Rifkhatovna**

Abstract: this article examines the challenges of developing an integrated marketing communications system; establishes the relevance, potential, and advantages of integrated marketing communications for modern business; identifies the essential characteristics and current trends in integrated marketing communications; systematizes the challenges of developing an integrated marketing communications system that are emerging in a changing market environment; and develops strategies for addressing these challenges.

Key words: integrated marketing communications, development, problems, opportunities, market environment, personalized omnichannel.

В современных условиях рыночная среда характеризуется высокой турбулентностью, нестабильностью спроса и усиливающейся конкуренцией как со стороны традиционных, так и со стороны новых участников. Платежеспособный спрос во многих отраслях демонстрирует тенденцию к снижению, потребительское поведение становится более рациональным и чувствительным к цене и качеству товаров и услуг. В таких условиях простого присутствия товара или услуги на рынке уже недостаточно: при отсутствии продуманной коммуникационной политики объем продаж сокращается, уменьшается поток клиентов, ослабевают позиции бренда и его способность поддерживать устойчивую лояльность [3, с. 2318]. Дополнительным фактором осложнения выступает информационная насыщенность. В этой связи особую актуальность приобретает разработка комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций как стратегического инструмента адаптации компаний к меняющейся рыночной конъюнктуре.

В современной литературе понятие интегрированных маркетинговых коммуникаций трактуется неоднозначно. Так, исследователи И.А. Борботько и Е.С. Гореликова рассматривают интегрированный маркетинг как «стратегический подход, объединяющий все формы маркетинговых коммуникаций в единое, последовательное и привлекательное для потребителя общение» [2, с. 271]. Авторы акцентируют внимание на том, что интеграция обеспечивает согласованное взаимодействие бренда с потребителем, а современные интернет-технологии делают возможной персонализацию сообщений.

Другой автор Н.Е. Тропынина подходит к концепции ИМК с теоретико-эволюционных позиций, рассматривая трансформацию представлений от «стимулирования сбыта» и «sales promotion» как более широкую категорию маркетинговых коммуникаций, «включающую рекламу, прямой маркетинг, стимулирование сбыта и связи с общественностью» [8, с. 158]. Автор считает, что в рамках концепции ИМК маркетинговые коммуникации трактуются как «процесс, встроенный в деятельность компании в целом и выходящий за рамки функций маркетинговой службы» [8, с. 159].

В исследовании ученого И.Ю. Антоновой интегрированные маркетинговые коммуникации рассматриваются преимущественно как система

продвижения товаров. Автор подчеркивает, что «каждое средство может давать результат по отдельности, но лишь в системе, при их согласованном использовании, возникает синергетический эффект, выражающийся в росте продаж, усилении лояльности и укреплении имиджа предприятия» [1, с. 166].

Как «комплекс объединенных в единый процесс средств и инструментов, направленных на удовлетворение нужд и продавца, и потребителя» определяют интегрированные маркетинговые коммуникации исследователи А.Д. Жукова и Я.А. Демань [5, с. 215]. Авторы подчеркивают преимущества единства управления продвижением, планирования и финансирования, а также акцентируют эффект взаимодействия, возникающий при использовании коммуникационных инструментов.

Проведенный обзор литературы показывает, что в одних работах ИМК трактуются преимущественно как комплекс инструментов продвижения, обеспечивающий совокупный эффект и повышение результативности маркетинговой деятельности. В других исследованиях акцент смещается на процессуально-управленческое содержание: интегрированные коммуникации понимаются как кросс-функциональный процесс, встроенный в общую стратегию развития предприятия и затрагивающий все подразделения.

Современное развитие комплекса маркетинговых коммуникаций, по справедливому замечанию Е. В. Торгунаковой и А.А. Шакурова, определяется прежде всего цифровой трансформацией рыночной среды [7]. Усиливается роль интернет-коммуникаций в связи с ростом онлайн-торговли и мобильной коммерции. Компании смещают акцент с односторонней рекламы на интерактивное взаимодействие с потребителем. Одновременно снижается эффективность традиционных каналов, а виртуальная среда предоставляет более широкие возможности для оперативной, адресной и двусторонней коммуникации. Вместе с тем возрастает цена ошибок, так как информация в цифровом пространстве фактически не подлежит полному удалению. Изменяется и само поведение потребителя. Принимая решение о покупке, он в возрастающей степени учитывает неценовые факторы. Конкуренция смещается в коммуникационную плоскость. Это усиливает потенциал комплекса маркетинговых коммуникаций, но одновременно повышает требования к его интеграции и стратегическому управлению.

Несмотря на то, что возможности и преимущества интегрированных маркетинговых коммуникаций очевидны (повышение узнаваемости бренда, укрепление лояльности клиентов, персонализация сообщений и рост объема

продаж), их практическая реализация в условиях меняющейся рыночной среды оказывается сопряжена с рядом скрытых проблем.

Заслуживает внимания мнение исследователей Д.А. Грибовского и М.Ю. Горегляд, считающих, что «в цифровой среде с клиповым сознанием и тотальным скроллингом внимание аудитории превращается в дефицитный и одновременно дорогой ресурс» [4, с.65]. Информационный шум возрастает, темп потребления контента ускоряется, глубина восприятия снижается. В этих условиях компаниям становится сложно не только донести согласованное сообщение через разные каналы, но и в принципе выделиться среди множества конкурирующих стимулов. На первый план выходит проблема повышения стоимости контакта с клиентом и самого внимания как объекта конкуренции. Одновременно возрастает риск стратегических ошибок (поверхностного контента, следования трендам без понимания контекста, создания вирусных кампаний без связи с продуктом и целями бренда). Такие ошибки не только снижают эффективность коммуникаций, но и подрывают доверие аудитории, что особенно опасно при высокой скорости распространения информации.

К структурным ограничениям относятся сложность организации единой системы коммуникаций и необходимость постоянной координации действий различных подразделений и внешних подрядчиков. Во многих компаниях функции маркетинговых коммуникаций частично делегируются агентствам, что затрудняет поддержание целостного образа бренда и оперативную адаптацию сообщений к изменяющимся условиям рынка [4, с. 67]. Кроме того, ограниченность бюджетов препятствует полноценной реализации омни-канального подхода и внедрению сложных аналитических инструментов. В совокупности это формирует ключевую проблему: при очевидных теоретических и практических преимуществах интегрированных маркетинговых коммуникаций компании сталкиваются с существенными организационными, ресурсными и содержательными барьерами, которые мешают создать по-настоящему согласованный, адаптивный и устойчивый комплекс коммуникаций в условиях высокой конкуренции за внимание и нестабильности рыночной среды.

Комплексные интегрированные маркетинговые коммуникации (ИМК) могут стать действенным ответом на снижение спроса и рост конкуренции, если компания строит их на системной аналитической основе и развивает в сторону персонализированной омниканальности. В условиях виртуализи-

рованной экономики авторы В. Д. Секерин и А.Е. Горохова отмечают, что «в первую очередь необходимо провести глубокий анализ рыночной ситуации, характеристик потребителей и конкурентов, а также ресурсов самой фирмы; анализ определяет целевую аудиторию и ее потребности, позволяет выявить отличия бренда от конкурентов и сформировать уникальную ценность» [6, с. 49].

Для решения выявленных проблем и повышения эффективности интегрированных маркетинговых коммуникаций организациям рекомендовано следовать направлениям, представленным на рисунке 1.

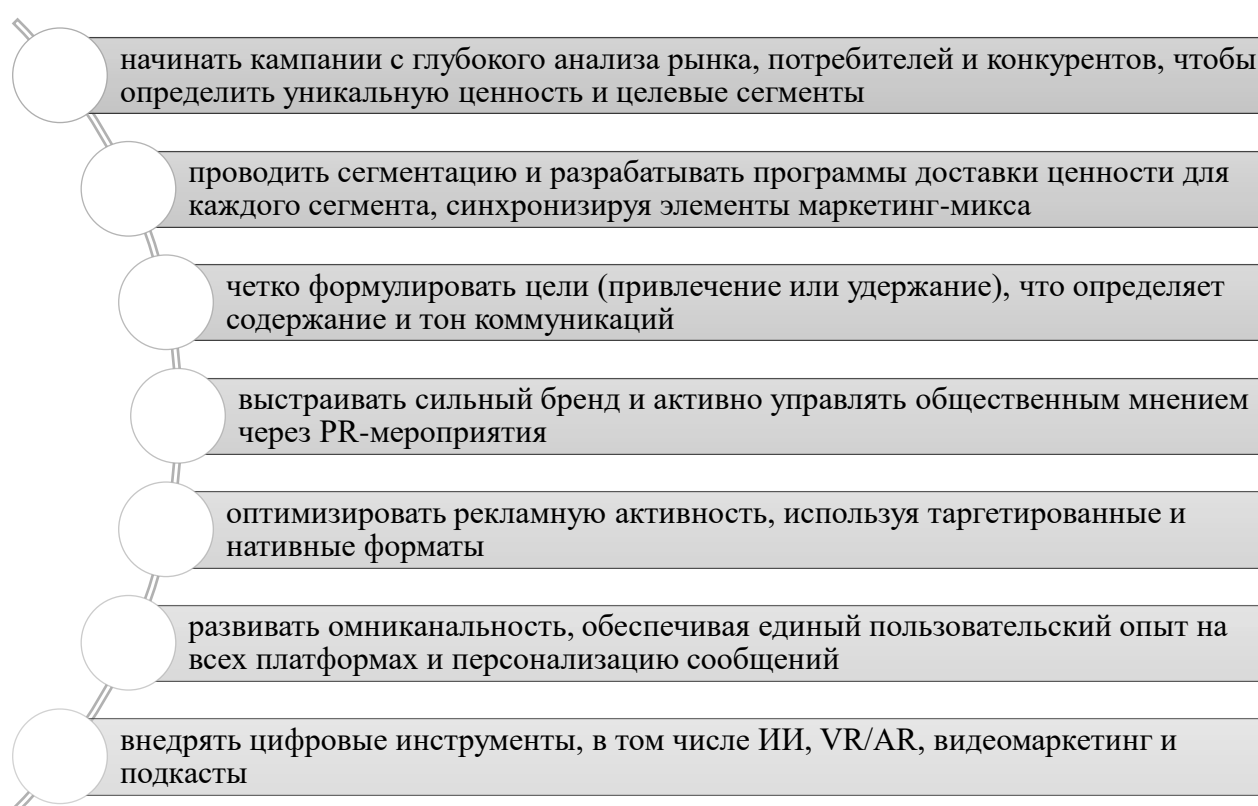

Рис. 1. Рекомендации по разработке комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций в условиях меняющейся рыночной среды

Таким образом, данные направления помогут использовать все преимущества интегрированных маркетинговых коммуникаций и превратить их из набора инструментов в стратегическую систему, способную преодолеть ограничения бюджета и информационного шума, выделиться на фоне конкурентов, а также создать устойчивую ценность для клиентов.

Список литературы

1. Антонова И. Ю. Интегрированные маркетинговые коммуникации как инструмент продвижения товаров // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 10, № 12 (141). – С. 166-172.
2. Борботько И. А., Гореликова Е.С. Тенденции развития интегрированных маркетинговых коммуникаций // Современные средства связи. – 2023. – Т. 1. № 1. – С. 271-273.
3. Васильева А. Л. Роль интегрированных маркетинговых коммуникаций в повышении эффективности бренда // Вестник науки. – 2025. – Т. 4. № 5 (86). – С. 2316-2324.
4. Грибовский Д. А., Горегляд М.Ю. Интегрированные маркетинговые коммуникации в эпоху тотального скроллинга // Вестник экономического научного общества студентов и аспирантов. – СПб, 2025. – С. 62-70.
5. Жукова А. Д., Демань Я.А. Интегрированные маркетинговые коммуникации // Студенческая наука: созидая будущее. – Курск: Курский государственный университет, 2024. – С. 214-217.
6. Секерин В. Д., Горохова А.Е. Интегрированные маркетинговые коммуникации в эпоху виртуального сознания // Друкеровский вестник. – 2023. – № 1 (51). – С. 46-53.
7. Торгунакова Е. В., Шакуров А.А. Интегрированные маркетинговые коммуникации: учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбУТУиЭ, 2024.
8. Тропынина Н. Е. Теоретический подход к пониманию концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2023. – № 7 (73). – С. 158-163.

© Жилкина Е.М.

ОСОБЕННОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДСТВАМИ РЕКЛАМЫ И PR

Игнатьева Дарья Игоревна

магистрант

Научный руководитель: **Сулейманова Римма Рифхатовна**

кандидат философских наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Аннотация: в условиях высококонкурентного рынка фитнес-услуг российские спортивные организации сталкиваются с необходимостью формирования эффективных коммуникационных стратегий. Настоящая статья посвящена анализу специфики продвижения фитнес-клубов средствами рекламы и PR. Исследование раскрывает ключевые особенности позиционирования спортивных организаций в цифровую эпоху, демонстрирует взаимосвязь традиционных и инновационных инструментов маркетинговых коммуникаций. Актуальность работы обусловлена трансформацией потребительского поведения и необходимостью адаптации промоционных стратегий к новым реалиям. Научная новизна заключается в систематизации современных практик продвижения фитнес-услуг с учётом российской специфики и выявлении факторов, определяющих эффективность интегрированных коммуникаций в сегменте премиальных спортивных клубов.

Ключевые слова: продвижение спортивных организаций, фитнес-маркетинг, интегрированные маркетинговые коммуникации, PR-стратегии, digital-продвижение, брендинг фитнес-услуг, потребительская лояльность.

PROMOTION OF SPORTS ORGANIZATIONS BY ADVERTISING AND PR

Ignatyeva Daria Igorevna

Scientific supervisor: **Suleimanova Rimma Rifkhatovna**

Abstract: in the highly competitive fitness services market, Russian sports organizations face the need to develop effective communication strategies. This article analyzes the specifics of promoting fitness clubs by advertising and PR. The study reveals key aspects of positioning sports organizations in the digital age and demonstrates the interrelationship between traditional and innovative marketing

communications tools. The relevance of this work stems from the transformation of consumer behavior and the need to adapt promotional strategies to new realities. The scientific novelty lies in the systematization of modern practices for promoting fitness services, taking into account Russian specifics, and identifying the factors determining the effectiveness of integrated communications in the premium sports club segment.

Key words: sports organization promotion, fitness marketing, integrated marketing communications, PR strategies, digital promotion, fitness service branding, consumer loyalty.

Рынок фитнес-услуг в России переживает этап структурной трансформации, вызванной как постпандемийным восстановлением, так и изменением потребительских привычек. По данным исследователя С.А. Кучерявенко и соавторов, в 2025 году наблюдается устойчивый рост спроса на услуги спортивных организаций, однако конкуренция усиливается за счёт появления новых форматов клубов и необходимости удержания клиентов в условиях сезонных колебаний [1, с. 558]. В этих условиях особую значимость приобретают инструменты рекламы и PR, позволяющие не только привлекать новую аудиторию, но и формировать долгосрочную лояльность.

Объектом данного исследования выступают фитнес-клубы, позиционирующие себя в премиальном сегменте. Цель работы – выявить особенности продвижения спортивных организаций средствами рекламы и PR на примере данного клуба, систематизировать современные практики и предложить направления оптимизации коммуникационной стратегии.

Рассмотрим теоретические основы маркетинга фитнес-услуг. Современный подход к продвижению фитнес-услуг базируется на концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК), объединяющей традиционные и цифровые каналы. Как отмечает автор Т.В. Сушкова, ключевыми факторами, влияющими на лояльность клиентов фитнес-клубов, являются качество обслуживания, профессионализм тренерского состава и атмосфера сообщества [2, с. 266]. Эти факторы должны быть транслированы через PR-сообщения и рекламные материалы.

Важным теоретическим положением является выделение специфики услуг как нематериальных благ. Для фитнес-клубов это означает, что потребитель не может оценить результат до момента посещения, поэтому особую роль играют социальные доказательства – отзывы, истории успеха, визуализация процесса тренировок. Автор В.О. Иващенко в своём

исследовании подчёркивает, что новые тренды в рекламе и PR спортивных организаций связаны с персонализацией сообщений и использованием цифровых платформ для создания доверительных отношений [3, с. 12].

Проведем анализ инструментов продвижения фитнес-клубов. Премиальные клубы ориентированы на платежеспособную аудиторию, ценящую эксклюзивность, высокий уровень сервиса и индивидуальный подход. Для такого сегмента стандартные методы массовой рекламы оказываются малоэффективными; необходим комплексный подход, сочетающий имиджевый PR, работу с лидерами мнений и точечную цифровую рекламу.

Выделим цифровые каналы коммуникации. Исследование автора Д.В. Вороновой показывает, что применение инструментов цифрового маркетинга на рынке фитнес-услуг позволяет значительно повысить эффективность привлечения клиентов [4, с. 78]. Фитнес-клубы используют контекстную рекламу в Яндекс.Директ, ориентированную на ключевые запросы («фитнес премиум», «тренажёрный зал с бассейном»), а также таргетинг в социальных сетях. При этом, как показывает статистика, важна постоянная оптимизация креативов: использование фотографий реальных клиентов вместо графических макетов повышает доверие и увеличивает количество заявок на 20–30% [5]. Особое значение для премиального клуба имеет работа с геосервисами. В кейсах, например, продемонстрировано, что брендированные пины в Яндекс.Картах и Навигаторе увеличивают количество поисковых запросов на 42% и способствуют привлечению аудитории автомобилистов [6]. Такая опция может стать эффективным инструментом напоминания и формирования узнаваемости.

Несомненно, важны PR и формирование репутации. Региональный опыт PR-деятельности учреждений физической культуры и спорта, описанный автором Л.Е. Хроминым и другими исследователями, показывает, что успешные спортивные организации должны иметь в штате специалистов по связям с общественностью, которые занимаются не только медиа-рилейшнз, но и работой с сообществом [7, с. 8]. PR-специалисты в спортивных клубах отвечают за формирование положительного имиджа организации, привлечение внимания СМИ и поддержание интереса широкой аудитории, привлечение новых посетителей, улучшение инфраструктуры и создание комфортных условий для посетителей, позиционирование клуба как бизнес-партнёра. Таких специалистов готовят многие вузы по направлению «Реклама и связи с общественностью», что значительно облегчает работу руководству спортивной организации [8, с. 307].

Фитнес-центры в своей работе реализуют ряд PR-активностей: организация открытых тренировок с участием известных спортсменов, проведение благотворительных мероприятий, партнёрство с городскими спортивными событиями. Эти мероприятия формируют позитивный имидж клуба как социально ответственного бизнеса и усиливают эмоциональную связь с аудиторией.

Важным элементом PR-стратегии является работа с пользовательским контентом (UGC). Автор С. Можарова в своей статье подчёркивает, что вовлечение клиентов в создание контента о бренде (посты в социальных сетях с хештегами, отзывы) способствует формированию «героического нарратива», который повышает доверие и вовлечённость [9, 373-374]. В аккаунтах фитнес-клубов регулярно публикуются истории успеха клиентов, что служит социальным доказательством и стимулирует подражательное поведение потенциальных клиентов.

Специфику продвижения премиальных фитнес-клубов можно проанализировать через проведение различных практик, что позволяет выделить несколько ключевых особенностей продвижения в премиальном сегменте, рассмотрим их.

Во-первых, сегментация аудитории. В отличие от масс-маркета, где эффективны широкие охватные кампании, для премиальных клубов необходима точечная настройка коммуникаций. Целевая аудитория – люди с доходом выше среднего, часто имеющие опыт посещения фитнес-клубов, ценящие приватность и индивидуальный сервис. Сообщения должны подчёркивать эксклюзивность, уникальность оборудования, квалификацию тренеров.

Во-вторых, атмосфера и дизайн как часть коммуникации. Премиальный клуб должен транслировать образ роскоши и заботы о клиенте через визуальный контент. Профессиональная фото- и видеосъёмка интерьеров, внимание к деталям (полотенца, зоны отдыха, SPA) становятся неотъемлемой частью рекламных материалов. В рекламе, как правило, используются качественные визуальные образы, формирующие ощущение элитарности.

В-третьих, амбассадорство и лидеры мнений. В премиальном сегменте значительную роль играют личные рекомендации и авторитетные лица. Привлечение известных спортсменов, блогеров, представителей бизнес-сообщества в качестве амбассадоров или для проведения закрытых мероприятий позволяет выстраивать доверительные отношения с целевой аудиторией. Как отмечает автор С. Можарова, героический нарратив через

образ амбассадора усиливает эмоциональную связь и повышает лояльность [9, с. 375].

В-четвертых, интеграция офлайн и онлайн. Премиальные клубы часто используют модель «клиентского пути», где первый контакт происходит в digital (сайт, соцсети), а затем клиент приглашается на экскурсию или пробную тренировку. Важно обеспечить seamless-переход: информация на сайте должна соответствовать реальному уровню сервиса. Исследование Д.В. Вороновой подтверждает, что цифровой маркетинг для фитнес-услуг эффективен только в связке с качественным офлайн-опытом [4, с.79].

Эффективность интегрированных коммуникаций: оценка и направления оптимизации. Оценка эффективности продвижения фитнес-клубов может проводиться по ряду показателей: рост числа обращений по рекламным каналам, увеличение доли клиентов, пришедших по рекомендации, уровень лояльности (NPS), а также показатели вовлечённости в социальных сетях. Согласно данным С.А. Кучерявенко и других соавторов, для российского рынка фитнес-услуг характерна высокая сезонность: пик спроса приходится на сентябрь-октябрь и январь-февраль [1, с. 559]. В периоды спада (летние месяцы) необходимо использовать специальные PR-активности, например, проведение летних выездных тренировок или открытых мероприятий в парках, что поддерживает присутствие бренда в медиапространстве.

Результаты исследования автора Т.В. Сушковой показывают, что на локальном рынке фитнес-услуг важнейшим фактором удержания является формирование сообщества [2, с. 267]. Фитнес-клубы могут усилить этот аспект, развивая закрытый клуб для постоянных клиентов: эксклюзивные мероприятия, программы лояльности с персональными скидками, информирование о новинках через личные каналы связи. Такой подход не только повышает лояльность, но и способствует генерации положительных отзывов, которые затем могут быть использованы в рекламных и PR-материалах.

На основе анализа можно предложить следующие направления оптимизации коммуникационной стратегии для фитнес-клубов. Выделим их:

1. Расширение использования UGC. Стимулирование клиентов делиться своими успехами и впечатлениями в социальных сетях с использованием брендированного хештега. Это создаёт аутентичный контент, который, по данным С. Можаровой, более эффективен, чем профессиональная реклама [9, с. 375].

2. Интеграция с геосервисами. Размещение брендированных пинов на Яндекс.Картах для привлечения платежеспособной автомобильной аудитории, что доказало свою эффективность в кейсах [6].

3. Развитие формата закрытых мероприятий. Проведение эксклюзивных вечеринок, мастер-классов от приглашённых экспертов (диетологов, психологов) для членов клуба и их гостей. Это укрепит имидж премиального клуба и создаст дополнительные поводы для упоминаний в СМИ и социальных сетях.

4. Персонализация коммуникации. Использование CRM-системы для сегментирования клиентов и отправки персонализированных предложений (например, программы тренировок, поздравления с днём рождения, напоминания о необходимости продления абонемента).

Таким образом, проведённое исследование особенностей продвижения спортивных организаций средствами рекламы и PR на примере фитнес-клуба позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, эффективная коммуникационная стратегия фитнес-клуба в современных условиях требует интеграции традиционных и цифровых инструментов, с акцентом на цифровые каналы, обеспечивающие точечное взаимодействие с целевой аудиторией. Во-вторых, для премиальных клубов особое значение приобретают PR-активности, направленные на формирование репутации, работа с лидерами мнений и создание закрытого сообщества лояльных клиентов. В-третьих, использование пользовательского контента и геосервисов, а также постоянная оптимизация рекламных креативов на основе аналитики позволяют повысить эффективность продвижения в условиях высокой конкуренции.

Полученные результаты могут быть использованы как руководство для практиков, работающих в сфере маркетинга спортивных организаций, а также как основа для дальнейших исследований, направленных на разработку методик оценки эффективности интегрированных коммуникаций в фитнес-индустрии.

Список литературы

1. Кучерявенко С. А., Тищенко Б. Ю., Жариков Р. В., Назарова А. Н. Российский рынок фитнес-услуг: структурные трансформации, тенденции развития, сезонная динамика и эффективные инструменты маркетинга // Экономика. Информатика. – 2025. – Т. 52, № 3. – С. 557–564.

2. Сушкова Т. В. Исследование потребительских предпочтений клиентов на локальном рынке фитнес-услуг // Эффективные системы менеджмента: Качество. Биоэкономика. Кадровый и технологический суверенитет: сборник научных статей XII Международного научно-практического форума. – Казань: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2025. – С. 266–268.

3. Иващенко В. О. Анализ рекламы и PR-технологий спортивных организаций: новые тренды и возможности: выпускная квалификационная работа бакалавра. – Сибирский федеральный университет. – Лесосибирск, 2024. – 78 с.

4. Воронова Д. В. Применение инструментария цифрового маркетинга в продвижении на рынке фитнес-услуг: магистерская диссертация. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2025. – 137 с.

5. Настройка и ведение контекстной рекламы для сети фитнес-клубов «Платинум» // WORKSPACE: [сайт]. – 2025. – URL: <https://workspace.ru/cases/nastroyka-i-vedenie-kontekstnoy-reklamy-dlya-seti-fitness-klubov-platinum/> (дата обращения: 31.03.2026).

6. Как сеть фитнес-клубов увеличила конверсию в заявку с помощью брендированных пинов в Навигаторе и Картах // Яндекс. Реклама: [сайт]. – 2025. – URL: <https://yandex.ru/adv/solutions/cases/territoriya-fitnessa-brendirovan-pue-piny> (дата обращения: 31.03.2026).

7. Хромин Л. Е., Хромин Е. В., Богданова Ю. Н. Региональный опыт PR-деятельности учреждений физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. – 2024. – № 2. – С. 8–11.

8. Сулейманова Р. Р. Связи с общественностью – новая специальность для новой России // Роль классических университетов в формировании инновационной среды регионов. Современное гуманитарное образование как основа гуманизации общества: Материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 02–05 декабря 2009 года. Том IV, Часть 1. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2009. – С. 307–311.

9. Можарова С. Пользовательский контент в рекламе и PR спортивных брендов: функция героического нарратива в формировании доверия и вовлеченности // Динамика медиасистем. – 2025. – Т. 5, № 2. – С. 372–379.

© Игнатьева Д.И., 2026

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ: ОТ ЭТИКИ
БЛИЖНЕГО К ЭТИКЕ ДАЛЬНЕГО**

Лейбенко Алёна Олеговна

студент

Научный руководитель: **Касьянов Григорий Александрович**

кандидат философских наук, доцент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий и дизайна»

Аннотация: в статье рассматривается трансформация феномена социальной ответственности в условиях глобализации. Проводится анализ, как классическая этика ближнего оказывается недостаточной перед лицом вызовов, имеющих пространственно-временную протяженность: климатические изменения, глобальное неравенство, технологические риски. Особое внимание уделяется концепциям Ханса Йонаса, Ульриха Бека и Питера Сингера, предлагающие различные модели осмысления ответственности в глобальном мире. В заключении обосновывается необходимость перехода от традиционной «этики ближнего» к «этике дальнего», предполагающей иное понимание субъекта и объекта ответственности.

Ключевые слова: социальная ответственность, глобализация, риск, этика ближнего, этика дальнего, глобальная справедливость.

**SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE ERA
OF GLOBAL RISKS: FROM THE ETHICS
OF THE NEAR TO THE ETHICS OF THE FAR**

Leibenko Alyona Olegovna

Scientific adviser: **Kasyanov Grigory Alexandrovich**

Abstract: the article examines the transformation of the phenomenon of social responsibility in the context of globalization. The article analyzes how the classical ethics of the neighbor turns out to be insufficient in the face of challenges that have a spatial and temporal dimension: climate change, global inequality, and technological risks. Special attention is paid to the concepts of Hans Jonas, Ulrich

Beck and Peter Singer, who propose various models for understanding responsibility in the global world. In conclusion, the author substantiates the need to move from the traditional «ethics of the near» to the «ethics of the far», which presupposes a different understanding of the subject and object of responsibility.

Key words: social responsibility, globalization, risk, ethics of the near, ethics of the far, global justice.

В начале XXI века человечество столкнулось с парадоксальной ситуацией: наши технологические и экономические возможности приобрели глобальный характер, тогда как механизмы моральной и политической ответственности по-прежнему остаются преимущественно локальными. Мы способны воздействовать на процессы, происходящие за тысячи километров от нас, и создавать риски, которые проявятся лишь через десятилетия, но традиционные этические системы ориентированы на непосредственное взаимодействие с «ближним» в обозримом временном горизонте [9, с. 23].

Актуальность философского осмысления социальной ответственности в глобальном мире обусловлена несколькими факторами. Во-первых, кризис традиционных институтов ответственности: национальные государства, призванные обеспечивать социальную защиту и справедливость, утрачивают контроль над процессами, определяемыми транснациональными корпорациями и наднациональными структурами [2, с. 67]. Во-вторых, проблема «отложенных последствий»: экологический след нашей деятельности, генетические модификации, накопление ядерных отходов создают угрозы, с которыми будут иметь дело будущие поколения, не имеющие возможности повлиять на наши сегодняшние решения [8, с. 112]. В-третьих, цифровой разрыв и алгоритмическое управление порождают новые формы неравенства и требуют пересмотра традиционных представлений о субъекте ответственности [5, с. 89].

Традиционная этика, будь то аристотелевская добродетель, кантовский категорический императив или утилитаристский расчет последствий, косвенно исходила из определенных пространственно-временных допущений. Немецкий философ Ханс Йонас отмечает: «ранее этика имела дело с непосредственным взаимодействием людей, где действующий и страдающий от действия были современниками и находились в обозримой близости» [9, с. 45].

Этика ближнего предполагала, что последствия поступка ограничены кругом непосредственно взаимодействующих индивидов, а временной

горизонт ответственности не выходит за пределы жизни одного поколения. Моральные обязательства мыслились как симметричные и взаимные: я отвечаю перед тем, кто может ответить мне [1, с. 9]. Эта модель прекрасно работала в условиях локальных сообществ, где «другой» всегда был конкретным лицом, а последствия действий были обозримы.

Однако глобализация разрушила эту картину мира. Производственные цепочки, связывающие потребителя в Европе с рабочим в Бангладеш; выбросы углекислого газа, влияющие на климат тихоокеанских островов; финансовые спекуляции, мгновенно распространяющие кризис по всем континентам – все это создает ситуацию, в которой действующий субъект и объект его действия разделены пространством и временем [2, с. 89]. Традиционная этика оказывается бессильной перед необходимостью осмыслить ответственность за «дальнего», который никогда не предъявит нам счет лично.

Исследователи отмечают, что классическая философия, при всех ее достоинствах, не предоставляет инструментов для осмысления ответственности в ситуациях, где причинно-следственные связи растянуты во времени и пространстве [4, с. 12]. Это создает концептуальный вакуум, который пытаются заполнить современные мыслители.

В своей работе «Принцип ответственности» Ханс Йонас предлагает наиболее целостную концепцию ответственности, соразмерную вызовам техногенной цивилизации. Исходный тезис Йонаса радикален: «Природа человеческого действия коренным образом изменилась. Впервые в истории человечество способно уничтожить само себя и всю жизнь на Земле» [9, с. 15]. Отталкиваясь от этого радикального тезиса, он предлагает новый императив, отличный от кантовского: «Действуй так, чтобы последствия твоего действия были совместимы с продолжением подлинно человеческой жизни на Земле» [9, с. 36]. Этот императив смещает фокус этики с межчеловеческих отношений на отношение человека к условиям возможности самого человеческого существования.

Ключевым понятием этики Йонаса становится «эвристика страха». Поскольку позитивное знание о далеком будущем недоступно, методологическим компасом, то при принятии решений, связанных с высокими технологиями и рисками, приоритет следует отдавать пессимистическим прогнозам: цена ошибки (исчезновение человечества) слишком высока, чтобы рисковать [9, с. 78].

Йонас радикально переосмысливает структуру ответственности. Если классическая традиция связывала ответственность с договором или взаимностью, то Йонас утверждает асимметричность подлинной ответственности: ответственный – тот, кто обладает властью и свободой; тот, перед кем ответственны – безвластен и уязвим [8, с. 45]. Архетипом таких отношений выступает связь родителя и младенца: ребенок не может потребовать отчета, но сам факт его беспомощности налагает на взрослого безусловное обязательство заботы [9, с. 89]. Интерпретируя эту логику на глобальный уровень, Йонас уподобляет будущие поколения такому «младенцу». Они не имеют голоса в сегодняшних решениях, но именно их беззащитность перед нашими действиями становится источником нашей высшей ответственности [6, с. 67].

Как отмечают исследователи наследия Йонаса, его концепция имеет принципиальное значение для современной экологической этики и философии техники, поскольку впервые в истории философии ответственность получает онтологическое, а не договорное обоснование [6, с. 112].

Социолог и философ Ульрих Бек, развивая сходную интуицию, ввел понятие «мирового общества риска». Согласно Беку, современное общество объединено не столько общими ценностями или институтами, сколько общими угрозами [7, с. 28]. Радиоактивные осадки, финансовые кризисы, террористические сети, климатические изменения не признают государственных границ [2, с. 45]. Бек показывает, как глобальные риски трансформируют саму структуру социальной и политической ответственности. В условиях, когда последствия решений выходят далеко за пределы национальной юрисдикции, традиционные механизмы политической ответственности (выборы, парламентский контроль, судебная система) оказываются неадекватными [7, с. 156]. Транснациональные корпорации, принимающие решения, влияющие на жизнь миллионов людей в разных странах, фактически не несут политической ответственности ни перед одним из затронутых сообществ [2, с. 156]. Ответом на эту ситуацию, по мысли Бека, должно стать формирование «космополитической реальполитики» – политики, признающей взаимозависимость всех участников глобальных процессов и вырабатывающей новые механизмы коллективной ответственности [7, с. 201]. Бек не разделяет наивного оптимизма относительно автоматического прогресса глобального сознания, но указывает на диалектику риска: угроза уничтожения может породить новые формы солидарности и совместного действия [7, с. 289].

Особую роль в концепции Бека играет понятие «организованной безответственности» – ситуации, когда в сложных технологических и бюрократических системах невозможно установить конкретного виновника катастрофы, и ответственность «растворяется» между множеством участников [2, с. 78]. Чернобыль, финансовый кризис 2008 года, пандемия COVID-19 демонстрируют этот феномен: все виноваты, а значит, не виноват никто [3, с. 134].

Концепция Бека сохраняет актуальность для анализа новых глобальных вызовов, включая климатический кризис и цифровое неравенство, поскольку предлагает инструменты для понимания того, как риски трансформируют социальную структуру и создают новые формы зависимости [2, с. 18].

Если Йонас и Бек сосредоточены на коллективных и институциональных аспектах ответственности, то австралийский философ Питер Сингер предлагает радикальное переосмысление индивидуальной моральной ответственности в глобальном мире. Его знаменитое эссе «Голод, благосостояние и мораль» начинается с провокационного тезиса: благотворительность – это не акт великодушия, а моральная обязанность [12, с. 231].

В основе рассуждений Сингера лежит нормативный принцип, который на первый взгляд кажется бесспорным: если человек способен предотвратить серьезное зло, не принося в жертву ничего сравнимого по моральной цене, то бездействие следует считать аморальным [12, с. 234]. Для наглядности философ прибегает к мысленному эксперименту с тонущим в мелком пруду ребенком. Любой прохожий, способный его спасти ценой испорченной одежды, обязан это сделать. А аргументы вроде удаленности ребенка или наличия других потенциальных спасателей не снимают с индивида моральной ответственности за бездействие [13, с. 45].

Сингер последовательно применяет этот принцип к глобальной бедности. Если житель развитой страны может пожертвовать сумму, сопоставимую со стоимостью пары обуви, в пользу голодающего ребенка на другом континенте, и это спасет жизнь, то такое жертвование становится не актом благотворительности, а моральным обязательством [13, с. 89]. Сингер подчеркивает, что географическая удаленность не является морально релевантным фактором: страдания ребенка в Африке не менее значимы, чем страдания ребенка по соседству, а наша возможность оказать помощь сопоставима [12, с. 239].

Из принципов Сингера следуют провокационные заключения: повседневное потребление жителей развитых стран, включающее траты на необязательные вещи, предстает морально проблематичным, поскольку эти же ресурсы могли бы сохранить чью-то жизнь [11, с. 156]. Такая радикальная позиция не раз подвергалась критике: оппоненты указывают на нереалистичность требований, на игнорирование особых обязательств перед близкими, на сведение морали к калькуляции последствий [10, с. 848]. Однако нельзя отрицать, что Сингер обнажил фундаментальное противоречие нашей моральной интуиции: мы не проходим мимо тонущего ребенка, но спокойно проходим мимо глобальной нищеты [4, с. 16].

Значение концепции Сингера для современной этической теории представляется фундаментальным. Именно он задал новые параметры дискуссии о глобальной ответственности, в рамках которой географическая удаленность более не может рассматриваться как легитимное основание для бездействия [12, с. 235].

Рассмотренные концепции, при всех различиях, демонстрируют общий вектор развития философского понимания ответственности. Традиционная «этика ближнего» должна быть дополнена, а в некоторых аспектах и замещена «этикой дальнего» [1, с. 8], [12, с. 240]. Этот переход предполагает трансформацию по нескольким измерениям:

– пространственное измерение: ответственность более не ограничивается сообществом непосредственного взаимодействия, но распространяется на всех, кто испытывает последствия наших действий, независимо от географического удаления [2, с. 198];

– временное измерение: горизонт ответственности расширяется на будущие поколения. Как подчеркивает Йонас, ставкой становится само существование человечества, и эта ставка накладывает ограничения на наши сегодняшние решения [9, с. 203];

– субъектное измерение: субъектом ответственности выступают не только индивиды, но и коллективные акторы – корпорации, государства, международные организации [7, с. 201]. При этом сам механизм приписывания и распределения ответственности требует переосмысления;

– объектное измерение: объектом ответственности становятся не только другие люди, но и природа как условие человеческого существования, а также будущие поколения, которые не могут предъявить нам претензий [13, с. 56].

Современные исследователи предлагают различные модели интеграции этих измерений. Так, немецкий философ Дитер Бирнбахер развивает концепцию «сетевой ответственности», согласно которой в глобальном мире каждый субъект глобального мира включен в сложные сети взаимозависимостей, и ответственность должна пониматься не как линейная связь виновника и жертвы, а как системное свойство этих сетей [8, с. 203].

Переход к «этике дальнего» сталкивается с серьезными препятствиями. Психологически человеку трудно мотивироваться абстрактными страданиями далеких людей или гипотетическими страданиями будущих поколений [4, с. 18]. Институционально отсутствуют механизмы, которые могли бы обеспечить реализацию глобальной ответственности. Политически любая попытка ограничить суверенитет национальных государств или свободу рынков наталкивается на сопротивление [7, с. 245].

Однако, как показывает Бек, глобальные риски сами создают давление в сторону формирования новых форм ответственности. Климатический кризис, пандемии, финансовые коллапсы демонстрируют взаимозависимость мира более убедительно, чем любые философские аргументы [7, с. 289]. Возможно, именно катастрофический потенциал глобальных рисков станет тем механизмом, который заставит человечество выработать действенные формы коллективной ответственности [3, с. 78].

Глобальные вызовы современности – от климатических изменений до цифрового неравенства – делают классическую этику ближнего недостаточной. Анализ концепций Ханса Йонаса (онтологическое обоснование ответственности перед будущим), Ульриха Бека (общество риска и космополитическая солидарность) и Питера Сингера (индивидуальная ответственность за глобальную бедность) демонстрирует необходимость переосмысления традиционных этических моделей. Обосновывается вывод о становлении «этики дальнего», расширяющей горизонт ответственности на будущие поколения и природу, а также обозначается задача философии по поиску практических механизмов реализации глобальной ответственности.

Список литературы

1. Апресян, Р. Г. Другой. Ближний и Дальний / Р. Г. Апресян // Другой. Ближний и Дальний: материалы международной заочной этико-политологической конференции, 15 октября 2017 г. / отв. ред. Р. Г. Апресян.

- Ереван: Издательство Ереванского государственного университета, 2017. – 200 с.
2. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну: [пер. с нем.] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 381 с.
3. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
4. Гусейнов, А. А. Ответственность как фундаментальная категория этики / А. А. Гусейнов // *Этическая мысль*. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 5–18.
5. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма / Ш. Зубофф; [пер. с англ.]. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. – 784 с.
6. Философия ответственности : коллективная монография / под ред. Е. Н. Лисанюк, В. Ю. Петрова. – СПб.: Наука, 2014. – 253 с.
7. Beck, U. Weltrisikogesellschaft: Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit / U. Beck. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2007. – 300 p.
8. Birnbacher, D. Verantwortung für zukünftige Generationen / D. Birnbacher. – Stuttgart: Reclam, 2003. – 240 S.
9. Jonas, H. Das Prinzip Verantwortung: Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation / H. Jonas. – 1. Aufl. – Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1979. – 423 S.
10. Arthur, J. World hunger and moral obligation: the case against Singer / J. Arthur // *Vice & virtue in everyday life: introductory readings in ethics*. – 3rd ed. – Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich College Publishers, 1993. – P. 845–852.
11. Pogge, T. World Poverty and Human Rights / T. Pogge. – 2nd ed. – Cambridge: Polity Press, 2008. – 304 p.
12. Singer, P. Famine, Affluence, and Morality / P. Singer // *Philosophy and Public Affairs*. – 1972. – Vol. 1, № 3. – P. 229–243.
13. Singer, P. Practical Ethics / P. Singer. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 395 p.

© Лейбенко А.О.

**ФОРМИРОВАНИЕ ДОВЕРИЯ К РОССИЙСКИМ
ИТ-ПРОДУКТАМ В КОРПОРАТИВНОМ СЕГМЕНТЕ B2B
В УСЛОВИЯХ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ**

Макаримов Тимур Ильгизович

магистрант

Научный руководитель: **Сулейманова Римма Рифхатовна**

кандидат философских наук, доцент

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Аннотация: в условиях форсированного импортозамещения в IT-сфере ключевым барьером становится не качество программного обеспечения, а глубинное недоверие корпоративных заказчиков, имеющее репутационную и когнитивную природу. Статья рассматривает проблему формирования доверия к отечественным IT-продуктам через призму связей с общественностью и рекламных коммуникаций. Анализируются стереотипы восприятия российских вендоров, репутационные риски лиц, принимающих решения (ЛПР), и дефицит позитивных публичных кейсов. Исследование предлагает комплекс коммуникационных стратегий: от управления репутацией через прозрачность и экспертизу до создания экосистем доверия с использованием инструментов PR и специализированных B2B-коммуникаций. Актуальность работы обусловлена необходимостью формирования устойчивого позитивного имиджа отечественной IT-индустрии как основы технологического суверенитета России.

Ключевые слова: связи с общественностью, корпоративные коммуникации, доверие к IT-продуктам, импортозамещение, репутационный менеджмент, B2B-маркетинг, российское ПО, технологический суверенитет.

**BUILDING TRUST IN RUSSIAN IT PRODUCTS
IN THE CORPORATE B2B SEGMENT IN THE CONTEXT
OF IMPORT SUBSTITUTION**

Makarimov Timur Ilgizovich

Scientific supervisor: **Suleimanova Rimma Rifkhatovna**

Abstract: in the context of accelerated import substitution in the IT sector, the key barrier is not software quality, but a deep-seated mistrust of corporate customers, which has a reputational and cognitive nature. This article examines the problem of building trust in domestic IT products through the prism of public relations and advertising communications. It analyzes stereotypes about Russian vendors, the reputational risks faced by decision makers, and the lack of positive public cases. The study proposes a range of communication strategies: from reputation management through transparency and expertise to creating ecosystems of trust using PR tools and specialized B2B communications. The relevance of this work stems from the need to foster a sustainable positive image of the domestic IT industry as the foundation of Russia's technological sovereignty.

Key words: public relations, corporate communications, trust in IT products, import substitution, reputation management, B2B marketing, Russian software, technological sovereignty.

В условиях цифровой прозрачности и быстрого распространения информации репутационный (информационный) вакуум воспринимается как вызов для коммуникационных стратегий. Информационное поле вокруг компаний заполняется противоречивыми сообщениями, не инициированными ими, и вредит репутации, что приводит к потере доверия со стороны аудитории, затруднению позиционирования и угрозе репутационных кризисов.

Уход крупнейших иностранных вендоров Microsoft, Oracle, SAP, IBM из российской юрисдикции в 2022–2025 годах создал не только технологический, но и репутационный вакуум. Десятилетиями формировавшаяся лояльность к западным брендам базировалась не только на функциональности продуктов, но и на мощной коммуникационной поддержке, выстроенных репутационных стратегиях и доверии к «глобальному имени». По данным Минцифры России, к началу 2024 года потребность в замещении иностранного программного обеспечения охватывала более 80% крупных коммерческих организаций и практически 100% государственных структур [1, с 4]. Однако скорость перехода на отечественные альтернативы существенно отстает от плановых показателей [2, с 158].

Специфика B2B-сектора в сфере IT заключается в том, что продукт здесь неразрывно связан с репутацией вендора. Лица, принимающие решения (IT-директора, финансовые директора, собственники бизнеса), демонстрируют

«парадокс восприятия»: при формальной готовности к импортозамещению более 60% руководителей выражают сомнения в надежности российских решений, связывая их с высокими репутационными рисками [3, с 275].

С точки зрения PR, ситуация характеризуется системным кризисом доверия, который имеет следующие проявления: во-первых, инерционность восприятия: устойчивый стереотип «российское ПО – это копия западного, но хуже», укорененный в корпоративной культуре 1990-2000-х годов [4, с 6]; во-вторых, дефицит публичных «историй успеха»: отсутствие масштабных, широко тиражируемых в деловой среде кейсов успешной миграции на российские продукты; в-третьих, персонализация ответственности: высокие репутационные риски для ЛПР («никого не уволят за выбор IBM»), что создает психологический барьер, который невозможно преодолеть без целенаправленных коммуникационных усилий.

В отраслях критической инфраструктуры (банки, промышленность, энергетика) цена репутационной ошибки максимальна. Следовательно, задача формирования доверия переходит из технической плоскости в плоскость управления восприятием, где ключевыми инструментами становятся реклама, связи с общественностью и внутрикорпоративные коммуникации. Качественные внутренние коммуникации важны для ускорения принятия решений и выполнения задач. Такой вид коммуникации возможен только тогда, когда «взаимодействующие системы: а) обладают некоторой соразмерностью, т.е. взаимосвязанностью уровней своего развития; б) различаются степенью упорядоченности своих структур, т.е. обладают разностью своих информационных потенциалов» [5, с 74].

Рассмотрим далее анатомию недоверия: коммуникационные разрывы в B2B-среде. Недоверие к российским IT-продуктам имеет структуру, которая напрямую коррелирует с недостаточной или неэффективной коммуникацией. Выделим три ключевых «коммуникационных разрыва», которые должен устранить специалист по связям с общественностью.

1. Когнитивный разрыв: стереотипы и отсутствие контрнарративов.

Однако более глубокая проблема кроется в природе самого недоверия. Согласно данным опроса, проведенного разработчиком инфраструктурного ПО Orion soft в 2025 году, 60% IT-директоров назвали проблемы с бесшовной миграцией и внедрением российских решений в существующую инфраструктуру своей главной «болью». Более половины (53%) респондентов указали на необходимость кардинальной переработки всей IT-архитектуры предприятия при переходе на новый софт [6].

Таким образом, недоверие к российским IT-продуктам во многом обусловлено высокими операционными рисками и репутационными издержками для лица, принимающего решения (ЛПР). Специалисту по связям с общественностью в данном случае необходимо не просто продвигать продукт, а разрабатывать коммуникационные стратегии, направленные на снижение воспринимаемых рисков через прозрачную демонстрацию опыта успешной миграции и совместимости с legacy-системами. Традиционная реклама («покупайте отечественное») здесь неэффективна. Необходим переход к нарративам, построенным на рациональных аргументах: архитектурной независимости, соответствии требованиям кибербезопасности и технологической преемственности, а главное – на публичной демонстрации успешных кейсов миграции без остановки бизнес-процессов.

2. Репутационный разрыв: риск ЛПР vs. ответственность вендора.

В B2B-коммуникациях ключевая аудитория – не массовый потребитель, а узкая группа ЛПР, чья карьера зависит от успешности IT-проектов. Западные компании десятилетиями выстраивали систему «страховки репутации»: глобальный бренд выступал гарантом. Российские производители, обладая технически сопоставимым продуктом, часто не предлагают коммуникационного эквивалента такой гарантии.

Как отмечает исследователь Ю.А. Косинов, отсутствие публичных, детализированных и верифицируемых данных о долгосрочной стабильности работы российских систем создает «информационный вакуум», который ЛПР склонны интерпретировать как риск [7, с 201]. Задача PR – трансформировать этот вакуум в поле открытой экспертизы, где риски просчитаны и прозрачны. В корпоративной среде существует негласное правило: «Никого не уволят за выбор IBM». Выбор российского вендора такой «страховки» не дает, что создает дополнительный психологический барьер для принятия решения о внедрении отечественного ПО.

3. Экосистемный разрыв: фрагментация коммуникаций.

Крупный бизнес не покупает «софт», он покупает экосистему: поддержку, интеграцию, обучение, развитие. Западные корпорации создавали сложные многоуровневые коммуникационные экосистемы (партнерские программы, сертификации, сообщества). Российский IT-рынок долгое время был фрагментирован в коммуникационном плане. Отсутствие единого информационного поля, где вендоры, интеграторы и заказчики обмениваются опытом, усиливает недоверие. Формирование доверия невозможно без создания устойчивых каналов обратной связи и диалоговых площадок.

Дополнительный фактор – недостаточная прозрачность российского IT-рынка. В отличие от западных компаний с длительной публичной историей, детализированной финансовой отчетностью и независимыми рейтингами, многие российские разработчики не предоставляют достаточной информации для проведения due diligence. Это особенно критично для государственных компаний и организаций с участием иностранного капитала, где процедуры выбора поставщиков строго регламентированы [8, с 1515].

Стратегии связей с общественностью могут помочь построить доверие к отечественному ПО через формирование положительного имиджа компании, продукта или личности. PR здесь выступает как стратегическая коммуникационная деятельность, направленная на формирование и поддержание положительного имиджа, создание прочных, доверительных отношений с аудиторией.

Преодоление обозначенных разрывов требует перехода от тактической рекламы к стратегическому управлению репутацией. Специалист в области рекламы и связей с общественностью выступает архитектором доверия, используя комплекс следующих стратегий. Рассмотрим их.

1. Стратегия «Открытость как актив»: формирование репутации через прозрачность.

В условиях дефицита доверия информационная закрытость вендора становится фатальной. Коммуникационная стратегия должна базироваться на принципе максимальной прозрачности, которая превращается в ключевое конкурентное преимущество. Успешные практики включают следующие компоненты:

– публичная экспертиза: организация независимых аудитов кода с публикацией результатов (пример «Kaspersky») выступает не как техническое, а репутационное действие, демонстрирующее открытость;

– антикризисный PR «на опережение»: создание и публичное распространение детализированных роудмэпов развития продуктов, открытое обсуждение ограничений и способов их преодоления, что помогает команде понимать, куда движется проект, достигать согласованности на каждом этапе и грамотно распределять ресурсы; честность в коммуникации формирует больше доверия, чем маркетинговые обещания [3, с 275];

– PR-поддержка клиентских историй: систематическая работа по сбору, документированию и публикации кейсов внедрения с конкретными метриками эффективности (сравнение производительности, экономия ресурсов,

сроки окупаемости), что создает социальное доказательство (social proof), критически важное для консервативных ЛПР.

2. Стратегия «Репутационная защита ЛПР»: работа с лицами, принимающими решения.

Ключевая задача B2B-коммуникаций – снизить субъективные риски для конкретного руководителя, принимающего решение о переходе на российский продукт. Для этого используются инструменты:

- лидерство мнений (Thought Leadership): формирование пула «амбассадоров» среди первых лиц крупных компаний, успешно прошедших миграцию, чьи публичные выступления на отраслевых конференциях и в деловых СМИ служат мощным сигналом для рынка;

- создание сообществ практиков (Community Management): организация закрытых клубов IT-директоров, где происходит неформальный обмен опытом внедрения российского ПО, что позволяет снять страх «первопроходца» и перевести дискуссию из плоскости рисков в плоскость практических решений;

- программы «peer-to-peer» коммуникации: организация встреч потенциальных заказчиков с действующими, где последние выступают не в роли подконтрольных вендору референций, а как независимые эксперты.

3. Стратегия «Экосистемный PR»: формирование партнерских коммуникаций.

Одиночный вендор не может обеспечить масштаб доверия. Необходимо формирование коммуникационной экосистемы, включающей вендоров, интеграторов, системных архитекторов и образовательные учреждения. Выделим эффективные инструменты:

- совместные PR-кампании: координация коммуникаций между производителем ПО и партнерами-интеграторами для демонстрации единого высокого уровня сервиса по всей стране;

- образовательные проекты как PR-инструмент: создание центров компетенций на базе ведущих вузов с публичным признанием их статуса, что позволяет не только готовить кадры, но и сформировать долгосрочную репутацию вендора как институционального игрока;

- формирование отраслевых стандартов: участие в создании и продвижении отраслевых стандартов и рейтингов надежности российского ПО через профильные ассоциации (АРПП «Отечественный софт» и др.), что повышает легитимность решений в глазах государственных и корпоративных заказчиков.

Платформа «1С» демонстрирует высокую эффективность экосистемного подхода: тысячи франчайзи и партнеров по всей России обеспечивают доступность внедрения и поддержки даже в малых городах, что стало ключевым фактором доминирования на рынке корпоративных информационных систем для среднего бизнеса.

4. Стратегия «Адаптация рекламных инструментов для B2B-сектора».

Реклама в B2B-сегменте IT приобретает специфические формы, отличные от массового маркетинга. Эффективными каналами становятся:

– специализированные деловые медиа: размещение не имиджевых, а экспертных материалов в изданиях типа «СNews», «ComNews», «Банковское обозрение», ориентированных на узкий круг ЛПР;

– событийный маркетинг: проведение не общих выставок, а узкотематических конференций с публичными защитами технических заданий, хакатонов по миграции данных, где потенциальные заказчики могут «вживую» оценить продукт;

– digital-коммуникации: использование профессиональных социальных сетей и специализированных Telegram-каналов для распространения экспертного контента, а не прямой рекламы.

5. Стратегия «Государственная политика как катализатор коммуникаций доверия».

Государственная политика должна выйти за рамки формальных требований об использовании отечественного ПО. Необходима системная поддержка, включающая создание независимых центров тестирования и сертификации российского ПО с публикацией детальных результатов испытаний, формирование открытого реестра успешных кейсов внедрения, субсидирование пилотных проектов и развитие системы страхования рисков при переходе на отечественное ПО.

Позитивный пример – программа Минпромторга по субсидированию затрат на внедрение российского ПО в промышленности, запущенная в 2023 году. Компенсация до 50% затрат на приобретение лицензий и интеграцию существенно снизила финансовые риски для предприятий и стимулировала более 200 проектов импортозамещения в обрабатывающей промышленности [1, с 8].

Таким образом, формирование доверия к российским IT-продуктам в корпоративном сегменте представляет собой задачу, лежащую на стыке технологического менеджмента и коммуникационных стратегий. Успешное импортозамещение в сфере информационных технологий сегодня зависит не

только от функциональности программного обеспечения, но и от способности российских вендоров выстроить эффективную систему управления репутацией, преодолеть укоренившиеся стереотипы и минимизировать репутационные риски для лиц, принимающих решения.

Как показывает анализ, классические инструменты рекламы («продвижение продукта») уступают место комплексным PR-стратегиям, направленным на создание прозрачной экосистемы, развитие сообществ и публичную демонстрацию успешных кейсов. Государственная политика, в свою очередь, должна поддерживать не только разработку, но и информационное сопровождение процессов внедрения, субсидируя создание открытых реестров успешных внедрений и независимых центров компетенций.

Успешные примеры внедрения российских решений в крупнейших корпорациях и государственных структурах демонстрируют, что при правильном коммуникационном сопровождении отечественные продукты способны обеспечивать требуемый уровень функциональности и надежности. Однако масштабирование этого опыта требует времени, последовательных усилий и готовности всех участников рынка: государства, разработчиков, интеграторов и заказчиков к конструктивному информационному взаимодействию.

Практическая значимость исследования заключается в выявлении специфических коммуникационных барьеров в высокотехнологичном B2B-секторе и формировании адаптированных стратегий их преодоления. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методик оценки эффективности PR-стратегий в процессе импортозамещения и анализ трансформации коммуникационных моделей российских IT-компаний в условиях достижения технологического суверенитета.

Список литературы

1. Верещагин И. Ю. Современные угрозы и риски информационной безопасности корпоративных систем в условиях импортозамещения // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16 – № 4. – С. 1–12.
2. Токарев М. Н. Импортозамещение программного обеспечения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук – 2023. – № 6-1 (81). – С. 156–162.

3. Лазутина А. Л., Мартынов И. С. Импортозамещение в российской промышленности: вызовы и возможности // ЕГИ. – 2025. – № 3 (59). – С. 274–276.
4. Сергеева А. В. Особенности и барьеры импортозамещения в электронной промышленности и IT-технологиях России // Human Progress. – 2024. – Т. 10, вып. 10. – С. 6.
5. Сулейманова Р. Р. Социодинамика коммуникативных процессов в современном обществе: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Уфа, 2005. – 130 с.
6. IT-директора считают сложности миграции главной «болью» российского ПО: опрос Orion soft / РБК Компании. – 2025. – 27 мая. – URL: <https://companies.rbc.ru/news/KfT5Qgwa16/it-direktora-schitayut-slozhnosti-migratsii-glavnoj-bolyu-rossijskogo-po/> (дата обращения: 03.04.2026).
7. Косинов Ю. А. Импортозамещение в сфере защищённого удалённого доступа: проблемы доверия и криптографии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – С. 199–203.
8. Урюпина В. С. Барьеры механизмов импортозамещения, связанные с использованием зарубежных объектов интеллектуальной собственности, и пути их преодоления // Экономика и социум. – 2024. – № 6-1(121). – С. 1511–1523.

© Макаримов Т.И., 2026

**СЕКЦИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА
У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**

Забродина Любовь Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии

Алемпьева Дарья Сергеевна

студент 2 курса магистратуры факультета
психологии и специального образования
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования эмоционального интеллекта у младших школьников в условиях образовательной организации. Теоретическое обоснование опирается на современные концепции эмоционального интеллекта, выделяющие такие компоненты, как осознание и понимание собственных эмоций; распознавание эмоционального состояния других людей; регуляция своих эмоций и способность адекватно реагировать на чувства окружающих.

Эмпирическое исследование, проведенное и описанное в статье, определило учащихся, которые испытывают трудности в осознании собственного эмоционального состояния, в понимании эмоций других, в саморегуляции своих эмоций. На основании анализа теоретических положений и эмпирических результатов представлен проект программы коррекционно-развивающих групповых занятий, направленных на развитие компонентов эмоционального интеллекта у младших школьников.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный интеллект, эмоциональное состояние, младший школьный возраст, эмоциональная осознанность, эмпатия, саморегуляция, психолого-педагогические условия, коррекционно-развивающая программа.

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS
FOR THE DEVELOPMENT OF EMOTIONAL INTELLIGENCE
IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN**

Zabrodina Lyubov Aleksandrovna
Alempeva Daria Sergeevna

Abstract: the article examines the problem of developing emotional intelligence in primary school children within an educational setting. The theoretical framework is based on contemporary concepts of emotional intelligence, highlighting such components as awareness and understanding of one's own emotions; recognition of the emotional states of others; regulation of one's emotions and the ability to respond appropriately to the feelings of others.

The empirical study conducted and described in the article identified students who experience difficulties in recognizing their own emotional states, understanding the emotions of others, and regulating their own emotions. Based on the analysis of theoretical foundations and empirical results, the article presents a project of a corrective and developmental group program aimed at fostering the components of emotional intelligence in primary school children.

Key words: emotions, emotional intelligence, emotional state, primary school age, emotional awareness, empathy, self-regulation, psychological and pedagogical conditions, corrective and developmental program.

Эмоциональный интеллект описывается в психолого-педагогической литературе как важнейшая компетенция, определяющая способность ребёнка к успешной социализации, адаптации и выстраиванию конструктивных межличностных отношений.

Современные условия детства представляют собой активную цифровизацию, уменьшение количества живой коммуникации и увеличение учебной нагрузки, что в свою очередь усложняет нормальное развитие эмоциональной сферы и делает актуальной задачу целенаправленной психолого-педагогической поддержки в формировании эмоционального интеллекта, а также в становлении полноценного эмоционального взаимодействия со сверстниками и взрослыми.

В младшем школьном возрасте происходит активное становление эмоциональной осознанности, развития произвольности, навыков саморегуляции, поэтому этот возраст рассматривается как сензитивный период для формирования эмоционального интеллекта.

Цель настоящего исследования состоит в определении психолого-педагогических условий, способствующих формированию эмоционального интеллекта у младших школьников, а также в разработке проекта

коррекционно-развивающей программы, направленной на развитие эмоционального интеллекта на основе полученных эмпирических данных.

Теоретические положения эмоционального интеллекта объединяют подходы, выделяющие несколько ключевых компонентов. Так, в работах П. Сэловея и Дж. Майера эмоциональный интеллект рассматривается как способность к осознанию и пониманию собственных эмоций, а также распознаванию эмоциональных состояний других людей [5, с. 12]. В модели Д. Гоулмана представлены такие основные компоненты эмоционального интеллекта, как саморегуляция, эмпатия, социальные навыки и внутренняя мотивация [2, с. 68-72].

Отечественные исследователи Е.П. Ильин и М.А. Жукова характеризуют эмоциональный интеллект как совокупность навыков, позволяющих ребёнку осознанно воспринимать, выражать и регулировать эмоции [3, с. 3; 4, с. 240].

Развитие эмоционального интеллекта в младшем школьном возрасте сопряжено с рядом трудностей, обусловленных возрастной незрелостью развития эмоциональной сферы: у детей наблюдаются противоречивость чувств и эмоций; недостаточно сформированная способность к осознанию и обобщению эмоционального опыта; ограниченный эмоциональный словарь; сложности в распознавании эмоций других, что снижает уровень развития эмпатии; недостаточно развитая саморегуляция эмоциональной сферы. В условиях различных социальных ситуаций это приводит к проблемам во взаимодействии и в общении, повышенной межличностной конфликтности, возникновению негативных эмоциональных состояний (тревожности, фрустрации, агрессии).

Несмотря на то, что младший школьный возраст (6–10 лет) является сензитивным периодом для формирования когнитивного, перцептивного и регулятивного компонентов эмоциональной сферы, в практике образовательных организаций ее развитию уделяется недостаточное внимание. В связи с этим особую значимость приобретает целенаправленная психолого-педагогическая помощь по развитию эмоционального интеллекта у младших школьников, включающая создание определенных психолого-педагогических условий.

Одним из важнейших условий развития эмоционального интеллекта И.А. Баева выделяет организацию безопасной, эмоционально комфортной и поддерживающей среды в образовательном учреждении, предполагающей атмосферу доверия, принятия и уважения к индивидуальности каждого

ученика, что способствует развитию осознанности, принятию собственных переживаний и формированию регулятивного компонента. Также, по мнению И.А. Басовой не менее важным условием является сотрудничество школы и семьи, именно совместная деятельность этих двух социальных институтов, обсуждение эмоционального опыта в повседневной жизни, обеспечивают устойчивое формирование эмоциональной компетентности [1, с. 49, 223].

Наряду с вышеперечисленным Е. Сергиенко, Е. Хлевная и Т. Киселёва подчеркивают важную роль моделирования конструктивных способов выражения эмоций, обучения приёмам саморегуляции и необходимость включения в образовательный процесс рефлексивных элементов [6, с. 84].

С.М. Шингаев, Е.В. Юркова и А.В. Бунакова рассматривают психолого-педагогическое сопровождение как системообразующий фактор формирования эмоционального интеллекта, в котором педагог выступает в качестве наставника и эмоционального ориентира. Особое значение они придают деятельности психолога и использованию им психологических средств, направленных на реализацию коррекционно-развивающих программ с использованием разнообразных методов активного обучения (игровые, арт-терапевтические, тренинговые, коммуникативные) [7, с. 16].

Анализ современной практики различных психолого-педагогических программ, реализуемых в условиях образовательной организации, направленных на развитие эмоционального интеллекта у младших школьников, показывает, что наибольшей эффективностью обладают программы, основанные на групповой форме работы с детьми и предполагающие систематическую, поэтапную организацию занятий, ориентированных на формирование эмоциональной компетентности, навыков саморегуляции и конструктивного социального взаимодействия.

В связи с этим разработка собственного проекта коррекционно-развивающей программы предполагает предварительное проведение психодиагностического исследования с целью выявления уровня сформированности компонентов эмоционального интеллекта у младших школьников, что позволит в дальнейшем обеспечить адресный и результативный характер последующей работы с учащимися.

Эмпирическое исследование проводилось на базе одной из общеобразовательных школ г.о. Самары. В исследовании приняли участие 56 учащихся четвёртых классов 9-10 лет.

Для объективной диагностики особенностей развития эмоциональной сферы младших школьников использовались две диагностические методики.

Методика «Что-почему-как» Т.Х. Нгуен позволила нам оценить общий уровень развития эмоционального интеллекта у младших школьников: способности распознавать эмоции, объяснять их причины и предлагать способы регуляции эмоционального состояния. Методика «Дифференциальные шкалы выражения эмоций» К. Изарда использовалась с целью выявления выраженности и преобладания базовых эмоций у детей, включая радость, интерес, страх, печаль, стыд, гнев, отвращение и презрение.

Сопоставление результатов данных диагностических методик позволило комплексно описать особенности эмоционального развития детей, участвующих в исследовании и выделить целевые направления для дальнейшей коррекционно-развивающей работы по развитию эмоционального интеллекта.

Результаты, определения общего уровня развития эмоционального интеллекта у младших школьников, с помощью диагностической методики «Что-почему-как» Т.Х. Нгуен представлено на рис. 1.

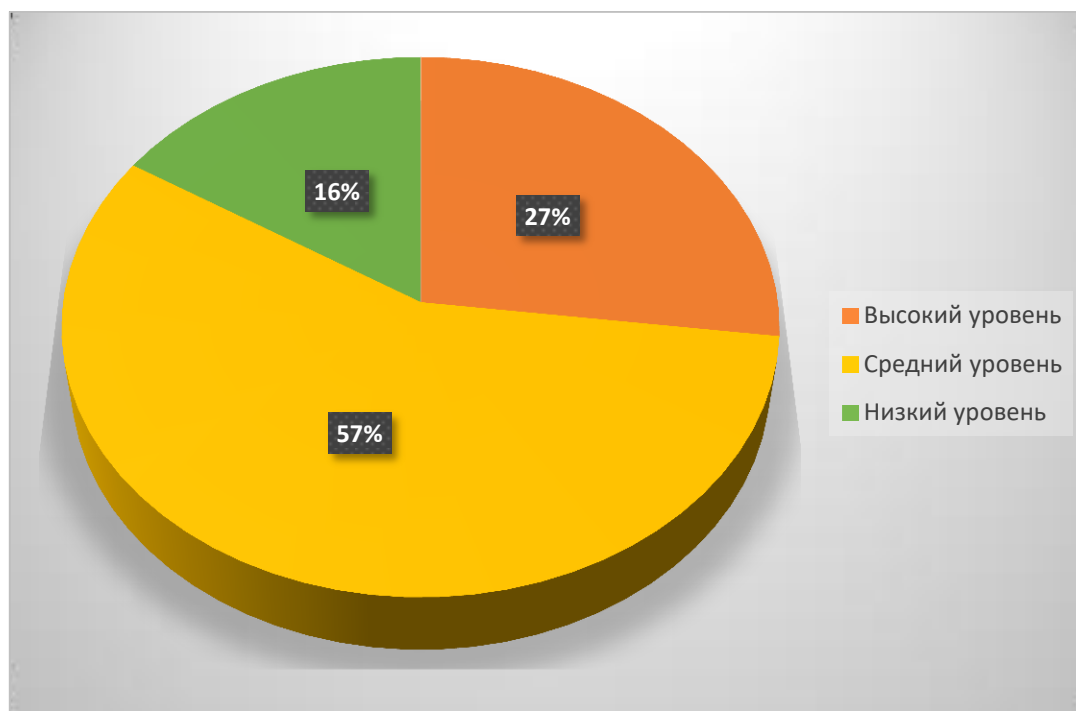

Рис. 1. Результаты определения общего уровня развития эмоционального интеллекта у младших школьников с помощью диагностической методики «Что-почему-как» Т.Х. Нгуен

Результаты, представленные на рис. 1 свидетельствуют о том, что у большинства обследованных учеников 57% (32 ребёнка) наблюдается средний уровень развития эмоционального интеллекта. Ответы детей этой группы

свидетельствовали о способности распознавать эмоциональные состояния персонажей, однако часто содержали формальные объяснения причин проявлений тех или иных эмоций и стандартные способы их регуляции. Это позволяет сделать вывод о том, что уровень развития эмоционального мышления сформирован у данных детей частично, и существует необходимость целенаправленного развития у них навыков анализа эмоциональных состояний и расширения эмоционального словаря.

Высокий уровень развития эмоционального интеллекта был выявлен у 27% учащихся (15 детей). Дети этой группы демонстрировали уверенное распознавание эмоциональных состояний, точное объяснение причин переживаний и предлагали способы регуляции, соответствующие ситуации. В их ответах проявлялась способность поставить себя на место другого, а также наблюдалась выраженная эмоциональная устойчивость.

Низкий уровень эмоционального интеллекта отмечен у 16% учеников (9 детей). Эти дети испытывали трудности при распознавании эмоций, часто не могли назвать причину эмоционального состояния или давали эмоционально неадекватные объяснения. Предложения детей по способам регуляции эмоций были недостаточно обоснованными или отсутствовали вовсе, что свидетельствует о дефиците вербального эмоционального опыта, низком уровне внутренней речи или недостаточном эмоциональном взаимодействии в семье.

Анализ содержательных ответов учеников демонстрирует, что наибольшие трудности в анализе и интерпретации эмоционально значимых ситуаций наблюдаются у детей с низким и средним уровнем развития эмоционального интеллекта. Таким детям сложно было выполнять задания, связанные с анализом ситуаций неуспеха, межличностного конфликта и взаимодействия со взрослыми. При этом детям было сложно определять собственную роль в ситуации взаимодействия, а также в построении развернутых причинно-следственных объяснений происходящего, что указывает на низкий уровень сформированности навыков эмоциональной рефлексии.

Результаты диагностики, представленные на рис. 2 показали, что у большинства детей преобладают позитивные эмоции: средний балл по шкале «радость» составил 12,4, при этом высокий уровень выраженности выявлен у 61% (34 учащихся), что указывает на общее эмоциональное благополучие.

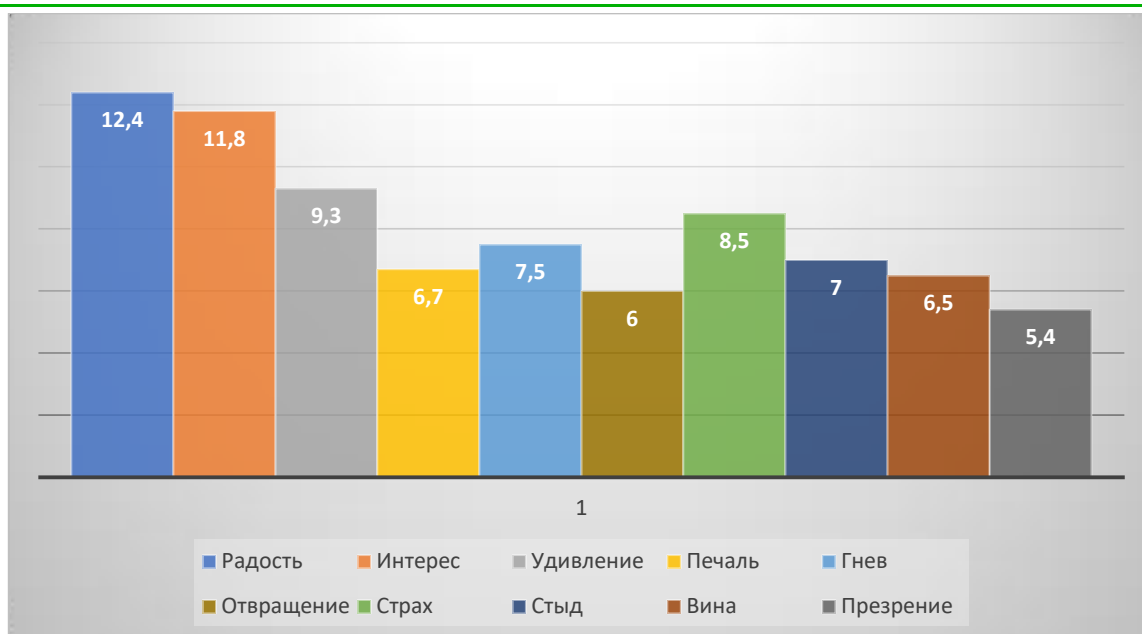

Рис. 2. Результаты определения уровня выраженности и преобладания базовых эмоций у младших школьников с помощью методики «Дифференциальные шкалы выражения эмоций» К. Изард

Средний балл по шкале «интерес» составил 11,8. Высокий уровень по данной шкале зафиксирован у 53% детей (30 учащихся), что демонстрирует активное когнитивно-эмоциональное включение учащихся в учебную деятельность.

По шкале «удивление» средний балл составил 9,3. При этом у 64% детей (36 учащихся) выявлен средний уровень выраженности, что соответствует возрастным особенностям эмоционального реагирования.

Вместе с тем у части респондентов наблюдаются значимые проявления отрицательных эмоций. По шкале «страх» средний балл составил 8,5. Высокий уровень выраженности по данной шкале отмечен у 25% учащихся (14 детей), что может свидетельствовать о наличии школьной тревожности младших школьников.

По шкале «печаль» средний балл составил 6,7. У 57% детей (32 учащихся) выявлен средний уровень, что может указывать на ситуативный характер переживания данной эмоции.

По шкале «стыд» определен средний балл 7,0. Средний уровень отмечен у 54 % младших школьников (30 учащихся), что отражает чувствительность к оценке со стороны окружающих.

По шкале «гнев» средний балл составил 7,5. Результаты младших школьников представлены на среднем уровне у 50% детей (28 учащихся), высокая выраженность по шкале выявлена у 18% детей (10 учащихся), что может свидетельствовать о склонности части детей к импульсивным реакциям.

По шкале «вина» средний балл - 6,5, результаты учащихся представлены на среднем уровне у 50% детей (28 учащихся), однако высокая выраженность данной эмоции отмечена у 11% детей (6 учащихся), что может свидетельствовать о склонности к импульсивным реакциям, конфликтности или переживанию чувства ответственности под влиянием внешних факторов.

В то же время по шкале «отвращение» средний балл составил 6,1. У 46 % младших школьников (26 учащихся) преобладает низкий уровень, что соответствует возрастной норме, а также свидетельствует о возможном проявлении эмоции в конкретных ситуациях.

По шкале «презрение» средний балл составляет 5,4. У 54% младших школьников (30 детей) выявлен низкий уровень, что соответствует возрастной норме и свидетельствует о ситуативном проявлении данной эмоции.

Таким образом, полученные результаты позволяют говорить о неоднородности эмоциональной сферы младших школьников. При общем преобладании позитивных эмоций и благоприятном эмоциональном фоне у значительной части детей сохраняются отдельные зоны эмоционального неблагополучия. Наибольшие затруднения связаны с проявлениями тревожности, чувствительности к оценке и недостаточной регуляцией эмоциональных реакций. Это свидетельствует о недостаточной сформированности отдельных компонентов эмоционального интеллекта, прежде всего регулятивного и рефлексивного, и указывает на необходимость их целенаправленного развития в условиях психолого-педагогического сопровождения.

На основании анализа теоретических подходов и полученных эмпирических результатов был разработан проект коррекционно-развивающей программы по формированию эмоционального интеллекта у младших школьников.

Данный проект рассчитан на три месяца и включает 12 занятий, продолжительностью 40 минут каждое, с периодичностью один раз в неделю. Проект программа имеет три логических блока: подготовительный, основной и заключительный.

Подготовительный блок включает 2 занятия и направлен на установление психологического контакта, формирование доверительной атмосферы и создание эмоционально безопасной среды.

Основной блок включает 8 занятий и нацелен на развитие ключевых компонентов эмоционального интеллекта. При этом занятия распределены по следующим направлениям:

3 занятия направлены на знакомство с базовыми эмоциями, расширение эмоционального словаря, развитие осознания, распознавание и вербализации собственных эмоций.

3 занятия нацелены на формирование навыков распознавания эмоций других: понимание мимики, жестов, интонации, развитие эмпатии в межличностном взаимодействии.

2 занятия направлены на развитие умений саморегуляции и управления собственным эмоциональным состоянием.

Заключительный блок включает 2 занятия и направлен на обобщение полученного опыта, закрепление сформированных навыков и развитие способности к рефлексии.

Методическое содержание групповых занятий с детьми включает разнообразные группы методов: игровые методы (игровые упражнения, ролевые и сюжетные игры), методы арт-терапии (сказкотерапия, рисуночная терапия, элементы музыкальной терапии), методы психогимнастики; методы развития эмоциональной рефлексии (обсуждение переживаний, анализ эмоциональных ситуаций); методы визуализации и анализа (просмотр и обсуждение мультфрагментов), релаксационные методы (дыхательные и мышечные упражнения), элементы информационно-коммуникационных технологий, направленные на повышение мотивации занятий.

Реализация проекта коррекционно-развивающей программы предполагает оснащение класса визуальными и сенсорными материалами, такими как: карточки эмоций, шкалы настроения, зеркало эмоций, регулярную диагностическую фиксацию динамики эмоциональных показателей и организацию рефлексивной обратной связи.

Ключевыми психолого-педагогическими принципами, заложенными в проект программы, являются: эмоциональная поддержка; безусловное принятие ребёнка; безопасная и благоприятная эмоциональная атмосфера; системность и последовательность коррекционно-развивающих мероприятий; групповая форма взаимодействия, способствующая наблюдению и репетиции

эмоционального поведения; активное включение родителей в процесс для усиления эффекта в бытовой и семейной среде.

Ожидаемые результаты реализации проекта коррекционно-развивающей программы включают повышение уровня эмоциональной осознанности и расширение эмоционального словаря, развитие умений распознавания и вербального выражения эмоций, развитие эмпатии и способности конструктивно урегулировать эмоциональные состояния, улучшение межличностных отношений в классе.

Таким образом, разработанный проект коррекционно-развивающей программы по развитию эмоционального интеллекта у младших школьников. предполагает положительные изменения в эмоциональном развитии детей при соблюдении рекомендованных организационных и методических положений и психолого-педагогических условий.

Перспективой дальнейших исследований может стать апробация разработанного проекта коррекционно-развивающей программы с последующим сравнительным анализом динамики эмоционального интеллекта у участников экспериментальной группы.

Список литературы

1. Безопасная образовательная среда: моделирование и развитие: учебное пособие под ред. И.А. Басовой, С.В. Тарасова. – СПб.: ЛОИРО, 2017. - 265 с.
2. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман; перевод с английского А. П. Исаевой. - М: Манн, Иванов и Фербер, 2025. – 560 с.
3. Жукова М. А. Азбука эмоционального интеллекта. – М.: Ломоносовская школа, 2019. – 32 с.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства: учебное пособие- 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Питер, 2019. – 784 с.
5. Сергиенко Е. А., Ветрова И. И. Русскоязычная адаптация теста Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT V2. 0): методическое пособие / Е.А. Сергиенко, И.И. Ветрова – М.: Смысл, 2017. – 140 с.

6. Сергиенко, Е. А. Эмоциональный интеллект ребенка и здравый смысл его родителей / Е. А. Сергиенко, А. С. Хлевная, Т. С. Киселева. – М.: Малыш, 2021. – 256 с.

7. Формирование и развитие эмоционального интеллекта в образовательном процессе: учеб.-метод. пособие / С. М. Шингаев, Е. В. Юркова, А. В. Бунакова, С. А. Каликина; под общ. ред. С. М. Шингаева. - СПб. : СПб АППО, 2022. – 174 с.

© Забродина Л.А., Алемпьева Д.С.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗНЫХ СТИЛЕЙ МЫШЛЕНИЯ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ АКТИВНОСТЬЮ У СТУДЕНТОВ

Гусева Мария Евгеньевна

к.м.н., доцент

ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский
медицинский университет имени Н.И. Пирогова»

Тумасян Полина Александровна

студент

ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Аннотация: в статье рассматривается проблема взаимосвязи между уровнем интеллектуальной активности и доминирующими стилями мышления в студенческой среде. Анализируются теоретические подходы к феномену интеллектуальной инициативы, а также когнитивные характеристики различных стилей переработки информации. Приводятся данные о том, как предпочтение определенных интеллектуальных стратегий влияет на готовность студентов к выходу за пределы заданного учебного алгоритма.

Ключевые слова: интеллектуальная активность, стили мышления, студенческий возраст, когнитивная психология, интеллектуальная инициатива, креативность.

THE RELATIONSHIP BETWEEN INTELLECTUAL ACTIVITY AND DIFFERENT THINKING STYLES IN STUDENTS

Guseva Maria Evgenievna

Tumasyan Polina Aleksandrovna

Abstract: this article examines the relationship between intellectual activity and dominant thinking styles among students. It analyzes theoretical approaches to the phenomenon of intellectual initiative, as well as the cognitive characteristics of various information processing styles. Data are presented on how preference for certain intellectual strategies influences students' willingness to go beyond the established learning algorithm.

Key words: intellectual activity, thinking styles, student age, cognitive psychology, intellectual initiative, creativity.

Период обучения в ВУЗе является ключевым этапом становления профессионального интеллекта. В современных условиях от специалиста требуется не просто сумма знаний, а способность к самостоятельному поиску решений, критическому анализу и творческому преобразованию действительности. В связи с этим изучение интеллектуальной активности и стилей мышления студентов приобретает особую актуальность. Понимание того как индивидуальные способы обработки информации (стили) коррелируют с внутренним побуждением к познанию (активностью) позволяет оптимизировать образовательный процесс и содействовать раскрытию потенциала личности.

Интеллектуальная активность рассматривается в отечественной психологии (Д.Б. Богоявленская [3], В.Д. Шадриков [10] и др.) как интегральное свойство личности, отражающее меру взаимодействия между интеллектом и мотивацией.

Центральным понятием здесь выступает «интеллектуальная инициатива» – способность продолжать мыслительную деятельность за пределами решения конкретной задачи, которая была поставлена извне. Р.Н. Афолина указывает, что уровни интеллектуальной активности обычно делят на три вида [2].

Первым видом выступает стимульно-продуктивный уровень интеллектуальной активности, который представляет собой деятельность определяется внешним стимулом, когда студент решает задачу в рамках заданных условий.

Вторым видом является эвристический уровень. На данном уровне студент проявляет инициативу, находит новые, более оригинальные способы решения, однако они остаются в рамках исходной проблемы.

Креативный (высший) уровень интеллектуальной активности обнаруженная закономерность становится для субъекта самостоятельной целью исследования, ведущей к постановке новых проблем.

Стиль мышления – это индивидуально-своеобразный способ постановки и решения проблем. В отличие от способностей, которые характеризуют уровень достижений («как успешно?»), стили характеризуют способ функционирования («как именно?») [6].

Наиболее распространенной в педагогической психологии является классификация Р. Стернберга (теория ментального самоуправления) и модель А. Харрисона и Р. Брэмсона. Согласно последним, выделяются пять стилей, которые представлены на рисунке 1.

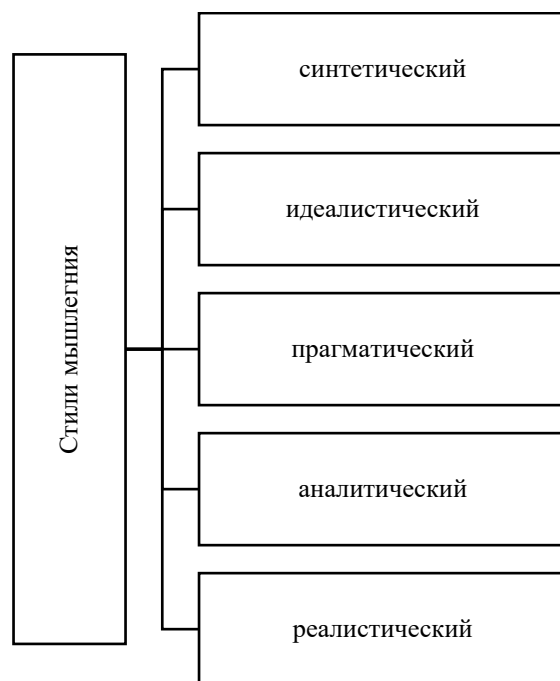

Рис. 1. Виды стилей мышления [8]

Если рассматривать составляющие механизмы для данных стилей мышления, то можно указать следующее:

- синтетический, при котором реализуется ориентация на перемены, поиск противоречий, создание новых идей из разрозненных элементов;
- идеалистический, делающий акцент на ценностях, целях и социальной значимости, стремление к согласию;
- прагматический, ориентированный на поиск быстрой выгоды, ориентация на личный опыт и тактические результаты;
- аналитический, представляющий логический, методичный подход, тщательный сбор данных;
- реалистический с опорой на факты, стремление к исправлению осязаемых проблем «здесь и сейчас» [7].

Основная гипотеза большинства эмпирических исследований в области определения взаимосвязи между интеллектуальной активностью и различными видами мышления строится на предположении, что разные стили мышления служат «проводниками» для интеллектуальной активности разного уровня.

В различных исследованиях выделяется группа «стилей-активаторов», к которым относят синтетический и идеалистический. Так, М.А. Холодная указывает, что студенты, склонные к синтетическому стилю, чаще демонстрируют креативный уровень интеллектуальной активности. Для них процесс мышления является самоценным. Конфликт идей или парадокс выступают для них не препятствием, а стимулом к дальнейшему теоретизированию. Идеалистический стиль способствует активности через поиск «идеального решения», что часто заставляет студента выходить за рамки методички в поисках наиболее этичного или глобального ответа [9].

Второй группой выделяются стили-стабилизаторы, к которым относятся аналитический и реалистический. Согласно исследованиям, аналитики склонны к глубокой, но часто «закрытой» активности. Их интеллектуальные усилия направлены на систематизацию и проверку точности. Такая активность может быть чрезвычайно высокой по интенсивности, но она редко ведет к постановке принципиально новых задач, оставаясь в рамках эвристического уровня. Реалистический стиль чаще всего сопряжен со стимульно-продуктивным уровнем: активность затухает сразу после того, как достигнут практический результат [9].

Прагматический стиль рассматривается как стиль-адаптер. Прагматики проявляют высокую интеллектуальную активность только в условиях дефицита ресурсов или при наличии четкой прагматической цели (экзамен, грант, соревнование). В отсутствие внешнего вызова их интеллектуальная инициатива невысока [9].

При этом важно подчеркнуть роль образовательной среды в формировании стилей мышления. Студенческая среда – это пространство, которое может либо поощрять интеллектуальную инициативу, либо подавлять её через жесткую регламентацию. Исследования показывают, что преобладание жестких тестовых систем контроля способствует закреплению реалистического и аналитического стилей, снижая долю синтетиков [3].

Для перехода студентов на креативный уровень интеллектуальной активности необходимо внедрение проектных методов обучения, где отсутствует единый правильный ответ. Это заставляет «аналитиков» трансформировать свои навыки в синтез, а «реалистов» – задумываться над альтернативами.

Существуют значимые различия в зависимости от профиля обучения. Так, гуманитарии чаще демонстрируют сочетание идеалистического стиля с высоким уровнем вербальной активности. Их поиск направлен на

интерпретацию смыслов. Деятельность технарей демонстрирует доминирование аналитического стиля. Их интеллектуальная активность проявляется в оптимизации систем и алгоритмов. Студенты творческих специальностей в целом обладают наиболее выраженной связью между синтетическим стилем и способностью к бескорыстному интеллектуальному поиску.

Для повышения уровня интеллектуальной активности студентов педагогическому составу рекомендуется:

1. Дифференциация заданий: использование задач, требующих как строгого анализа (для опоры), так и синтетического обобщения (для развития).

2. Стимулирование рефлексии: поощрение студентов к анализу собственного стиля мышления. Осознание своего стиля помогает студенту компенсировать его слабые стороны (например, аналитику – учиться рисковать и предлагать гипотезы).

3. Создание «зон неопределенности»: включение в учебные планы задач с избыточными или противоречивыми данными, что провоцирует интеллектуальную инициативу [7].

Таким образом, интеллектуальная активность студентов не является константной величиной. Она тесно переплетена с тем, как именно студенты привыкли мыслить. Взаимосвязь здесь носит двусторонний характер: стиль определяет направление активности, а накопленный опыт проявления инициативы со временем может трансформировать индивидуальный стиль мышления, делая его более гибким и адаптивным.

Синтетический и идеалистический стили являются наиболее благоприятными предикторами для развития творческого потенциала. В то же время аналитический и реалистический стили обеспечивают качественное исполнение и надежность профессионального мышления. Сбалансированное развитие различных стилей мышления является залогом формирования высокой интеллектуальной активности будущего специалиста.

Список литературы

1. Алексеев А. А., Громова Л. А. Поймите меня правильно, или Книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми / А. А. Алексеев, Л. А. Громова. – СПб. : Экон. шк., 1993. – 350 с.

2. Афолина Р.Н. Диагностическая система сформированности умений учебно-творческой деятельности студентов // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnosticheskaya-sistema-sformirovannosti-umeniy-uchebno-tvorcheskoy-deyatelnosti-studentov> (дата обращения: 30.03.2026).

3. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Д. Б. Богоявленская. - Москва : Academia, 2002. – 317 с.

4. Загашев И. О., Заир-Бек С. И. Критическое мышление: технология развития перспективы для высшего образования / И.О. Загашев, С.И. Заир-Бек. — Санкт-Петербург : Скифия, Альянс-Дельта, 2003. — 283 с.

5. Макарова Л. Н., Шаршов И. А. Обоснование алгоритмических способов построения индивидуальных траекторий развития критического мышления преподавателя и студента // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. № 11. С. 108-115.

6. Макарова Л.Н., Шаршов И.А. Индивидуальные познавательные стили и критическое мышление студентов: вопрос соотношения // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-poznavatelnye-stili-i-kriticheskoe-myshlenie-studentov-vopros-sootnosheniya> (дата обращения: 30.03.2026).

7. Москвин В. А., Москвина Н. В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека / В. А. Москвин, Н. В. Москвина. - Москва : Смысл, 2011. – 367 с.

8. Харрисон А., Брэмсон Р. Стили мышления. – М.: Дело, 1997.

9. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, 2004.

10. Шадриков В.Д. Мышление как проблема психологии // Высшее образование сегодня. 2018. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myshlenie-kak-problema-psihologii> (дата обращения: 30.03.2026).

11. Штернберг Р. Дж. Интеллект, приносящий успех. – Минск: Попурри, 2000. – 367 с.

© Гусева М.Е., Тумасян П.А.

УДК 316.6; 316.77

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ**

Кругликова Елена Владимировна
магистрант

Научный руководитель: **Емельяненко Владимир Дмитриевич**
кандидат философских наук, доцент
Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского

Аннотация: в статье рассматривается трансформация детско-родительских отношений под воздействием технологий искусственного интеллекта и цифровой среды. Анализируются психологические механизмы замещения реального общения виртуальными коммуникациями, выявляются риски интернет-зависимости и ее последствия для семейного взаимодействия. Особое внимание уделяется проблеме «цифрового разрыва» между поколениями и роли философского осмысления происходящих изменений. Представлены эмпирические данные, демонстрирующие масштабы вовлеченности подростков в онлайн-среду.

Ключевые слова: искусственный интеллект, детско-родительские отношения, подростки, цифровая среда, интернет-зависимость, трансформация личности, философия техники.

**TRANSFORMATION OF PARENT-CHILD RELATIONSHIPS
UNDER THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
TECHNOLOGIES AND THE DIGITAL ENVIRONMENT**

Kruglikova Elena Vladimirovna

Scientific supervisor: **Emelyanenko Vladimir Dmitrievich**

Abstract: the article examines the transformation of parent-child relationships under the influence of artificial intelligence technologies and the digital environment. It analyzes the psychological mechanisms of replacing real

communication with virtual communication, identifies the risks of internet addiction and its consequences for family interaction. Special attention is paid to the problem of the "digital divide" between generations and the role of philosophical reflection on the ongoing changes. Empirical data is presented to demonstrate the extent of adolescents' involvement in the online environment.

Key words: artificial intelligence, parent-child relationships, teenagers, digital environment, internet addiction, personality transformation, and philosophy of technology.

XXI век характеризуется беспрецедентным внедрением цифровых технологий во все сферы человеческой жизни. Уже с ранних лет человек погружен в информационную среду, обусловленную стремительным развитием Интернета и современных компьютерных технологий. Применение цифровых ресурсов давно вышло за рамки получения справочной информации, охватывая образование, медицину, досуг и межличностную коммуникацию.

Особую значимость эта проблема приобретает в контексте детско-родительских отношений [1]. Подростки в возрасте 16-24 лет проводят в сети в среднем на 2,3 часа больше, чем люди старшего поколения, что создает ситуацию «цифрового разрыва» — непонимания между родителями и детьми, обусловленного разной степенью вовлеченности в виртуальную реальность. Цель настоящей статьи — философско-психологический анализ того, как искусственный интеллект и цифровая среда трансформируют характер взаимоотношений подростков с родителями.

1. Цифровая социализация как вызов традиционным формам семейного общения. Традиционная модель социализации предполагала, что семья выступает примером трансляции норм, ценностей и поведенческих паттернов. Сегодня эта функция все больше переходит к цифровой среде. Исследователи фиксируют фундаментальный сдвиг: «интенсивное погружение в виртуальные взаимодействия может спровоцировать зависимость», при которой «подростки теряют интерес к реальному миру, общению, что ведет к социальной изоляции и чувству одиночества» [3].

Философское осмысление ситуации требует обращения к категории "присутствия". В экзистенциальной традиции подлинное человеческое отношение предполагает взаимное присутствие — способность быть здесь-и-сейчас для Другого. Цифровая коммуникация создает иллюзию присутствия

при фактическом отсутствии. Подросток может физически находиться в одной комнате с родителями, но психологически — в совершенно ином пространстве, где главным собеседником выступает не живой человек, а алгоритм.

2. Интернет-зависимость как фактор деформации детско-родительских отношений. Ключевой проблемой, опосредующей влияние искусственного интеллекта на семейные отношения, выступает интернет-зависимость. Термин, введенный Айвеном Голдбергом в 1995 году, сегодня обозначает «поведенческое пристрастие и эмоциональную потребность в определенной деятельности» [6]. Проведенное с использованием теста InternetAddictionTest (IAT) К. Янг исследование среди обучающихся 9-х классов (46 человек в возрасте 15-16 лет) выявило тревожную картину. Лишь 6,5% опрошенных являются обычными пользователями интернета без признаков зависимости. У 71,7% респондентов наблюдаются симптомы, связанные с чрезмерным использованием интернета, что повышает риск развития зависимости. У 21,7% участников диагностирована интернет-зависимость [3].

Эти данные коррелируют с нейробиологическими исследованиями: «чрезмерное увлечение интернетом негативно влияет на области мозга, отвечающие за память и принятие решений», что «способствует развитию аддиктивного поведения, повышает уязвимость к психическим расстройствам, таким как депрессия и тревожность» [3]. Для детско-родительских отношений это означает следующее: родители сталкиваются не просто с «вредной привычкой» ребенка, но с глубокими психофизиологическими изменениями, которые делают традиционные воспитательные воздействия малоэффективными. Подросток, находящийся в состоянии зависимости, воспринимает попытки родителей ограничить его онлайн-активность как угрозу своему психологическому комфорту, что провоцирует конфликты и усиливает взаимное отчуждение.

3. Искусственный интеллект как «третий» в диаде «родитель—ребенок». Особого внимания заслуживает феномен появления искусственного интеллекта в качестве самостоятельного (хотя и иллюзорного) участника семейных отношений. Речь идет не только о социальных сетях, но и о персонализированных чат-ботах, приложениях для психологической самопомощи, основанных на ИИ, и виртуальных ассистентах. Исследования фиксируют: «сегодня наблюдается рост популярности приложений для психологической самопомощи, основанных на искусственном интеллекте», а

«виртуальная реальность все активнее применяется в современной психотерапии» [5]. Подросток, испытывающий трудности в общении с родителями, получает альтернативного собеседника, который всегда доступен, не осуждает и готов подстроиться под любые ожидания.

С философской точки зрения, здесь происходит подмена понятий: на место требовательной реальности Другого заступает услужливая симуляция. Как отмечают психологи, «аддиктивность интернета обусловлена доступностью информации, ощущением контроля и анонимности при обмене информацией, а также подсознательным доверием к онлайн-коммуникации» [6]. Родитель требует ответа, ИИ предлагает комфорт. Родитель говорит «нет», ИИ всегда говорит «да». В результате у подростка не формируется опыт преодоления фрустрации, необходимый для взрослой жизни. Он привыкает к «безтрениевым» отношениям и оказывается не готов к естественным конфликтам, разочарованиям и компромиссам, из которых соткана ткань человеческих отношений. Это создает порочный круг: чем сложнее реальное общение, тем глубже погружение в виртуальность, и наоборот.

4. Трансформация личности и кризис родительского авторитета. Влияние цифровой среды не ограничивается поведенческими изменениями. Как подчеркивается в современных исследованиях, происходит фундаментальная «трансформация личности в эпоху глобальной цифровизации» [7]. Меняются структура мышления, способы восприятия информации, ценностные ориентации. Для подростка, выросшего в цифровой среде, характерны:

- клиповое мышление, затрудняющее восприятие сложных текстов и длительных аргументаций;
- потребность в немедленном подкреплении (лайки, комментарии);
- размывание границ между публичным и приватным;
- формирование «цифровой идентичности», которая может существенно отличаться от реальной.

Родители, чье собственное взросление проходило в иных условиях, часто не понимают этих изменений. Они продолжают апеллировать к аргументам и авторитетам, которые для их детей уже не работают. Возникает ситуация взаимного непонимания, усугубляемая тем, что родители часто не обладают достаточной цифровой компетентностью, чтобы контролировать онлайн-активность ребенка. Важно подчеркнуть, что проблема не сводится к простому "запрету гаджетов". Как отмечают авторы, «не следует

безоговорочно считать гаджеты исключительно негативным явлением» [2]. Цифровые технологии дают возможности для доступа к информации, межкультурной коммуникации, самореализации. Особое значение они имеют для людей с ограниченными возможностями здоровья. Поэтому речь должна идти не об отрицании технологий, а о формировании культуры их использования.

5. Философские основания стратегии гармонизации отношений. Философский анализ проблемы позволяет сформулировать ряд принципов, которые могут стать основой для выстраивания здоровых детско-родительских отношений в цифровую эпоху.

Принцип бытийного приоритета. Технологии должны служить человеку, а не наоборот. Виртуальная реальность не должна подменять реальность подлинную. Родителям важно демонстрировать детям ценность непосредственного, телесного присутствия — совместных прогулок, разговоров, действий, которые невозможно полноценно симулировать в цифровой среде.

Принцип диалога вместо запрета. Запретительные меры в отношении интернета, как правило, неэффективны и провоцируют конфликты. Более продуктивным представляется совместное обсуждение правил цифровой гигиены, при котором голос подростка учитывается наравне с голосом родителей.

Принцип цифровой грамотности. Как для родителей, так и для детей необходимо формирование критического отношения к информации, понимание механизмов работы алгоритмов, осознание рисков, связанных с передачей личных данных. Родителям следует осваивать те цифровые пространства, в которых проводят время их дети, чтобы понимать контекст их переживаний [4].

Принцип антропологической меры. Философия напоминает о необходимости сохранять человеческое измерение в эпоху технологической экспансии. Как бы ни были совершенны алгоритмы, они не способны к подлинной эмпатии, не могут разделить с человеком его экзистенциальный опыт. Напоминание об этой простой истине — важнейшая задача философского образования.

Заключение

Подводя итоги, можно констатировать, что влияние искусственного интеллекта на взаимоотношения подростков с родителями представляет собой

сложный, многоаспектный феномен, требующий изучения. С одной стороны, цифровая среда открывает новые возможности для развития и коммуникации. С другой стороны, она создает риски интернет-зависимости, социальной изоляции и деформации семейных связей. Эмпирические данные демонстрируют масштаб проблемы: лишь 6,5% подростков могут быть отнесены к обычным пользователям интернета, тогда как у 71,7% наблюдаются признаки зависимости. Это ставит перед обществом задачу выработки эффективных стратегий поддержки психологического благополучия подрастающего поколения.

Философская рефлексия позволяет увидеть за эмпирическими фактами глубинные антропологические сдвиги: изменение структуры личности, трансформацию механизмов социализации, кризис традиционных форм авторитета. «Баланс между онлайн и офлайн активностями, развитие цифровой грамотности и критического мышления, а также формирование культуры ответственного использования цифровых технологий являются ключевыми факторами для обеспечения здорового и гармоничного психолого-социального развития личности в эпоху цифровой трансформации» [5]. Будущее детско-родительских отношений будет определяться не тем, смогут ли родители полностью оградить детей от влияния технологий, а тем, удастся ли сохранить пространство подлинного человеческого общения — такого общения, в котором Другой открывается мне не как «функция» или «алгоритм», а как уникальная и неповторимая личность.

Список литературы

1. Бутакова, Н.В. Семья как приоритетная ценность молодёжи / Н.В. Бутакова; Е.В. Линейцева // Новое слово в науке: стратегии развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Чебоксары, 2022. С. 18-23. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-sovremennoy-molodezhi/viewer> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Лига, М. Б., Щеткина, И. А. Человек в эпоху цифровизации общества // Гуманитарный вектор. - 2021. - № 2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-epohu-tsifrovizatsii-obschestva> (дата обращения: 02.04.2026).
3. Малкова Е.Е. Клинико-психологические феномены формирования компьютерной зависимости у современных подростков / Е.Е. Малкова, Н.И. Калинин // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – № 4 (15). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL

http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer03.php (дата обращения: 02.04. 2026).

4. Сеппенен, Ю. В. Факторы формирования ответственного родительства среди молодежи // Перспективы Науки и Образования. – 2017. - № 5 (29). – С. 13-17. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-formirovaniya-otvetstvennogoroditelstva-sredi-molodezhi> (дата обращения: 02.04. 2026).

5. Сорочан, В. В., Гаврилюк Н. П. Цифровая социология: от цифровизации общества к цифровизации науки // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-sotsiologiya-otstifrovizatsii-obschestva-k-tsifrovizatsii-nauki> (дата обращения: 02.04.2026).

6. Тушнова, Ю. А., Басенкова, О. А. Концептуализация понятия «интернет-зависимость» // Вестник науки. - 2022. - № 5 (50). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-ponyatiya-internet-zavisimost> (дата обращения: 02.04.2026).

7. Усов, Е. К., Приймак, Е. Н. Трансформация личности в эпоху глобальной цифровизации // Вестник науки. - 2024. - № 11 (80). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-lichnosti-v-epohu-globalnoytsifrovizatsii> (дата обращения: 02.04.2026).

© Кругликова Е.В., 2026

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ТРЕВОЖНОСТИ

Набродова Елена Викторовна

магистрант

Научный руководитель: **Емельяненко Владимир Дмитриевич**

кандидат философских наук, доцент

Брянский государственный университет

имени академика И.Г. Петровского

Аннотация: в статье рассматривается влияние цифровой реальности на развитие тревожности. Анализируются ключевые механизмы этого влияния, включая информационную перегрузку и формирование синдрома новостной усталости. Обосновывается, что кибербуллинг влияет на возникновение ситуативной и личностной тревожности, а также формирует виктимное поведение. В статье раскрываются поведенческие паттерны, опосредующие связь цифровой среды с тревожностью, такие как медиамультизадачность и зависимость от медиаконтента, которые формируют устойчивую интернет-аддикцию и приводят к нарушениям внимания и снижению когнитивного контроля. Обосновывается необходимость внедрения принципов цифровой гигиены как эффективной стратегии профилактики тревожных расстройств.

Ключевые слова: цифровая реальность, тревожность, информационная перегрузка, кибербуллинг, медиамультизадачность, интернет-аддикция, нарушения внимания, когнитивный контроль, адаптационный потенциал личности, цифровая гигиена.

THE INFLUENCE OF DIGITAL REALITY ON THE DEVELOPMENT OF ANXIETY

Nabrodova Elena Viktorovna

Scientific adviser: **Emelyanenko Vladimir Dmitrievich**

Abstract: the article examines the impact of digital reality on the development of anxiety. It analyzes the key mechanisms of this influence, including information overload and the formation of news fatigue syndrome. It substantiates that cyberbullying affects the emergence of situational and personal anxiety, as well as shapes victim behavior. The article reveals behavioral patterns that mediate the

relationship between the digital environment and anxiety, such as media multitasking and dependence on media content, which contribute to persistent internet addiction and lead to attention deficits and reduced cognitive control. The necessity of implementing the principles of digital hygiene as an effective strategy for preventing anxiety disorders is substantiated.

Key words: digital reality, anxiety, information overload, cyberbullying, media multitasking, Internet addiction, attention disorders, cognitive control, adaptive potential of personality, digital hygiene.

Современное цифровое пространство, представляющее собой сеть с уникальной средой, не имеющей аналогов в реальном мире, стало не просто инструментом коммуникации или поиска информации, но и мощным фактором, трансформирующим психическую деятельность человека. Простой доступ к огромным хранилищам данных, упрощенная процедура поиска, с одной стороны, открывают беспрецедентные возможности, а с другой — создают условия для информационной перегрузки.

Интернет-пространство выступает институтом социализации, содержащим разнообразие информации, воздействующей на коммуникативное поведение пользователей, включая процессы восприятия и фильтрации данных. Однако разнообразие и непрерывность потока становятся источником хронического стресса, и человек оказывается не в состоянии спокойно воспринимать даже необходимую информацию [2, с. 150]. Эта ситуация, названная синдромом новостной усталости, выходит за рамки простого утомления, являясь комплексным психологическим феноменом, вызванным непрерывным и зачастую тревожным информационным шумом [1, с. 1083].

В основе этого влияния лежат фундаментальные изменения в структуре психической деятельности. Мозг, вынужденный ежесекундно переключаться между задачами, фильтровать шум и оценивать достоверность источников, работает в режиме хронического перенапряжения. Это приводит к накоплению информационной усталости, проявляющейся в снижении концентрации, эмоциональной истощенности и феномене «паралича выбора» [1, с. 1082]. Медиасреда влияет на внимание и тревогу опосредованно через два взаимосвязанных типа поведения: зависимость от медиаконтента и медиамультизадачность [3, с. 560]. Зависимость от медиа формируется на основе механизмов удовольствия, концентрации внимания и искажения времени — ключевых компонентов состояния потока, в котором человек

теряет контроль над временем, погружаясь в приятные стимулы [3, с. 559]. Платформы с медиаконтентом обеспечивают мгновенную обратную связь, что ведет к привыканию и нарушению контроля над внутренними импульсами. Важно подчеркнуть, что, согласно данным исследований, уже в течение двух лет у подростков с высокой частотой просмотра медиаконтента могут появиться симптомы синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), что напрямую коррелирует с развитием тревожных состояний [3, с. 560].

Особую роль в этом процессе играет т. н. медиамультитизадачность — поведение, определяемое как одновременное выполнение нескольких задач, где хотя бы одна является мультимедийной. Это явление, распространенность которого среди молодежи достигает значительных величин, является причиной нарушений когнитивных процессов, включая сложности в воспроизведении воспоминаний и когнитивном контроле. Существует опосредованная связь между медиамультитизадачностью и тревогой, где ключевыми медиаторами выступают концентрация внимания и его смещение на негативную информацию. Человек, привыкший к многозадачности, чаще переключает внимание на угрожающие или тревожные стимулы, что усиливает переживание тревоги. Более того, медиамультитизадачность приводит к истощению ресурсов организма для поддержания устойчивости внимания, что, как показано в исследованиях, может влиять даже на пищевое поведение и способствовать развитию психосоматических проблем [3, с. 562]. Таким образом, хроническое рассредоточение внимания не только снижает производительность, но и формирует порочный круг, где тревога усиливает избирательность внимания к угрозам, а истощенный когнитивный контроль не позволяет эту тревогу снизить.

Парадоксальным образом, стремясь защитить свою психику от избыточного негативного воздействия, человек вырабатывает стратегию избегания. Информация, вызывающая неодобрение и связанная с потенциальной угрозой, ведет к формированию избирательности внимания. Человек избегает контента, вызывающего тревогу, и чаще обращается к субъективно одобряемому материалу, игнорируя новостные повестки. Однако это лишь иллюзия безопасности. Избегание усиливает зависимость, закрепляя нахождение в «состоянии потока» и компенсируя недостаток реального общения, что в долгосрочной перспективе является поддерживающим фактором для тревожного расстройства [3, с. 560].

Существуют такие феномены, как цифровая амнезия, когда мы перестаем запоминать информацию из-за уверенности в ее доступности, и киберхондрия — стремление к самостоятельной постановке диагноза по интернет-источникам, что само по себе является мощным генератором тревоги. Данные эмпирических исследований, показывают, что среди студентов, ежедневно пользующихся сетью, значительная часть демонстрирует выраженный и устойчивый паттерн интернет-зависимого поведения, а компульсивная симптоматика и симптомы отмены выявлены у значительного процента респондентов, что напрямую коррелирует с наличием депрессивных расстройств [4, с. 165].

Тревожность не является абстрактной угрозой, а представляет собой измеримый и дифференцированный ответ на конкретные формы кибер-травли и цифровой среды. В исследовании, посвященном жертвам кибербуллинга, были выявлены четкие аффективно-поведенческие особенности. У жертв, переживших оскорбления, преобладает высокий уровень ситуативной тревожности (50%), в то время как у жертв продолжительного домогательства более интенсивно выражена личностная тревожность (87,5%) [2, с. 152–153]. Наиболее тяжелые последствия наблюдаются у группы, пережившей очернение репутации и распространение слухов, где средний уровень ситуативной тревожности (100%) сочетается со 100-процентным высоким уровнем личностной тревожности, что существенно затрудняет нормальную адаптацию [2, с. 153]. Эти данные свидетельствуют о том, что различные типы кибер-атак оказывают специфическое воздействие на структуру тревожности, формируя либо реактивные состояния, связанные с конкретной ситуацией (ситуативная тревога), либо глубинные изменения в личности (личностная тревога). Более того, были выявлены различия в склонности к виктимному поведению: группы, пережившие оскорбления и очернение репутации, чаще демонстрируют самоповреждающее и саморазрушающее поведение (75% и 100% соответственно), тогда как жертвы продолжительного домогательства — гиперсоциальное поведение (71,43 %) [2, с. 154].

Интересно, что влияние цифровой реальности на развитие тревожности опосредовано также индивидуально-типологическими особенностями нервной системы. В исследовании психофизиологических коррелят личности было доказано, что существует разница в вегетативных реакциях организма на смену пространств (реального, виртуального и дополненного) при решении когнитивных задач. Наиболее значимые изменения частоты сердечных

сокращений и температуры тела наблюдались у респондентов со средне-слабой и слабой нервной системой. Кроме того, часть испытуемых, демонстрировавших в объективной реальности гибкий когнитивный контроль, в виртуальной реальности проявляла ригидность. Привычные автоматизированные действия, эффективные в знакомой среде, могут препятствовать ориентации в новых цифровых локациях, вынуждая личность менять стратегии когнитивной деятельности [2, с. 155]. Адаптация к новой цифровой среде требует значительных когнитивных ресурсов, и неуспешность этой адаптации становится дополнительным фактором, провоцирующим тревогу.

Важно отметить и социально-психологический контекст данной проблемы. Виртуальный мир затягивает человека именно тогда, когда в реальном мире он не находит чего-то важного для себя. Уход в виртуальность становится псевдо-решением, которое, по сути, усугубляет проблему. Социальные сети, наполненные приукрашенными идеальными образами, ухудшают восприятие реальности, а феномен «синдрома упущенной выгоды» приводит к компульсивным проверкам страниц, что провоцирует нарушения сна и хроническое чувство усталости [4, с. 164]. Статистика, приведенная в исследованиях, подтверждает, что уровень стресса среди населения растет, и специалисты напрямую связывают эту динамику с информационной перегрузкой [1, с. 1083].

Влияние цифровой реальности на развитие тревожности носит системный и многоуровневый характер. Во-первых, сама архитектура цифровой среды с ее бесконечным потоком противоречивой информации и алгоритмами, формирующими «информационные пузыри», создает хроническую когнитивную нагрузку, истощающую адаптационный потенциал личности [1, с. 1083–1084]. Во-вторых, ключевые механизмы взаимодействия человека с этой средой — зависимость от медиаконтента и медиамультитасочность — напрямую связаны с нарушениями внимания и снижением когнитивного контроля, что является как предпосылкой, так и следствием тревожных расстройств [3, с. 560–562]. В-третьих, психологические последствия цифрового взаимодействия дифференцированы в зависимости от типа воздействия (кибербуллинг) и индивидуальных особенностей (тип нервной системы), что требует персонализированного подхода как к профилактике, так и к коррекции возникающих нарушений [2, с. 152–156].

В современной ситуации цифровая тревога перестает быть просто реакцией на отдельный стрессор, превращаясь в фоновое состояние,

определяющее мировосприятие. Бесконечный поток новостей, разбавленный фейками и контентом, созданным ботами, ведет не к пониманию реальности, а к эмоциональному истощению [1, с. 1083]. Формируется защитный механизм «информационного цинизма», который, оберегая психику от перегрузок, одновременно ведет к социальной апатии и внутренней самоцензуре [1, с. 1083]. Разрыв между требуемой и доступной когнитивной обработкой информации становится критическим, вызывая ощущение беспомощности и утраты контроля.

Выход из этой ситуации видится не в утопическом полном отказе от технологий, что в современном мире практически невыполнимо, а в осознанном проектировании собственной цифровой среды. Цифровой детокс — это не бегство от технологий, а сознательная перестройка взаимоотношений с ними. Его цель — создать условия, при которых человек управляет своим фокусом внимания, а не становится его заложником [1, с. 1085]. Это предполагает развитие навыков осознанности, управления медиапотреблением, формирование сбалансированного подхода, включающего перерывы и контроль [3, с. 566]. Необходимо бороться не с использованием интернет-пространства, а с первопричинами аддиктивного поведения, коренящимися в низкой коммуникативной культуре, личностной незрелости и неадаптивных моделях совладания со стрессом [4, с. 166]. Только возвращение чувства контроля над своим вниманием и временем может стать эффективной стратегией снижения тревожности и сохранения психического здоровья в эпоху тотальной цифровизации. Таким образом, дальнейшие исследования должны быть направлены не только на изучение негативных последствий, но и на разработку и внедрение программ психологической коррекции, ориентированных на повышение адаптационного потенциала личности в условиях непрерывно меняющейся цифровой реальности.

Список литературы

1. Комарова Л. И. Психологические последствия информационной перегрузки: синдром усталости от новостей в 2025 году // Вестник науки. 2026. № 1 (94). Т. 3. С. 1081–1087.
2. Лучинкина И. С., Блажкун З. В., Борискина Т. В., Малюженко П. А. Личность в цифровом пространстве // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2021. № 4 (30). С. 152–158.

3. Мерзляков Д. Е. Связь переживания тревоги и нарушений внимания в цифровую эпоху: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 556–567.

4. Шершнёва Т. В. Особенности психической деятельности личности в информационно-коммуникационном пространстве // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 1 (91). С. 163–168.

© Набродова Е.В., 2026

**СЕКЦИЯ
МЕДИЦИНСКИЕ
НАУКИ**

УДК 616.9

**ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЕМАТОЛОГИЧЕСКИХ
ИНДЕКСОВ ПРИ ВНЕБОЛЬНИЧНОЙ ПНЕВМОНИИ НА ФОНЕ
ТЯЖЕЛОГО ТЕЧЕНИЯ SARS-COV-2-ИНФЕКЦИИ**

Гаран Галина Михайловна

аспирант кафедры «Внутренние болезни»
Сургутский государственный университет,
врач клинической лабораторной поликлиники
БУ «Сургутская городская клиническая поликлиника № 3»

Савш Павел Александрович

аспирант кафедры «Внутренние болезни»
Сургутский государственный университет,
врач
БУ ХМАО – Югры «Сургутская окружная клиническая больница»

Никитина Юлия Викторовна

старший преподаватель кафедры «Внутренние болезни»
Сургутский государственный университет,
БУ ХМАО – Югры «Сургутская окружная клиническая больница»

Арямкина Ольга Леонидовна

профессор кафедры «Внутренние болезни»
Сургутский государственный университет

Аннотация: цель исследования – оценить прогностическое значение гематологических индексов при тяжелом течении COVID-19-ассоциированной внебольничной пневмонии. Обследовано 286 пациентов. Установлено, что возраст старше 60 лет (ОШ 2,16; 95% ДИ 1,22–3,83), индекс коморбидности Чарлсон ≥ 4 , а также развитие осложнений (ОШ 22,2) ассоциированы с летальным исходом. Наиболее значимыми лабораторными предикторами оказались индексы NLR (ОШ 3,34) и РОН (ОШ 11,4). Индекс Гаркави продемонстрировал высокую диагностическую значимость.

Новизна исследования заключается в комплексной оценке 23 гематологических индексов с выделением наиболее информативных предикторов неблагоприятного исхода.

Ключевые слова: COVID-19, пневмония, гематологические индексы, NLR, прогноз.

**PROGNOSTIC VALUE OF HEMATOLOGICAL INDICES
IN COMMUNITY-ACQUIRED PNEUMONIA ASSOCIATED
WITH SEVERE SARS-COVID-2 INFECTION**

**Garan Galina Mihailovna
Savsh Pavel Alexandrovich
Nikitina Yulia Viktorovna
Aryamkina Olga Leonidovna**

Abstract: the aim of the study was to evaluate the prognostic value of hematological indices in severe COVID-19-associated community-acquired pneumonia. A total of 286 patients were examined. Age over 60 years (OR 2.16; 95% CI 1.22–3.83), Charlson Comorbidity Index ≥ 4 , and the development of complications (OR 22.2) were associated with mortality. The most significant laboratory predictors were the NLR (OR 3.34) and RON (OR 11.4) indices. The Harkavi index demonstrated high diagnostic value.

The novelty of the study lies in the comprehensive assessment of 23 hematological indices, identifying the most informative predictors of adverse outcomes.

Key words: COVID-19, pneumonia, hematological indices, NLR, prognosis.

Введение

Внебольничная пневмония остается одной из ведущих причин смертности в мире [1-3]. В период пандемии COVID-19 значительно возросла частота тяжелых форм заболевания [4].

Тяжесть течения определяется возрастом и коморбидной патологией [5].

Гематологические индексы рассматриваются как доступные маркеры воспаления [6,7].

Индексы, такие как NLR, используются для оценки тяжести COVID-19 [8]. Они связаны с риском осложнений и летального исхода [9].

Цель исследования

Оценить прогностическое значение гематологических индексов.

Материалы и методы

Обследовано 286 пациентов, разделенных на 2 группы. Оценивались гематологические индексы. Использовались статистические методы.

Результаты

Средний возраст составил $65,7 \pm 0,82$ года. Возраст старше 60 лет увеличивал риск летального исхода. Коморбидность выявлена у 83,3% пациентов. Индекс Чарлсона ≥ 4 связан с неблагоприятным исходом. Осложнения выявлены у 98,8% пациентов и являлись значимым фактором риска.

Наиболее значимыми индексами оказались NLR и РОН.

Обсуждение

Полученные данные подтверждают, что гематологические индексы отражают баланс иммунного ответа. Повышение NLR и РОН свидетельствует о воспалении.

Результаты согласуются с литературой [5-9].

Заключение

Гематологические индексы являются доступными прогностическими маркерами.

Список литературы

1. Горелов А.В. Новая коронавирусная болезнь. Респираторная медицина. Москва: ПульмоМедиа; 2024; 2: 449–454. <https://doi.org/10.18093/978-5-6048754-6-9-2024-2-449-454>.
2. Титова О.Н., Кузубова Н.А., Волчкова Е.В., Чухловин Е.В. Генетические факторы течения и исхода пневмонии, вызванной коронавирусной инфекцией. Респираторная медицина. Москва: ПульмоМедиа; 2024; 2: 475–487. DOI: <https://doi.org/10.18093/978-5-6048754-6-9-2024-2-475-487>.
3. Синопальников А.И. Внебольничная пневмония у взрослых. Респираторная медицина. Москва: ПульмоМедиа; 2024; 2: 508–551. DOI: [10.18093/978-5-6048754-6-9-2024-2-508-551](https://doi.org/10.18093/978-5-6048754-6-9-2024-2-508-551).
4. Временные методические рекомендации. Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). URL: https://static0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/610/original/ВМР_COVID-19_V18.pdf (дата обращения: 26.06.2025).

5. Гребенникова И. В., Лидохова О.В., Макеева А.В. Гематологические индексы при COVID-19: ретроспективное исследование. Вестник новых медицинских технологий. 2022; 6: 87–91. DOI: 10.24412/2075-4094-2022-6-3-5.

6. Юпатов Е.Ю., Мальцева Л.И., Замалеева Р.С. Новая коронавирусная инфекция Covid-19 в практике акушера-гинеколога: обзор современных данных и рекомендаций. Акушерство, Гинекология и Репродукция. 2020; 2: 25–29. DOI: <https://doi.org/10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2020.142>.

7. Спиридонова Н.В., Гриценко Т.А., Хуртова Е.Ф. Характеристика тромбоцитов и тромбоцитарных индексов при COVID-19 у беременных в зависимости от факта наличия тромбообразования. Акушерство, Гинекология и Репродукция. 2023; 17 (5): 597–606. DOI: <https://doi.org/10.17749/2313-7347/ob.gyn.rep.2023.429>.

8. Оганов Р.Г., Симаненков В.И., Бакулин И.Г. Коморбидная патология в клинической практике. Алгоритмы диагностики и лечения. Клинические рекомендации. Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2019; 18: 5–66. DOI: <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2019-1-5-66>.

9. Чхайдзе И.З., Лиознов Д.А., Петрищев Н.Н., Ниаури Д.А. Системный эндотелиит при новой коронавирусной инфекции COVID-19: гендерные и перинатальные риски. Регионарное кровообращение и микроциркуляция. 2021; 20 (4): 4–13. DOI: 10.24884/1682-6655-2021-20-4-4-13.

© Гаран Г.М., Савш П.А.,
Никитина Ю.В., Арямкина О.Л.

**УСТАНОВЛЕНИЕ ПРИЧИННОГО ФАКТОРА
ХРОНИЧЕСКОГО КОНЬЮНКТИВИТА С РЕЦИДИВИРУЮЩИМИ
ОСЛОЖНЕНИЯМИ: АНАЛИЗ КЛИНИЧЕСКОГО СЛУЧАЯ**

Корсакова Евгения Игоревна

врач-ординатор

ФГАУ НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза»

им. акад. С.Н. Федорова»

Научный руководитель: **Корсакова Надежда Витальевна**

д.м.н., профессор

ФГАОУ ВО «РНИМУ им. Н.И. Пирогова»

Аннотация: в данной статье продемонстрирована практическое значение поиска причинного фактора и этиотропной терапии при хроническом рецидивирующем воспалении век на примере клинического случая. Проведено динамическое наблюдение пациентки 36 лет с хроническим конъюнктивитом и мейбомитом век с использованием стандартных офтальмологических (визометрия, биомикроскопия), а также общеклинических, серологических и молекулярно-генетических методов лабораторной диагностики. Установлено, что причиной многолетних рецидивов воспалительного процесса век являлась хроническая герпетическая инфекция (ВПГ 1, 2 типа и ВГ 6 типа), ранее не идентифицированная. Назначенная местно и системно противовирусная (в том числе противорецидивная), противовоспалительная и иммуномодулирующая терапия привела к значительному регрессу инфильтратов и полному восстановлению структуры и функции век. Таким образом, данный клинический случай подтверждает необходимость тщательного анализа анамнестических и лабораторных данных пациента для выявления истинной причины локального воспалительного процесса, который часто является проявлением системного заболевания.

Ключевые слова: воспаление, блефарит, конъюнктивит, мейбомит, вирус герпеса, антитела, биомикроскопия.

**DETERMINATION OF THE CAUSAL FACTOR
OF CHRONIC CONJUNCTIVITIS WITH RECURRENT
COMPLICATIONS: ANALYSIS OF CLINICAL OBSERVATION**

Korsakova Evgeniya Igorevna

Scientific adviser: **Korsakova Nadezhda Vitalevna**

Abstract: this article demonstrates the practical importance of finding a causal factor and etiotropic therapy in chronic recurrent eyelid inflammation using a clinical case example. A 36-year-old female patient with chronic conjunctivitis and meibomitis of the eyelids was dynamically monitored using standard ophthalmological (visometry, biomicroscopy), as well as general clinical, serological and molecular genetic laboratory diagnostic methods. It was established that the cause of long-term recurrence of the inflammatory process of the eyelids was a chronic herpes infection (HSV type 1, 2 and HSV type 6), previously unidentified. Locally and systemically prescribed antiviral (including anti-relapse), anti-inflammatory and immunomodulatory therapy led to significant regression of infiltrates and complete restoration of the structure and function of the eyelids. Thus, this clinical case confirms the need for a thorough analysis of the patient's anamnestic and laboratory data in order to identify the true cause of the local inflammatory process, which is often a manifestation of a systemic disease.

Key words: inflammation, blepharitis, conjunctivitis, meibomitis, herpes virus, antibodies, biomicroscopy.

Общепризнано, что герпетические нейроинфекции представляют значительную опасность для здоровья и жизни пациентов. Уровень летальности достигает 20%, а частота инвалидизации составляет более 50%. Особенно высоки риски при сочетанном инфицировании SARS-CoV-2 и нейротропными штаммами герпесвирусов [1, с. 282; 2, с. 307; 3, с. 91]. Вирусы семейства Herpesviridae способны вызывать как локальные поражения нервной системы, так и генерализованные формы с вовлечением нескольких внутренних органов [4, с. 2229; 5, с. 104341; 6, с. 1730; 7, с. 457]. Анализ литературных источников указывает на то, что на фоне инфекции SARS-CoV-2 наблюдается рост числа воспалительных заболеваний глаз герпетической этиологии. К таким патологиям относят кератоконъюнктивит, увеит, оптический неврит, ретинит и другие. При запоздалой диагностике данные

состояния приводят к стойкому снижению функций органа зрения, что неоднократно отражено в мировой научной литературе [8, с. 150; 9, с. 636; 10, с. 31].

В данной публикации представлен успешный опыт использования стандартных офтальмологических диагностических методик и интерпретации их результатов для идентификации этиологического фактора. Это позволило добиться высоких эстетических результатов при терапии хронического рецидивирующего воспаления конъюнктивы и век. Описан случай хронического конъюнктивита, осложненного мейбомитом век, у пациентки 36 лет с полным выздоровлением после проведенного лечения. Письменное информированное согласие пациента на опубликование истории заболевания получено.

Цель: акцентировать внимание практикующих врачей-офтальмологов на необходимости поиска причинного фактора при лечении пациентов с хроническим воспалением век.

Материалы и методы. В процессе динамического наблюдения использовались стандартные офтальмологические методы: визометрия, наружный осмотр, биомикроскопия. Дополнительно применялись общеклинические, молекулярно-генетические и серологические методы исследования биологических жидкостей (кровь, слюна).

Результаты (описание клинического случая). Пациентка М., 36 лет, обратилась в офтальмологическую клинику университета с жалобами на выраженную деформацию век обоих глаз, причиной которого были «малоблезненные уплотнения век разного размера», наблюдавшиеся на протяжении нескольких лет.

Анамнез заболевания. Первое уплотнение («шишечка») возникло на верхнем веке правого глаза в начале 2022 года, вскоре после этого – на верхнем веке левого глаза. В феврале 2022 года офтальмологом по месту жительства был установлен диагноз «папиллома век» и рекомендовано удаление. В мае 2022 года выполнено хирургическое иссечение папилломы верхнего века. В июне того же года проведено оперативное вскрытие множественного ячменя верхнего века. В последующие месяцы 2022 года неоднократно вводился Дипроспан в зону множественных халязионов верхних век. С января по май 2023 года повторно выполнялись хирургические иссечения халязионов верхних и нижних век. В 2024-2025 годах пациентка несколько раз в год проходила амбулаторные курсы консервативной терапии обострений хронического блефарита. Лечение включало местное применение

антибактериальных, антисептических, стероидных и нестероидных противовоспалительных, антигистаминных, иммуностимулирующих и антиоксидантных средств. Пациентка не отметила эффекта от проведенного хирургического и консервативного лечения. Аллергологический анамнез не отягощен. Сопутствующие заболевания: хронический гастрит, дискинезия желчевыводящих путей, гиперлипидемия.

16.08.2024 года при офтальмологическом обследовании в университетской клинике был зафиксирован следующий *локальный офтальмологический статус (status localis)*. *Визометрия*: Visus OD = 1,0; Visus OS = 0,8 (коррекция sph+0,75D cyl-1,50D ax96° = 0,9). *Тонометрия (P0)*: оба глаза = 14 мм рт. ст. *Наружный осмотр и биомикроскопия*: на обоих глазах – гиперемия и утолщение (инфильтрация, отек) ресничного края век. Поверхность век деформирована множественными малоблезненными инфильтратами мейбомиевых желез диаметром от 5 до 13 мм, преимущественно расположенными в области средней трети век (Рис. 1). При этом отмечается резкое сужение устьев указанных желез. Конъюнктивита отечна, выявлена гипертрофия лимфоидных фолликулов, наличие мелких и средних везикул на конъюнктиве век, серозное отделяемое. Оптические среды прозрачны, состояние после LASIK. Передняя камера мельче средних размеров, радужка структурно сохранена, зрачок 3×3 мм, фотореакция живая.

Рис. 1. Множественные инфильтраты мейбомиевых желез век (пациентка М., до начала лечения)

Глазное дно: диск зрительного нерва бледно-розовый с четкими границами, миопический конус, артерии умеренно спазмированы, вены умеренно полнокровны, макулярная зона: физиологические рефлексии сглажены, единичные друзы.

На основании полученных данных сформулирован *клинический диагноз*: OU – Обострение хронического конъюнктивита вирусной этиологии, осложненное блефаритом и множественным мейбомитом. Множественные

рубцовые изменения век. Состояние после многократного иссечения халязионов (2022, 2023). Миопия средней степени, оперированная (LASIK, 2011). Друзы макулярной области сетчатки.

Ретроспективный анализ лабораторных данных за четыре года неоднократно показал: лимфоцитоз, нейтропению, моноцитоз крови; частые колебания титров Ig G к ВПГ 1, 2 типа (от 1:800 до 1:2400) с трехкратным повышением и снижением; при исследовании методом ПЦР слюны неоднократно обнаруживалась ДНК ВПГ 1, 2 типа и вируса герпеса б типа.

Для выяснения причины хронического рецидивирующего воспаления конъюнктивы и век пациентке назначено дополнительное лабораторное обследование.

Рекомендовано общесоматическое дообследование: общий анализ крови и мочи, биохимия крови, липидограмма, ИФА крови на Ig G к герпесвирусам (ВПГ 1, 2; V. Zoster; ЦМВ; ВЭБ; ВГ 6, 7), ПЦР слюны с количественным определением копий вирусов герпеса (указанные выше типы). Выполнена флюорография придаточных пазух носа, УЗИ органов брюшной полости (печень, поджелудочная железа). Консультации смежных специалистов: стоматолог (санация очагов инфекции), гастроэнтеролог (исключение хронических инфекций ЖКТ), кардиолог (по поводу дис- и гиперлипидемии).

Назначенная терапия включала местное и системное (внутривенно струйно, внутримышечно, перорально) введение противовирусных препаратов (панавир, виферон, валациклоvir), нестероидного противовоспалительного (диклофенак), противоотечного (диакарб), а также антиоксидантов и нейропротекторов. На второй неделе лечения отмечено значительное улучшение местного статуса и уменьшение жалоб (Рис. 2).

Рис. 2. Регресс множественных инфильтратов мейбомиевых желез век (пациентка М., через 3 недели назначенного лечения)

В последующем катамнезе пациентка М. получала регулярные (раз в шесть месяцев) курсы местной и системной противорецидивной противовирусной и противовоспалительной терапии с последующей иммуномодулирующей и витаминной поддержкой (совместно с офтальмологом, иммунологом, гастроэнтерологом, инфекционистом).

Обсуждение. В клинической практике врачей узких специальностей установление связи между герпетическим поражением целостного организма и отдельных органов сопряжено с диагностическими трудностями. Это приводит не только к редкой диагностике данной патологии, но и к значительному утяжелению ее исходов.

Важно учитывать, что периневральный путь распространения герпетической инфекции наиболее характерен для взрослых пациентов и может не сопровождаться системным иммунным ответом (Министерство здравоохранения Российской Федерации. Клинические рекомендации «Простой герпес у взрослых». Национальное научное общество инфекционистов, 2024). В связи с этим большое значение приобретает выявление других клинических проявлений предполагаемого патогена (так называемых «эпидемиологических ключей»). Например, наличие характерных герпетических высыпаний на коже и слизистых, что наблюдалось у описанной пациентки.

Авторы также обращают внимание на множественные сопутствующие мультифокальные проявления диссеминированной герпетической инфекции у этой пациентки, которые могут быть упущены при анализе в рамках одной специальности: терапевт выявил изменения в общем анализе крови (нейтропения, лимфоцитоз, моноцитоз); стоматолог диагностировал герпетический стоматит; инфекционист установил хроническую герпетическую инфекцию с длительным субфебрилитетом.

Данный случай уникален тем, что детальный анализ результатов стандартных офтальмологических методов исследования в сочетании со сбором развернутого анамнеза (включая данные общесоматического обследования) позволяет выявить причинно-следственные связи патологического процесса. Например, биомикроскопия дает возможность офтальмологу обнаружить специфические признаки вирусного агента (герпетические везикулы на конъюнктиве век), что и определило этиологию воспаления век.

Заключение. Представленное клиническое наблюдение демонстрирует разнообразие проявлений локальной и генерализованной герпетической инфекции и подтверждает необходимость мультидисциплинарного подхода

для установления этиологического фактора. Врачу любой специальности следует помнить, что локальное заболевание зачастую является лишь проявлением системного процесса. Таким образом, данный клинический случай иллюстрирует разные подходы к определению причины рецидивирующих осложнений хронического инфекционного конъюнктивита, что влечет за собой выбор ошибочной либо успешной тактики лечения. Следовательно, даже при амбулаторном ведении пациента врач-офтальмолог должен помнить о первостепенной роли этиологии выявляемой патологии.

Список литературы

1. Ramírez-Colombres M., Maenza C. E., Rocchetti N. S. et al. COVID-19 y encefalitis por herpesvirus [COVID-19 and herpesvirus encephalitis] // *Rev Neurol.* – 2022. – № 74 (8). – P. 280-283. DOI: 10.33588/rn.7408.2021121.
2. Tunkel A. K., Glasser C. A, Bloch K. C. et al. The management of encephalitis clinical practice guidelines by the infectious diseases Society of America // *Clinical infectious disease.* – 2008. – № 47 (3). – P. 303-327. DOI: 10.1086/589747.
3. Крыжановская С. В., Шнайдер Н. А., Панина Ю. С. и др. Состояние зрительной афферентации у больных с хроническим герпесвирусным энцефалитом: пилотное исследование // *Вестник клинической больницы № 51.* – 2011. – № 2-3. – С. 89-93.
4. Zhang F., Sumida A., Margolesky J. et al. HSV-2 encephalitis presenting as multifocal ischemic stroke // *Neurol Sci.* – 2017. – № 38 (12). – P. 2229-2230. DOI: 10.1007/s10072-017-3100-9.
5. Touhami S., Touthee A., Chung Y. R. et al. Retinitis virales [Viral retinitis] // *J Fr Ophthalmol.* – 2024. – № 47(10). – P. 104341. DOI: 10.1016/j.jfo.2024.104341.
6. Ros-Arlanzón P., Alcaraz-Graña M. Herpes Simplex Virus Blepharitis // *N Engl J Med.* – 2025. – N. 393(17). – P. 1730. DOI: 10.1056/NEJMicm2510424
7. Чернакова Г. М., Аржиматова Г. Ш., Ширшова Е. В. и др. Ретроспективный анализ структуры, причин и вариантов тяжести офтальмогерпеса // *Офтальмология.* – 2025. – № 22 (2). – С. 449-457. DOI: 10.18008/1816-5095-2025-2-449-457.
8. Meyer J. J. Rates of Herpes Simplex Virus Types 1 and 2 in Ocular and Periocular Specimens // *Ocul Immunol Inflamm.* – 2023. – № 31(1). – P. 149-152. DOI: 10.1080/09273948.2021.1998548.

9. Чернакова Г. М. Полимеразная цепная реакция в практике ведения пациентов с офтальмогерпесом переднего отдела глаза: сравнительное исследование эффективности клинического применения // Офтальмология. – 2022. – № 19 (3). – С. 630-637. DOI: 10.18008/1816-5095-2022-3-630-637.

10. Корсакова Н. В., Корсакова Е. И. Случай двусторонней прогрессирующей потери зрения ребенка: есть ли шанс восстановить зрение? // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. – 2025. – Т. 6. – С. 30-35.

© Корсакова Е.И., 2026

УДК 616.12-005.4-06:616.132-008.6-002.1

ФАКТОРЫ РИСКА ИБС У ПАЦИЕНТОВ С ОСТРЫМ КОРОНАРНЫМ СИНДРОМОМ

Нарожная Анастасия Дмитриевна
Гриднева Алина Максимовна

студенты

Научные руководители: **Аксюткина Наталья Валерьевна**
д.м.н., профессор кафедры факультетской терапии

Большакова Татьяна Юрьевна

к.м.н., доцент кафедры факультетской терапии
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский
университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»

Минздрава Российской Федерации

Аннотация: проанализированы факторы риска ишемической болезни сердца у 522 пациентов с острым коронарным синдромом, госпитализированных в КМКБ № 20 им. И.С. Берзона (г. Красноярск) в 2023 году. Пациенты разделены на две группы: с острым инфарктом миокарда (n=166) и нестабильной стенокардией (n=35). Выявлено, что в группе ОИМ по сравнению с НС статистически значимо чаще встречается курение (34,3% относительно 16,7 %, $p<0,0001$) и повышен уровень триглицеридов (1,22 [0,84;1,87] относительно 1,04 [0,69;1,61], $p<0,001$). Расчет отношения шансов продемонстрировал 2,6-кратное повышение риска ОИМ при наличии курения. По остальным изученным факторам риска достоверных различий между группами не установлено.

Ключевые слова: факторы риска, ишемическая болезнь сердца, острый инфаркт миокарда, нестабильная стенокардия, дислипидемия, гипертриглицеридемия, табакокурение.

RISK FACTORS FOR CORONARY HEART DISEASE IN PATIENTS WITH ACUTE CORONARY SYNDROME

Narozhnaya Anastasia Dmitrievna
Gridneva Alina Maksimovna

Scientific advisers: **Aksyutina Natalia Valerievna**
Bolshakova Tatiana Yurievna

Abstract: the analysis of risk factors for coronary heart disease in 522 patients with acute coronary syndrome hospitalized in the Berzon Clinical Hospital No. 20 (Krasnoyarsk) in 2023 was carried out. The patients were divided into two groups: those with acute myocardial infarction (n=166) and unstable angina (n=35). Smoking was found to be significantly more common in the AMI group (34.3% vs. 16.7%, $p<0.0001$) and triglyceride levels were elevated (1.22 [0.84;1.87] vs. 1.04 [0.69;1.61], $p<0.001$). The calculation of the odds ratio demonstrated a 2.6-fold increase in the risk of AMI in the presence of smoking. There were no significant differences between the groups for the other studied risk factors.

Key words: risk factors, coronary heart disease, acute myocardial infarction, unstable angina, dyslipidemia, hypertriglyceridemia, smoking.

В связи с высокой распространенностью и летальностью, масштабную проблему мирового здравоохранения составляют сердечнососудистые заболевания (ССЗ) [1-3], обусловленные преимущественно ишемической болезнью сердца (ИБС) [2]. В Красноярском крае в 2023 году зафиксирован рост смертности от ССЗ на 11 % относительно 2022 года: показатель смертности достиг 192 случаев на 100 тысяч населения в 2023-м против 171,9 в предыдущем году [4]. Специалисты в области кардиологии акцентируют внимание на необходимость целенаправленной коррекции модифицируемых факторов риска для предупреждения развития данного заболевания [5-7]. К числу таких факторов относят: гиперлипидемию, табакокурение, избыточную массу тела, сахарный диабет, артериальную гипертензию, низкую физическую активность, острые и хронические стрессовые состояния [5, 6, 8, 9]. С учётом более высокой смертности при ОИМ (3,6 %) по сравнению с НС (1,1 %) и при условии стандартизированного лечения (по данным КМКБ № 20 г. Красноярска) [10]. Нами было организовано исследование с целью выявления различий в факторах риска ИБС у пациентов с ОИМ и НС, проходивших стационарное лечение в КМКБ № 20 г. Красноярска в период с января по декабрь 2023 года.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать медицинские карты пациентов с ОКС, поступивших в КМКБ № 20 г. Красноярска в 2023 году;
- 2) изучить факторы риска ИБС отдельно в группах пациентов с НС и ОИМ;
- 3) выполнить сравнительную оценку факторов риска ИБС между группами пациентов с НС и ОИМ.

Материалы и методы

На основании анализа 522 историй болезней пациентов, госпитализированных с диагнозом острый коронарный синдром (ОКС), сформированы две клинические группы: 1 группа – пациенты с ОИМ (n=166): 96 мужчин и 70 женщин. Медиана возраста составила 65,00 [54,00;74,00] лет; 2 группа – пациенты с НС (n=356): 170 мужчин и 186 женщин. Медиана возраста 68,00 [60,00;75,00] лет. Статистически значимых возрастных различий между группами не выявлено ($p>0,05$).

Для статистической обработки данных использованы программные пакеты EXCEL, STATISTICA FOR WINDOWS 10.0 и IBM SPSS 20. Применялись: критерий χ^2 для сравнения качественных признаков; U-критерий Манна-Уитни для анализа количественных показателей; расчёт отношения шансов для оценки ассоциаций. Уровень статистической значимости принят за $p\leq 0,05$.

Результаты исследования

Наше исследование показало, что табакокурение статистически значимо чаще встречалось у пациентов с ОИМ по сравнению с пациентами с НС (34,3% относительно 16,7%, $p<0,0001$), рис.1.

Рис. 1. Частота табакокурения в исследуемых группах

Отношение шансов показывает, что у пациентов с ИБС риск развития ОИМ повышается в 2,6 раз при наличии табакокурения, рис. 2.

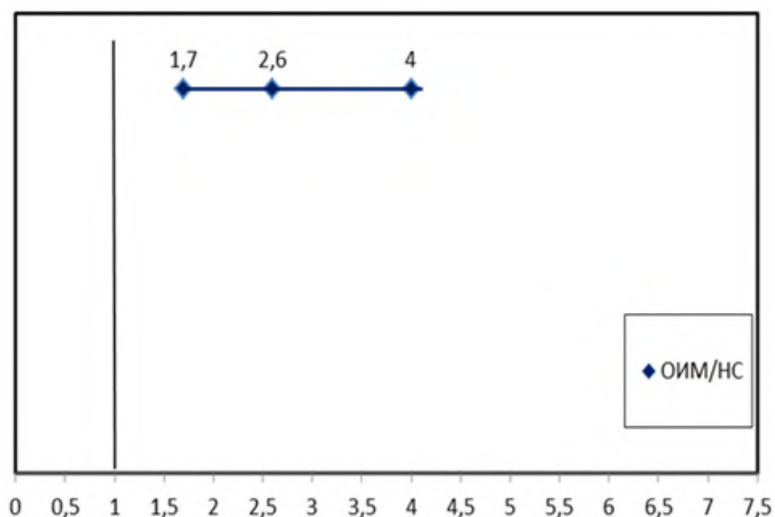

Рис. 2. Отношение шансов частоты табакокурения у больных с ОИМ

Сравнивая липидный профиль по таким показателям, как ОХС, ХС ЛПНП, ТГ, было выявлено, что в группе с ОИМ больше пациентов с гипертриглицеридемией по сравнению с группой с НС (29,3% относительно 21,3%, $p=0,059$), рис. 3. При этом прослеживается статистически значимо более высокий уровень ТГ в группе больных с ОИМ в сравнении с пациентами с НС (1,22 [0,84; 1,87] относительно 1,04 [0,69; 1,61], $p<0,001$), рис. 4.

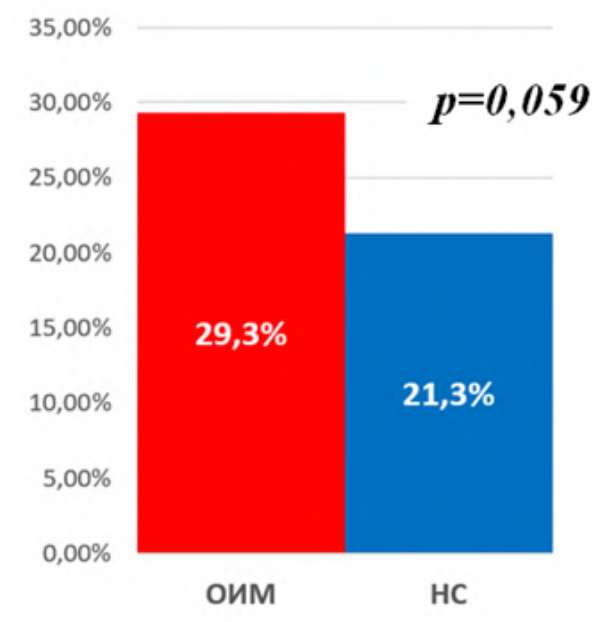

Рис. 3. Частота пациентов с гипертриглицеридемией в сравниваемых группах

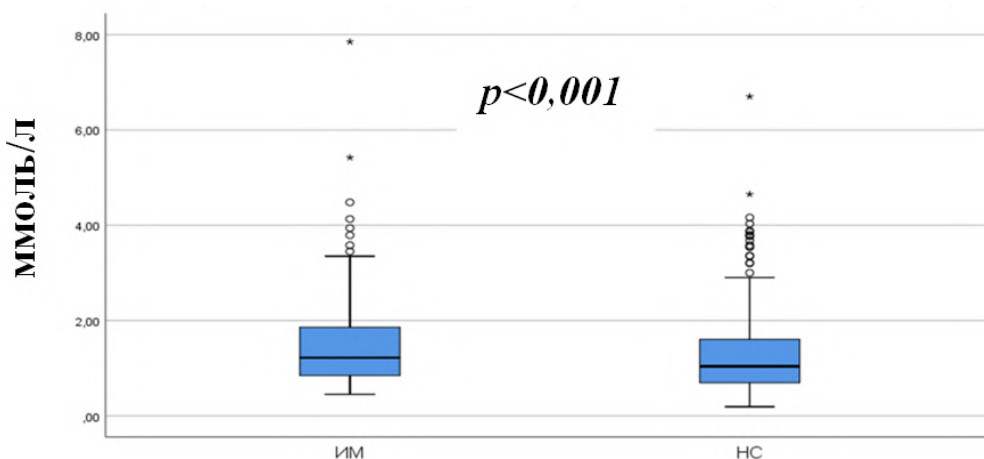

Рис. 4. Уровень триглицеридов в исследуемых группах

Уровень гиперлипидемии (повышение ОХС и ХС ЛПНП) и другие проанализированные нами факторы риска ИБС (наличие сахарного диабета, ожирения, артериальной гипертензии) в выделенных нами группах сравнения статистически значимо не отличались.

Выводы. Таким образом, у пациентов с ОИМ, по сравнению с пациентами с НС, статистически значимо чаще выявлялся такой фактор риска ИБС как табакокурение. В группе пациентов с ОИМ показатели уровня ТГ были статистически значимо выше по сравнению с группой больных с НС.

Список литературы

1. Бойцов С. А., Шахнович Р. М., Эрлих А. Д., Терещенко С. Н., Кукава Н. Г., Рытова Ю. К., Бельская Е. В. Регистр острого инфаркта миокарда. РЕГИОН-ИМ – Российский регистр острого инфаркта миокарда. Кардиология. - 2021. - №61(6). - С. 41–51.
2. Суслин С. А., Кирьякова О. В., Богатырева Г. П., Измалков Н. С. Садреева С. Х., Шешунова Р. А. Болезни системы кровообращения как современная проблема общественного здоровья. Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. - 2024. - № 1. - С. 540–560.
3. Visseren F. L. J., Mach F., Smulders Y. M., Carballo D., Koskinas K. C., Bäck M. ESC Scientific Document Group. 2021 ESC Guidelines on cardiovascular disease prevention in clinical practice. European heart journal. - 2021. - № 42 (34). - С. 3227–3337.

4. Болезни системы кровообращения. Организация кардиологической помощи населению Красноярского края. Реализация регионального проекта «Борьба с сердечнососудистыми заболеваниями». Доклад о состоянии здоровья населения и организации здравоохранения Красноярского края по итогам деятельности за 2023 год / Министерство здравоохранения Красноярского края. Красноярск. - 2024. - С. 21-25.

5. Новикова Р. А., Бохан Н. А., Алексейчик С. Е., Панкратова Ю. Ю. Прогнозирование возможного развития ишемической болезни сердца у молодых людей в зависимости от факторов риска и ее профилактика. Военная медицина. - 2020. - № 4. - С. 48–55.

6. Соловьев О. В., Шишкин А. Н. Модифицируемые факторы риска ИБС. Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. - 2021. - № 16 (2).- С. 726–731.

7. Хватова Ю. Г., Чернышев А. В. Факторы риска ишемической болезни сердца и их профилактика. Тамбовский медицинский журнал.- 2024.- № 6 (2). - С. 92–107.

8. Баздырев Е. Д., Максимов С. А., Галимова Н. А., Мулерова Т. А., Индукаева Е. В., Артамонова Г. В., Барбараш О. Л. Связь курения с ишемической болезнью сердца в зависимости от других факторов сердечнососудистого риска. Бюллетень сибирской медицины. – 2021. - № 20 (1). - С. 7–15.

9. Демидова Т. Ю., Ушанова Ф. О. Нарушения липидного обмена у пациентов с сахарным диабетом 2 типа: фокус на гипертриглицеридемию. FOCUS Эндокринология. - 2024. - № 5 (2).- С. 25–30.

10. Аксютин Н. В., Большакова Т. Ю., Нарожная А. Д., Гриднева А. М. Анализ факторов риска у пациентов с острым коронарным синдромом, госпитализированных в КГБУЗ КМКБ № 20 им. И.С. Берзона г. Красноярск. Кардиоваскулярная терапия и профилактика. - 2025. - № 24. - С. 5.

© Нарожная А.Д., Гриднева А.М.

УДК 616.12-008.331.1-07:[61-057.875]

РАННЯЯ ДИАГНОСТИКА АРТЕРИАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕНЗИИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Баженова Анастасия Тимофеевна

студент

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Ахметов Андрей Ринатович

Гусенова Насифат Гарибовна

студенты

Научный руководитель: **Аксютин Наталья Валерьевна**

д.м.н., профессор кафедры факультетской терапии

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный

медицинский университет имени профессора

В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России

Аннотация: сохранение здоровья студенческой молодежи остаётся важной задачей современной медицины, при этом особое значение имеет раннее выявление бессимптомных форм сердечно-сосудистой патологии. Несмотря на достаточный уровень осведомлённости студентов медицинского вуза в вопросах профилактики заболеваний, артериальная гипертензия у данной категории лиц может длительное время протекать скрыто и оставаться не диагностированной. Цель исследования – изучить частоту выявления нарушений суточного профиля артериального давления у студентов при проведении суточного мониторирования артериального давления (СМАД) в условиях учебного процесса. Обследовано 36 студентов. По результатам СМАД артериальная гипертензия выявлена у 30,60% обследуемых. Установлено, что гипертензия статистически значимо чаще регистрируется в ночные часы как по систолическому, так и по диастолическому артериальному давлению ($p < 0,05$). Выявлены положительные корреляционные связи между возрастом и показателями ночного артериального давления. Полученные данные свидетельствуют о высокой диагностической значимости СМАД в выявлении скрытой артериальной гипертензии у студентов и обосновывают целесообразность его применения в условиях учебного процесса.

Ключевые слова: СМАД, артериальная гипертензия, скрытая гипертензия, суточное мониторирование артериального давления, студенты, ночная гипертензия, ранняя диагностика.

EARLY DIAGNOSIS OF ARTERIAL HYPERTENSION IN MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS

Bazhenova Anastasia Timofeevna

Akhmetov Andrey Rinatovich

Gusenova Nasifat Garibovna

Scientific adviser: **Aksyutina Natalia Valeryevna**

Abstract: preserving the health of the student population remains an important task of modern medicine, with particular emphasis on the early detection of asymptomatic forms of cardiovascular pathology. Despite a sufficient level of awareness among medical students regarding disease prevention, arterial hypertension in this group may remain latent for a long time and go undiagnosed. The aim of the study was to assess the frequency of abnormalities in the circadian blood pressure profile among students using 24-hour ambulatory blood pressure monitoring (ABPM) in an educational setting. A total of 36 students were examined. According to ABPM results, arterial hypertension was detected in 30.60% of the participants. It was found that hypertension was statistically significantly more frequent during nighttime hours for both systolic and diastolic blood pressure ($p < 0.05$). Positive correlations were identified between age and nighttime blood pressure parameters. The findings indicate the high diagnostic value of ABPM in detecting latent arterial hypertension in students and support the feasibility of its use within the educational process.

Key words: ambulatory blood pressure monitoring (ABPM), arterial hypertension, masked hypertension, 24-hour blood pressure monitoring, students, nocturnal hypertension, early diagnosis.

Значимой задачей системы здравоохранения является сохранение здоровья молодого населения, при этом особое внимание уделяется организованным коллективам, в том числе учащимся высших учебных заведений. Касательно студентов медицинского вуза, они представляют особую группу, поскольку в процессе обучения не только осваивают

профессиональные знания и навыки, но и формируют ответственное отношение к вопросам профилактики, ранней диагностики и сохранения здоровья, что обуславливает более высокий уровень их осведомленности в области здорового образа жизни [1-4].

Ежегодно студентам проводятся плановые медицинские осмотры. Они включают лабораторные и функциональные методы исследования, а также осмотр специалистов. В случае выявления или подозрения на какую-либо патологию, рекомендуется пройти более углубленное обследование. Однако существуют ситуации, когда у студентов заболевание протекает бессимптомно, это наблюдается и в кардиологической практике [5]. Наличие нормотензии при однократном измерении артериального давления (АД) на приеме не позволяет достоверно исключить наличие эпизодов повышения АД. Возможен вариант, что при однократном измерении АД фиксируются высокие цифры, которые можно связать с «синдромом белого халата» [5, 6]. В связи с этим важное значение приобретает суточное мониторирование артериального давления (СМАД). Данное исследование позволяет регистрировать показатели АД в течение суток, оценивать дневные и ночные значения, выявлять скрытую артериальную гипертензию, в том числе ночную гипертензию, а также определять особенности циркадного ритма АД [5, 7-10]. Однако, если в анамнезе нет жалоб, отсутствует артериальная гипертензия при однократном измерении АД, СМАД не рекомендуют. Вследствие этого артериальная гипертензия у лиц молодого возраста может длительное время протекать бессимптомно и оставаться не диагностированной, что со временем может привести к поражению органов-мишеней и в дальнейшем к осложнениям, таким как ишемическая болезнь сердца, сердечной недостаточности, к инфаркту миокарда, инсульту, хронической болезни почек, аритмиям [10].

Использование СМАД в учебном процессе на кафедре факультетской терапии КрасГМУ имеет не только учебное назначение, но и диагностическое. При изучении темы «Гипертоническая болезнь» студенты себе проводят данное исследование, после чего анализ результатов осуществляется совместно с преподавателем и врачом функциональной диагностики. Такой формат практико-ориентированного обучения способствует более глубокому пониманию патогенеза и клинического течения артериальной гипертензии, формированию диагностических навыков, развитию клинического мышления и повышению заинтересованности обучающихся в изучении болезней. Это усиливает профилактическую направленность образовательного процесса, способствует формированию осознанного отношения к собственному

здоровью и позволяет своевременно рекомендовать дальнейшее обследование и наблюдение при выявлении отклонений [2]. С учетом накопленной базы данных результатов СМАД у студентов, принимая во внимание факты выявления ранее не диагностированной артериальной гипертензии, нами было проведено исследование с целью: изучить частоту выявления нарушений суточного профиля АД у студентов медицинского вуза при проведении СМАД в условиях учебного процесса.

Материалы и методы. Исследование проведено на базе кафедры факультетской терапии КрасГМУ в период учебного процесса у студентов 4 и 6 курсов лечебного факультета.

В исследование включено 36 студентов. Обследуемых разделили на две группы по гендерным признакам. В 1 группу вошло 13 мужчин, во 2 группу – 23 женщины. Средний возраст составил $21,43 \pm 2,16$ лет. Статистически значимых различий по возрасту между мужчинами и женщинами не выявлено ($21,15 \pm 2,05$ лет относительно $21,74 \pm 2,54$ лет, $p > 0,05$).

При анализе результатов СМАД оценивали наличие гипертензионного синдрома, в том числе отдельно оценивалось систолическая и диастолическая артериальная гипертензия как в дневные, так и ночные часы мониторинга.

Статистическая обработка материала проводилась с использованием пакета прикладных программ Microsoft Excel, Statistica for Windows 10 и IBM SPSS Statistics 20. Качественные данные представлены в виде абсолютных чисел и относительных частот (в процентах). Для сравнения качественных показателей использовали критерий χ^2 Пирсона. В связи с ненормальным распределением количественных данных применяли непараметрический U-критерий Манна–Уитни. Корреляционный анализ проводили с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Различия считали статистически значимыми при $p \leq 0,05$.

Результаты исследования. По результатам СМАД артериальная гипертензия выявлена у 11 обследованных из 36 студентов (30,60%). Среди них: в 1 группе у 5 мужчин (38,46%) и во 2 группе у 6 женщин (26,09%). Различия в группах по частоте выявления артериальной гипертензии статистически не значимы, $p > 0,05$, (рис. 1).

У обследованных чаще выявлялась гипертензия по систолическому АД в ночные часы мониторинга – у 10 человек (27,78%). В дневные часы систолическая артериальная гипертензия зарегистрирована у 3 (8,33%)

обследуемых. Повышение диастолического АД в дневные часы отмечено у 2 (5,56%), в ночные часы – у 9 (25,00%).

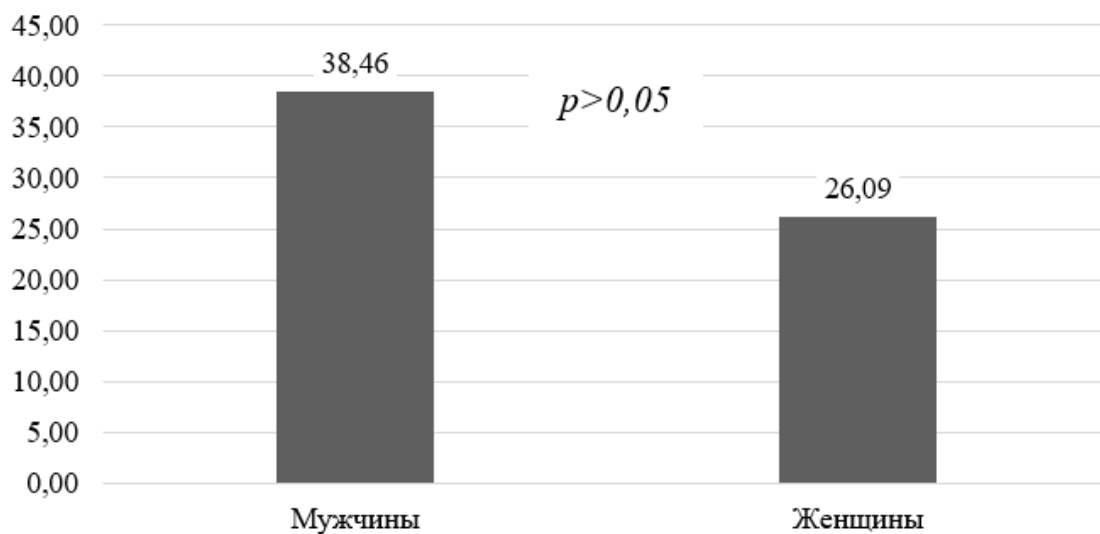

Рис. 1. Частота выявления гипертензионного синдрома по данным СМАД у студентов в зависимости от пола

Повышение АД статистически значимо чаще диагностировалась в ночное время как по систолическому АД (27,78% относительно 8,33% днем, $p < 0,05$), так и по диастолическому АД (25,00% относительно 5,56% днем, $p < 0,05$), (рис. 2).

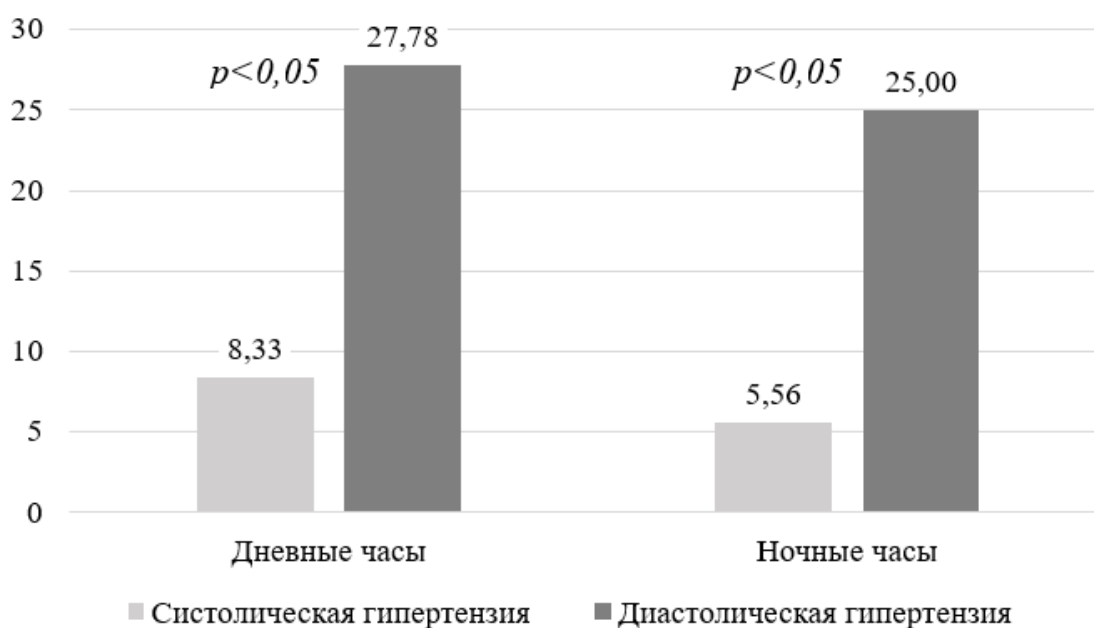

Рис. 2. Частота систолической и диастолической артериальной гипертензии по данным СМАД

Проведенный корреляционный анализ выявил статистически значимые положительные корреляционные связи между возрастом обследуемых с ночным систолическим ($r=0,381$; $p=0,022$) и ночным диастолическим АД ($r=0,425$; $p=0,01$), (рис. 3). Также выявлена статистически значимая прямая корреляционная связь систолической ночной гипертензией с диастолической ночной гипертензией ($r=0,931$; $p=0,0001$).

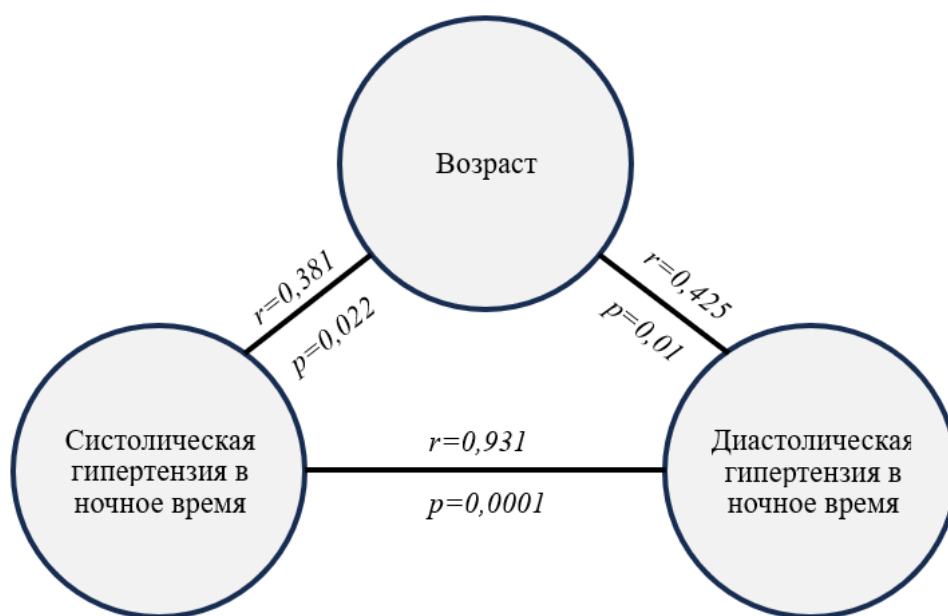

Рис. 3. Влияние возраста обследуемого на систолическую и диастолическую гипертензию в ночное время

Таким образом, при проведении СМАД у студентов, не предъявляющих жалоб и не имеющих установленного диагноза артериальной гипертензии, статистически значимо чаще выявляются систолическая и диастолическая гипертензии в ночные часы мониторинга. В дневные часы повышение АД артериальная гипертензия регистрировалось существенно реже и носило изолированный характер.

Заключение

1. У студентов медицинского вуза без установленного диагноза артериальной гипертензии по данным СМАД гипертензионный синдром выявлен в 30,60% случаев.
2. Выявлена статистически значимая положительная корреляционная связь между возрастом обследуемых и показателями ночной систолической и диастолической артериальной гипертензии.

3. Полученные данные подтверждают высокую диагностическую ценность СМАД, проведенного в условиях учебного процесса с целью раннего выявления артериальной гипертензии.

4. Включение СМАД в образовательную практику способствует повышению профилактической направленности обучения и формированию ответственного отношения студентов к собственному здоровью.

Список литературы

1. Закирова, А. И. Отношение студентов к здоровому образу жизни / А. И. Закирова, О. Г. Литовченко, А. В. Тостановский // Профилактическая медицина. — 2023. — Т. 26, № 3. — С. 75–80. — DOI: 10.17116/profmed 20232603175.

2. Факторы риска, определяющие состояние здоровья студенческой молодежи (на примере красноярского государственного медицинского университета им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого) / Н. В. Аксютин, Т. Ю. Большакова, Д. А. Надеждина [и др.]. — Текст : непосредственный // Медико-фармацевтический журнал «ПУЛЬС». — 2025. — № 3. — С. 64-71.

3. Антонова А. А., Яманова Г. А. Здоровый образ жизни и здоровье современных студентов // МНИЖ. 2022. № 7-2 (121). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovyy-obraz-zhizni-i-zdorovie-sovremennyh-studentov> (дата обращения: 02.04.2026).

4. Шупина М. И., Логинова Е. Н., Семенкин А. А. Артериальная гипертензия у лиц молодого возраста: эффективность современных профилактических технологий в амбулаторной практике // ОНВ. 2011. № 1 (104). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arterialnaya-gipertenziya-u-lits-molodogo-vozrasta-effektivnost-sovremennyh-profilakticheskikh-tehnologiy-v-ambulatornoy-praktike> (дата обращения: 03.04.2026).

5. Евсеева Мария Евгеньевна, Сергеева О. В., Никулина Г. П., Батурина М. В., Памукче С. В., Найманова З. Н., Литвинова М. В. Особенности суточного профиля артериального давления у лиц молодого возраста по данным работы центра студенческого здоровья // АГ. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sutochnogo-profilya-arterialnogo-davleniya-u-lits-molodogo-vozrasta-po-dannym-raboty-tsentra-studencheskogo-zdorovya> (дата обращения: 05.04.2026).

6. Ватулин Н.Т., Складная Е.В. Показатели суточной мониторограммы артериального давления у лиц молодого возраста с разным уровнем офисного

артериального давления // Артериальная гипертензия. 2018;24(4): 427-434. <https://doi.org/10.18705/1607-419X-2018-24-4-427-434>

7. Бубнова Валерия Сергеевна, Шапошник Игорь Иосифович «Скрытая» артериальная гипертензия в молодом возрасте // АГ. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skrytaya-arterialnaya-gipertenziya-v-molodom-vozhraсте> (дата обращения: 03.04.2026).

8. Мультиановский Борис Львович, Лениг С. А. Показатели суточного мониторинга артериального давления у молодых мужчин на начальных этапах развития артериальной гипертензии // АГ. 2011. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-sutochnogo-monitoringa-arterialnogo-davleniya-u-molodyh-muzhchin-na-nachalnyh-etapah-razvitiya-arterialnoy-gipertenzii> (дата обращения: 05.04.2026).

9. Ярцев С. С. Суточное мониторирование артериального давления (СМАД) в повседневной практике врача практическое пособие / С. С. Ярцев. — 3-е изд., перераб. и доп.. — Москва : ГЭОТАР-МЕДИА, 2023. — 64 с. ил., табл.; 24. — ISBN 978-5-9704-7985-8.

10. Артериальная гипертензия у взрослых. Клинические рекомендации 2024 / Российское кардиологическое общество. URL: https://old.scardio.ru/content/Guidelines/2024_AG.pdf (дата обращения: 06.04.2026).

© Баженова А.Т., Ахметов А.Р.,
Гусенова Н.Г., 2026

**СУБКЛИНИЧЕСКАЯ ТРЕВОГА И ДЕПРЕССИЯ
У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
ДВА КРИТИЧЕСКИХ ПЕРИОДА**

**Самедова Аида Гамлетовна
Эльдерова Салидат Садиховна
Исаева Зарема Газиевна
Цечоева Дали Мусаевна**

студенты

Научные руководители: **Григорьева Юлия Григорьевна**

к.м.н., доцент

Ткачева Наталья Владимировна

к.м.н., доцент

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
медицинский университет»

Аннотация: в статье рассматриваются результаты эмпирического исследования, посвященного оценке уровня аффективных нарушений у обучающихся медицинского ВУЗа. Диагностический инструментарий представлен госпитальной шкалой тревоги и депрессии (HADS). Установлено, что динамика тревожно-депрессивной симптоматики имеет волнообразный характер: пиковые значения регистрируются на начальном и завершающем этапах профессиональной подготовки. Первокурсники демонстрируют высокие показатели субклинической тревоги, что объясняется адаптационными процессами. У выпускников выявлено максимальное количество случаев клинически выраженной тревоги и субклинической депрессии, что связано с экзаменационным стрессом и ситуацией профессионального старта. Полученные данные обосновывают необходимость адресного психологического сопровождения на данных этапах обучения.

Ключевые слова: тревожные состояния, депрессивная симптоматика, HADS, студенты-медики, субклинический уровень тревоги, субклиническая депрессия, адаптация к обучению, стресс-факторы, психопрофилактика, критические периоды.

SUBCLINICAL ANXIETY AND DEPRESSION IN MEDICAL UNIVERSITY STUDENTS: TWO CRITICAL PERIODS

Samedova Aida Gamletovna

Elderova Salidat Sadikhovna

Isaeva Zarema Gazievna

Tsechoeva Dali Musaevna

Scientific advisers: Grigorieva Yulia Grigorievna

Tkacheva Natalya Vladimirovna

Abstract: the article presents the results of an empirical study aimed at assessing the level of affective disorders among medical university students. The diagnostic toolkit was represented by the Hospital Anxiety and Depression Scale (HADS). It was found that the dynamics of anxiety-depressive symptoms are undulating: peak values are recorded at the initial and final stages of professional training. First-year students demonstrate high rates of subclinical anxiety, which is explained by adaptation processes. Graduates showed the maximum number of cases of clinically significant anxiety and subclinical depression, which is associated with examination stress and the situation of professional start. The obtained data substantiate the need for targeted psychological support at these stages of education.

Key words: anxiety states, depressive symptoms, HADS, medical students, subclinical anxiety, subclinical depression, adaptation to learning, stress factors, psychoprophylaxis, critical periods.

Высокий уровень психоэмоционального напряжения, сопряженный с освоением медицинских специальностей, признан одним из значимых факторов, влияющих на успешность профессиональной подготовки и личностное благополучие обучающихся [1, с. 14]. Студенческая аудитория медицинского ВУЗа представляет собой группу риска в отношении развития тревожных и депрессивных расстройств в силу интенсивности учебной нагрузки, высокой ответственности и длительного периода обучения. Особую значимость приобретает выявление критических этапов, на которых вероятность формирования аффективных нарушений максимальна, поскольку это позволяет своевременно реализовать профилактические мероприятия [2, с. 18].

Цель настоящей работы — определить динамику субклинических проявлений тревоги и депрессии у студентов медицинского университета в зависимости от курса обучения с использованием госпитальной шкалы HADS.

Материалы и методы. Исследование проведено на базе ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет». В выборку вошли 60 респондентов, обучающихся на лечебном факультете. Формирование групп осуществлялось по принципу равного количественного состава: по 20 человек на первом, четвертом и шестом курсах. В качестве психодиагностического инструментария применялась госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS), которая позволяет дифференцировать уровни тревоги (HADS-A) и депрессии (HADS-D) в диапазонах: норма (0–7 баллов), субклиническая выраженность (8–10 баллов) и клинически значимые проявления (11 баллов и выше). Статистическая обработка данных выполнена с использованием параметрических методов описательной статистики.

Результаты и их обсуждение. В ходе анализа полученных данных выявлена нелинейная траектория изменений показателей аффективной сферы. На первом курсе средний балл по субшкале тревоги составил $8,2 \pm 2,9$, что соответствует субклиническому порогу. К четвертому курсу наблюдается снижение данного показателя до $6,9 \pm 2,5$, т.е. до уровня нормативных значений. Однако на шестом курсе регистрируется повторный подъем — средний балл достигает $8,9 \pm 3,1$, что является максимальным значением среди всех исследуемых групп (табл. 1). Аналогичная динамика прослеживается и в отношении депрессивной симптоматики: минимальные значения зафиксированы на четвертом курсе ($4,8 \pm 2,1$), тогда как к выпускному курсу они возрастают до $6,2 \pm 2,7$.

Таблица 1

Показатели тревоги и депрессии у студентов разных курсов ($M \pm \sigma$)

Курс	n	Тревога (баллы)	Депрессия (баллы)
1 курс	20	$8,2 \pm 2,9$	$5,1 \pm 2,3$
4 курс	20	$6,9 \pm 2,5$	$4,8 \pm 2,1$
6 курс	20	$8,9 \pm 3,1$	$6,2 \pm 2,7$

При анализе распределения респондентов по уровням тревоги (табл. 2) установлено, что субклиническая тревога наиболее часто встречается у студентов первого (35%) и шестого (30%) курсов. Доля лиц с клинически

выраженной тревогой на выпускном курсе составляет 25%, что значительно превышает аналогичный показатель на первом курсе (15%) и на четвертом курсе (5%). Данный факт свидетельствует о кумулятивном эффекте стресс-факторов, воздействующих на обучающихся в процессе профессиональной подготовки.

Таблица 2

Распределение респондентов по уровням тревоги (HADS-A)

Курс	Норма (0–7 баллов)	Субклиническая тревога (8–10 баллов)	Клиническая тревога (11 и более баллов)
1 курс	50% (10 чел.)	35% (7 чел.)	15% (3 чел.)
4 курс	70% (14 чел.)	25% (5 чел.)	5% (1 чел.)
6 курс	45% (9 чел.)	30% (6 чел.)	25% (5 чел.)

Распределение респондентов по уровням депрессии (табл. 3) также подтверждает наличие двух критических периодов. На первом курсе субклиническая депрессия диагностирована у 10% обучающихся, что, вероятно, отражает сложности вхождения в образовательную среду и привыкания к новым требованиям. На шестом курсе доля студентов с субклинической депрессией возрастает до 20%, кроме того, впервые выявляются случаи клинически значимой депрессии (5%). Важно отметить, что на четвертом курсе клиническая депрессия отсутствует, а субклинические проявления минимальны, что может указывать на наличие периода относительной психоэмоциональной стабильности в середине обучения.

Таблица 3

Распределение респондентов по уровням депрессии (HADS-D)

Курс	Норма (0–7 баллов)	Субклиническая депрессия (8–10 баллов)	Клиническая депрессия (11 и более баллов)
1 курс	90% (18 чел.)	10% (2 чел.)	0%
4 курс	95% (19 чел.)	5% (1 чел.)	0%
6 курс	75% (15 чел.)	20% (4 чел.)	5% (1 чел.)

Полученные данные позволяют выделить два ключевых периода уязвимости в процессе обучения в медицинском университете: начальный

этап (первый курс), сопряженный с процессами адаптации к условиям ВУЗа, и завершающий этап (шестой курс), характеризующийся воздействием комплекса стрессоров, включая подготовку к государственной итоговой аттестации и неопределенность дальнейшего трудоустройства. Относительная стабильность показателей на четвертом курсе, вероятно, обусловлена успешным завершением адаптационных процессов и сформированностью навыков совладающего поведения.

Представленные результаты согласуются с данными отечественных и зарубежных исследований, указывающими на высокую распространенность тревожных и депрессивных состояний среди студентов медицинских ВУЗов и их связь с интенсивностью образовательного процесса [1, с.16; 2, с.18]. Выявленные закономерности подтверждают необходимость разработки и внедрения дифференцированных программ психологической поддержки, ориентированных на студентов первого и шестого курсов. Целесообразными направлениями такой работы могут выступать обучение методам регуляции эмоционального состояния, развитие стрессоустойчивости и формирование навыков эффективного тайм-менеджмента.

Заключение. Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о наличии двух критических периодов в формировании тревожно-депрессивной симптоматики у студентов медицинского университета — первого и шестого курсов. На начальном этапе доминируют проявления субклинической тревоги, связанные с адаптацией; на завершающем этапе наблюдается нарастание как тревожных, так и депрессивных расстройств, включая клинически выраженные формы. Полученные результаты обосновывают необходимость организации адресной психопрофилактической работы с учетом выявленных критических периодов.

Список литературы

1. Андрющенко А.В., Дробжев М.Ю., Добровольский А.В. Сравнительная оценка шкал CES-D, BDI и HADS в диагностике депрессий в общемедицинской практике // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 2003. – Т. 103, № 5. – С. 11–18.
2. Голенков А.В., Николаев Е.Е. Проблемы психического здоровья у студентов-медиков в мире // Медицинская сестра. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 16–22.

© Самедова А.Г., Эльдерова С.С., Исаева З.Г., Цечоева Д.М., 2026

**СЕКЦИЯ
ТЕХНИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ УПРАВЛЕНИЯ
ПРОЕКТАМИ НА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ
МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА**

Лазуткина Александра Евгеньевна

магистр

Колосова Ольга Владимировна

д.т.н., профессор

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»

Аннотация: в статье рассматривается влияние цифровых инструментов управления проектами (task-трекеров, систем электронного документооборота, платформ для совместной работы) на результативность системы менеджмента качества, сертифицированной по ISO 9001:2015. Анализируются требования стандарта к документированной информации, прослеживаемости и коммуникациям, а также возможности их выполнения с помощью цифровых решений. Выявляются риски цифровизации для качества, включая проблемы информационной безопасности и готовности персонала.

Ключевые слова: система менеджмента качества, ISO 9001:2015, цифровизация, управление проектами, документированная информация, прослеживаемость, информационная безопасность.

**THE IMPACT OF DIGITAL PROJECT MANAGEMENT
TOOLS ON THE EFFECTIVENESS OF THE QUALITY
MANAGEMENT SYSTEM**

Lazutkina Alexandra Evgenievna

Kolosova Olga Vladimirovna

Abstract: the article examines the impact of digital project management tools (task trackers, electronic document management systems, collaboration platforms) on the effectiveness of an ISO 9001:2015 certified quality management system. The requirements of the standard for documented information, traceability and communications, as well as the possibilities of their implementation using digital

solutions, are analyzed. The risks of digitalization for quality are identified, including problems of information security and staff readiness.

Key words: quality management system, ISO 9001:2015, digitalization, project management, documented information, traceability, information security.

В условиях цифровой трансформации экономики организации все чаще обращаются к цифровым инструментам для управления проектами и обеспечения качества. Системы управления проектами (task-трекеры), платформы для совместной работы и системы электронного документооборота становятся неотъемлемой частью операционной деятельности инжиниринговых компаний. Однако внедрение цифровых инструментов создает как новые возможности для повышения результативности системы менеджмента качества (СМК), так и порождает риски, требующие управления. Как отмечают исследователи, «применение цифровых технологий в системах контроля и управления может значительно повысить уровень контроля за различными процессами и данными, обеспечить систему управления максимально объективными и свежими данными». При этом цифровые технологии могут как усложнять, так и упрощать управление качеством — все зависит от того, как организовано управление развитием информационных технологий и какова квалификация лиц, принимающих решения.

Цель статьи — проанализировать влияние цифровых инструментов управления проектами на выполнение требований ISO 9001:2015 к документированной информации, прослеживаемости и коммуникациям, а также выявить ключевые риски цифровизации для результативности СМК.

Стандарт ISO 9001:2015 в разделе 7.5 «Документированная информация» устанавливает требования к созданию, актуализации и управлению документацией СМК. Организация должна обеспечить, чтобы документированная информация была доступна и пригодна для использования, а также надлежащим образом защищена [1]. Применительно к управлению проектами это означает необходимость фиксации требований к продукции, результатов контроля, данных о несоответствиях и корректирующих действиях. Кроме того, стандарт требует обеспечения прослеживаемости процессов и результатов. В разделе 9.1 «Мониторинг, измерение, анализ и оценка» закреплена необходимость сбора и анализа данных о результативности процессов. Цифровые инструменты могут

существенно облегчить выполнение этих требований за счет автоматизации сбора данных, централизованного хранения и оперативного доступа к информации. Как подчеркивается в отраслевых публикациях, «применение цифровых технологий может значительно повысить уровень контроля за различными процессами и данными, обеспечить систему управления максимально объективными и свежими данными, на основе которых люди смогут максимально полно реализовывать седьмой принцип менеджмента качества — принятие решений, основанных на фактах» [1].

Опыт внедрения цифровых решений в управление качеством демонстрирует положительные результаты. Французская строительная компания SSE, сертифицированная по ISO 9001, внедрила цифровую платформу для мониторинга качества на строительных площадках. До внедрения цифрового решения у компании «была масса фотографий, которые не были отсортированы, локализованы или прокомментированы. Для вспомогательных технических команд было сложно понять, что имел в виду руководитель работ или менеджер объекта, и потеря информации была неизбежна» [2]. После внедрения платформы информация о контроле качества стала вводиться непосредственно на объекте, фотографии привязываются к точкам на плане, а отчеты формируются автоматически. Результатом стало упрощение подготовки к аудитам и повышение качества услуг [2].

Другой пример — компания BP Aero, поставщик услуг по обслуживанию авиационных двигателей, имеющая сертификаты FAA, EASA, SAAS, AS9110C и ISO 9001:2015. Компания перешла от бумажных систем и электронных таблиц к автоматизированной системе менеджмента качества. Результат: четыре из четырех внешних аудитов завершились с нулевыми несоответствиями по качеству [5]. Аудиторы высоко оценили систему, отметив, что «никогда не видели базу данных СМК, настолько адаптированную к целям ISO, отрасли и компании в целом» [5].

Российский опыт также подтверждает эффективность цифровизации СМК. Группа компаний «ЭКО РЕСУРС» автоматизировала СМК на базе «1С-КПД:СМК» в рамках национального проекта «Производительность труда». Результаты внедрения: сроки согласования документов сократились с нескольких дней до нескольких часов; исключен риск работы с устаревшими версиями документов; упростилась подготовка к внутренним и внешним аудитам [7].

Таким образом, цифровые инструменты управления проектами позволяют централизовать хранение документированной информации СМК, обеспечить контроль версий и актуальности документов, автоматизировать сбор и анализ данных о качестве, повысить прозрачность процессов для всех участников и упростить подготовку к сертификационным и внутренним аудитам.

Наряду с преимуществами, цифровизация СМК создает риски, требующие управления. Ключевые из них — риски информационной безопасности. Как отмечается в исследованиях, «кибербезопасность стала краеугольным камнем в архитектуре современных систем менеджмента качества, особенно в условиях цифровой трансформации» [3]. Поскольку СМК становятся все более взаимосвязанными и автоматизированными, полагаясь на аналитику данных, устройства Интернета вещей и облачные вычисления, они подвергаются множеству киберугроз [3]. Нарушение безопасности может поставить под угрозу целостность, доступность и конфиденциальность данных, лежащих в основе этих систем [3]. Согласно исследованию IBM, 40% утечек данных в облаке связаны с данными, хранящимися в нескольких средах, причем утечки в публичных облаках влекут за собой самые высокие средние затраты — 5,17 млн долларов [9]. В связи с этим стандарты ISO/IEC 27001 по информационной безопасности и ISO/IEC 42001 по управлению искусственным интеллектом, имеющие общую структуру с ISO 9001:2015, могут принести положительный эффект при совместном применении [1].

Другой значимый риск — неготовность персонала и корпоративной культуры к цифровой трансформации. Среди опасений руководителей предприятий отмечаются: «проблемы нарушения конфиденциальности информации в электронном виде из-за неконтролируемого доступа как внутри организации, так и извне; неготовность корпоративной культуры предприятия воспринять высокий уровень цифровизации СМК; нежелание перемен в принципе» [1]. Исследователи также выделяют проблему «разрыва в понимании» между специалистами по СМК и ИТ-специалистами: «Важно, чтобы специалисты в области СМК и цифровизации понимали друг друга, работали сообща в одной команде, чтобы специалисты по цифровизации понимали, что такое СМК, а специалисты по СМК понимали возможности цифровых технологий для развития СМК» [1]. Стандарты на системы

менеджмента имеют общую структуру именно для того, чтобы помочь организациям решить данную проблему [1].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Цифровые инструменты управления проектами создают значительные возможности для повышения результативности СМК. Они обеспечивают централизацию документированной информации, контроль версий, автоматизацию сбора данных о качестве, прозрачность процессов и упрощение подготовки к аудитам. Опыт российских и зарубежных компаний подтверждает, что цифровизация СМК может приводить к сокращению сроков согласования документов с нескольких дней до нескольких часов, а также к нулевым несоответствиям по результатам внешних аудитов.

Однако цифровизация порождает и новые риски для качества. Информационная безопасность становится критическим фактором, поскольку утечка или компрометация данных о качестве может привести к серьезным последствиям. Неготовность персонала и корпоративной культуры к цифровой трансформации также представляет значимый барьер, требующий управления. Эффективная цифровизация СМК возможна только при условии совместной работы специалистов по качеству и ИТ-специалистов, а также при интеграции требований стандартов ISO 9001, ISO/IEC 27001 и ISO/IEC 42001. Для инжиниринговых организаций системный подход к внедрению цифровых инструментов управления проектами с учетом как их преимуществ, так и сопутствующих рисков, является необходимым условием повышения результативности СМК и достижения целей в области качества.

Список литературы

1. Писаренко К. Цифровые помощники СМК / К. Писаренко, П. Никаноров, А. Сенник. — URL: <https://kachestvo.pro/kachestvo-upravleniya/sistemy-menedzhmenta/tsifrovye-pomoshchniki-smk/> (дата обращения: 09.04.2026).
2. PlanRadar. Digitising quality management on site: How CCE consolidates its ISO 9001 certification with PlanRadar. — 2023. — URL: <https://www.planradar.com/gb/customer-stories/cce/> (дата обращения: 09.04.2026).
3. Flevy Management Insights. What role does cybersecurity play in safeguarding Quality Management systems in the era of digital transformation? — 2025. — URL: <https://flevy.com/topic/quality-management-and-assurance/question/>

cybersecuritys-impact-quality-management-systems-digital-transformation (дата обращения: 09.04.2026).

4. Asia Growth Partners. BP Aero: Replacing Spreadsheets, Shared Emails, and Phone-Tag with Intellect's No-Code QMS. — URL: <https://asiagrowthpartners.com/case-study/bp-aero-replacing-spreadsheets-shared-emails-and-phone-tag-with-intellect-rsquo-s-no-code-qms/c13529> (дата обращения: 09.04.2026).

5. РБК Компании. «ЭКО РЕСУРС» автоматизировал СМК на базе «1С-КПД:СМК». — 2025. — URL: <https://Companies.RBC.ru/news/QNUOIpbF0d/eko-resurs-avtomatiziroval-smk-na-baze-1s-kpdsmk/> (дата обращения: 09.04.2026).

6. ISO 9001:2015. Quality management systems — Requirements. — ISO, 2015.

© Лазуткина А.Е., Колосова О.В., 2026

**МЕТОДИКА АПРИОРНОЙ ОЦЕНКИ ТОЧНОСТИ
НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ
И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЕ АПРОБАЦИИ**

Куслин Сергей Сергеевич

соискатель,

начальник отдела Центра прогнозирования

развития науки, техники и технологий

ФГУП «ВНИИ «Центр»

Аннотация: в статье рассмотрен методический подход к априорной оценке точности научно-технологических прогнозов. Проведен анализ существующих подходов к оценке точности результатов научно-технологического прогнозирования и предложена методика, позволяющая произвести расчет относительной точности, что обеспечивает сопоставимость ее оценок с остальными показателями качества научно-технологических прогнозов, а также приведен пример апробации разработанной методики.

Ключевые слова: качество прогноза, верификация, показатель качества, точность, доверительный интервал.

**A METHOD OF A PRIORI ASSESSMENT OF THE ACCURACY
OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL FORECASTS
AND THE RESULTS OF ITS TESTING**

Kuslin Sergey Sergeevich

Abstract: this article examines a methodological approach to a priori assessment of the accuracy of scientific and technological forecasts. It analyzes existing approaches to assessing the accuracy of scientific and technological forecast results and proposes a methodology for calculating relative accuracy, ensuring comparability of its estimates with other indicators of the quality of scientific and technological forecasts. An example of testing the developed methodology is also provided.

Key words: forecast quality, verification, quality indicator, accuracy, confidence interval.

Введение

Активное формирование стратегий научно-технологического развития на национальном и корпоративном уровнях в значительной степени опирается на результаты прогнозных исследований. Эффективность управленческих решений, инвестиции в перспективные научно-технологические области и оценка рисков напрямую зависят от точности этих прогнозов. В связи с этим закономерно возрастает потребность в объективных и надежных методах оценки точности результатов научно-технологического прогнозирования.

Несмотря на существование широкого спектра методов научно-технологического прогнозирования, вопрос оценки точности их результатов остается недостаточно систематизированным. Большинство существующих подходов носит качественный или описательный характер, что затрудняет сравнительный анализ. Отсутствие унифицированной количественной меры точности приводит к тому, что оценки разных прогнозов оказываются несопоставимыми между собой, а также с другими показателями их качества, такими как достоверность, обоснованность, полнота, информативность и полезность [1].

Для преодоления указанных методических ограничений в данной статье предлагается специализированный подход к априорной оценке точности научно-технологических прогнозов. Целью исследования является разработка методики, которая обеспечивает расчет сопоставимого показателя относительной точности.

Анализ основных методических подходов к оценке точности научно-технологических прогнозов

Точность научно-технологических прогнозов – широко распространенный в прогностической литературе термин, смысл которого как это представляется на первый взгляд, вполне очевиден. Однако содержание этого термина часто толкуется достаточно субъективно. Нередки случаи, когда одно понятие подменяется другим.

В работе [2], посвященной статистическим методам прогнозирования, отмечается, что о точности прогноза можно судить по величине погрешности (ошибки) прогноза. При таком суждении методический подход к оценке точности научно-технологических прогнозов заключается в расчете величины данной погрешности – вычислении абсолютной разности между прогнозируемым и фактическим значением (реализацией) исследуемой переменной:

$$E = |\hat{y} - y| \quad (1)$$

где E – точность научно-технологического прогноза;

\hat{y} – прогнозируемое значение исследуемой переменной;

y – фактическое значение исследуемой переменной.

Данный методический подход имеет смысл в случаях, когда:

– прогноз разрабатывается ретроспективно, т.е. прогнозирование осуществляется для некоторого ретроспективного периода времени, для которого уже имеются фактические данные. Так поступают в тех случаях, когда проверяется разработанная методика прогноза;

– период упреждения уже окончился, и исследователь имеет фактические значения переменной.

В первом случае, когда разработка прогноза осуществляется ретроспективно, определение точности как разницы между прогнозируемым и фактическим значением осуществляется для проверки разработанной прогнозной модели. То есть фактически определяется точность прогнозной модели, а не точность разработанного прогноза.

Второй случай не учитывает управляющее воздействие, которое лицо, принимающее решения (ЛПР) может прикладывать для достижения требуемых результатов. Так авторами работ [3, 4] приводится пример, когда ЛПР, имея дело с прогнозом нежелательного для него исхода события и исходя из этого действует так, чтобы предотвратить данный исход. Предположим, что ЛПР удалось предотвратить нежелательный для него исход события, то большая величина ошибки прогноза, в данном случае, не будет свидетельствовать о том, что данный прогноз был неточен.

В работах [5, 6] под термином «точность прогноза» понимается оценка доверительного интервала прогноза для заданной вероятности его осуществления. Графическая интерпретация данного понятия точности представлена на рисунке 1.

Методический подход к оценке точности научно-технологических прогнозов в данном случае заключается в вычислении ширины доверительного интервала:

$$E = \hat{y}_2^P - \hat{y}_1^P \quad (2)$$

где \hat{y}_1^P – значение прогнозной переменной верхней границы доверительного интервала для i -ой вероятности его осуществления;

\hat{y}_2^P – значение прогнозной переменной нижней границы доверительного интервала для i -ой вероятности его осуществления.

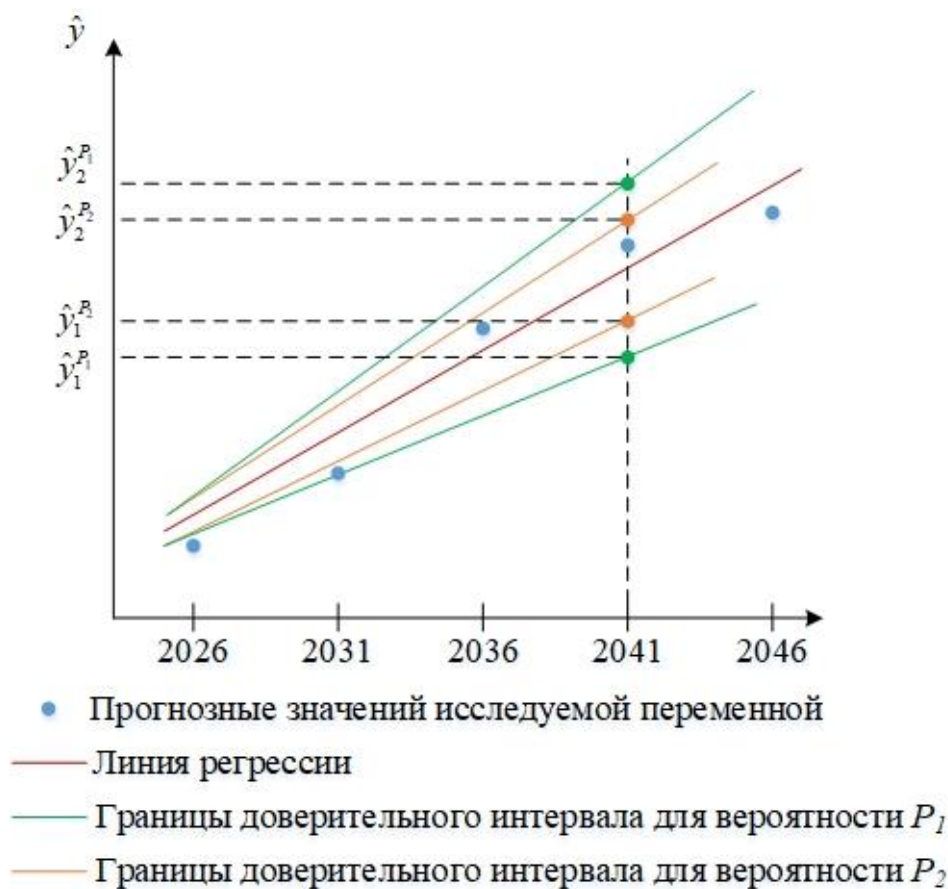

Рис. 1. Графическая интерпретация точности научно-технологических прогнозов

Методический подход расчета ширины доверительного интервала на основании t -критерия Стьюдента, который применяется когда объем выборки невелик (при $n < 30$), детально представлен в работе [1], где данный подход разобран на наглядном практическом примере, иллюстрирующем последовательность вычислений и интерпретацию полученных результатов.

Фундаментальные свойства используемого в данном методическом подходе математического аппарата накладывают определенные ограничения при оценке точности научно-технологических прогнозов применительно к задачам с высокой дискретностью исходных данных. В частности, при расчете ширины доверительного интервала, характеризующего точность прогноза, стандартная ошибка оценки значащей переменной прогнозирования (ЗПП) вычисляется по формуле (3):

$$S_e = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (y_i - \hat{y}_i)^2}{n-2}} \quad (3)$$

где S_e – стандартная ошибка оценки ЗПП;

y_i – фактическое i -е значение ЗПП;

\hat{y}_i – прогнозное i -е значение ЗПП;

n – количество наблюдений.

Структура данной формулы такова, что знаменатель подкоренного выражения содержит величину $n - 2$, что накладывает определенные условия на репрезентативность выборки: расчет стандартной ошибки S_e становится принципиально возможным только при наличии трех и более фактических значений ЗПП ($n \geq 3$). При $n = 2$ знаменатель обращается в ноль, что делает операцию деления невозможной и приводит к вычислительной ошибке. В случае же, когда $n = 1$ подкоренное выражение становится отрицательным, что делает вычисление стандартной ошибки принципиально невыполнимым.

Данное ограничение имеет место при анализе долгосрочных научно-технологических прогнозов, период упреждения которых составляет два года и более. Для таких прогнозов характерен дефицит ретроспективных количественных данных: экспертные оценки даются на редкие временные точки (например, раз в несколько лет), а количество предшествующих фактических значений ЗПП, как правило, минимально. Это ограничивает возможности корректного вычисления стандартной ошибки по формуле (3) и обосновывает необходимость проведения данного исследования.

Ситуация, иллюстрирующая данную проблему, представлена в таблице 1 на примере условных прогнозных оценок, где число доступных фактических значений заведомо недостаточно для применения формулы (3). Таким образом, метод, представленный в работе [1] не может быть применен для количественной оценки точности прогнозов с длительным периодом упреждения, так как его вычислительная база требует статистически полной выборки, недоступной в условиях редких экспертных оценок.

Таблица 1

Пример научно-технологического прогноза, к которому неприменим подход, предложенный в работе [1]

ЗПП	Период упреждения (k)			
	2026 (год разработки прогноза)	2031	2036	2041
Дальность полета БПЛА	500	1000	1500	2000

Применение подхода [1] к примеру, представленному в таблице 1, требует накопления минимум трех фактических значений ЗПП (за 2026, 2031 и 2036 годы), что делает возможной оценку точности прогноза лишь к 2037 году. Столь значительная временная задержка нивелирует практическую ценность результатов для лица, принимающего решения в 2026 году – в момент разработки прогноза.

Вторым существенным ограничением рассматриваемого подхода является необходимость перевода абсолютного показателя точности прогноза в относительную величину для обеспечения его сопоставимости с остальными показателями качества научно-технологических прогнозов. Для этого предложено рассчитывать отношение ширины доверительного интервала к величине точечного прогноза (формула 4).

$$E_o = \frac{\Delta \hat{y}}{y} \quad (4)$$

где E_o – относительное значение точности прогноза;

$\Delta \hat{y}$ – ширина доверительного интервала, характеризующая точность прогноза;

y – значение точечного прогноза.

При расчете E_o , авторами работы [1] не учтены случаи, когда относительное значение точности прогноза будет невозможно рассчитать, а также E_o может быть больше 1 или принимать отрицательное значение, что не обеспечивает сопоставимость оценок точности с остальными показателями качества научно-технологических прогнозов, значения которых варьируются от 0 до 1. В качестве таких примеров рассмотрим следующие случаи:

– значение точечного прогноза равно 5, а ширина доверительного интервала равно 10, тогда $E_o = 2$;

– значение точечного прогноза равно 0, тогда E_o невозможно рассчитать, так как математические правила исключают деление на ноль;

– значение точечного прогноза меньше 0, тогда E_o примет отрицательное значение.

Кроме того, в процессе перевода точности прогноза из абсолютных единиц в относительные, требуется полученному значению E_o присвоить вербальное описание (высокий уровень, уровень выше среднего и т.п.) по произвольной вербально-числовой шкале, а затем данной вербальной оценке присваивается «расчетное значение точности прогноза». То есть вначале находятся числа, им присваиваются лингвистические выражения, а затем –

опять устанавливаются числа, каким-то образом соответствующие текстовым описаниям. При этом теряется большая часть информации о различиях в мнениях экспертов.

В целях обеспечения применения методического подхода, представленного в работе [1] для оценки точности Прогноза, предлагается его доработка с учетом устранения вышеизложенных недостатков следующим образом:

1. Расчет S_e выполнять, не основываясь на фактических значениях ЗПП, а относительно эталонной функции, выбор которой производить из шести основных конкурирующих моделей (линейная, полиномиальная второй степени, экспоненциальная, степенная, логарифмическая и логистическая), построение каждой из которых осуществлять методом наименьших квадратов, причем эталонную функцию определять таким образом, чтобы сумма квадратов ошибок (SSE) была минимальной:

$$S_e = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (\hat{y}_i - y_i^{\text{э}})^2}{n-2}}, \min_{m=1}^m SSE_{\text{э}} \quad (5)$$

где $y_i^{\text{э}}$ – i -е значение исследуемой переменной полученной в результате применения эталонной функции;

$$SSE_{\text{э}} = \sum_{i=1}^n (\hat{y}_i - y_i^{\text{э}})^2 \text{ – сумма квадратов ошибок эталонной функции;}$$

m – количество основных моделей, из которых выбирается эталонная функция.

2. Расчет относительного значения точности прогноза производить дифференцированно в зависимости от величины точечного прогноза:

– если значение точечного прогноза не равно нулю, показатель рассчитывать по формуле (6).

$$E_0 = \frac{|\hat{y}|}{|\hat{y}| + \Delta\hat{y}} \quad (6)$$

– в случаях, когда точечный прогноз равен нулю, во избежание получения нулевого значения, применять альтернативную формулу расчета, предусмотренную для особых условий:

$$E_0 = \frac{|\hat{y}_{\text{нз}}|}{|\hat{y}_{\text{нз}}| + \Delta\hat{y}} \quad (7)$$

где $\bar{\hat{y}}_{нз} = \frac{\sum_{i=1}^n \hat{y}_i}{n-j}$ – среднее арифметическое научно-технологического прогноза по ненулевым значениям;

j – количество нулевых значений в научно-технологическом прогнозе.

Для демонстрации работоспособности предложенного доработанного методического подхода рассмотрим алгоритм априорной оценки точности научно-технологических прогнозов на условном примере, в котором объектом прогнозирования уровня отдельного результата развития техники является система связи пятого поколения (5G), значащей переменной прогнозирования служит максимальная скорость передачи данных (Гбит/с), горизонт прогнозирования составляет 10 лет с периодами упреждения в 2 года.

Допустим, что для рассматриваемого примера на основе ретроспективных данных и с применением некоторого метода прогнозирования получены результаты, приведенные в таблице 2.

Необходимо оценить доверительный интервал для ЗПП на период упреждения 10 лет с вероятностью 0,9.

Таблица 2

Исходные данные для оценки точности прогноза

Исходные данные	Период упреждения (k)				
	1 (2 года)	2 (4 года)	3 (6 лет)	4 (8 лет)	5 (10 лет)
Год	2028	2030	2032	2034	2036
Прогнозное значение ЗПП (\hat{y}_i), ед.	5	12	28	65	163

Алгоритм решения

Шаг 1. На основании исходных данных, представленных в таблице 2, путем применения метода наименьших квадратов были получены уравнения шести конкурирующих моделей и для каждой вычислена сумма квадратов ошибок (SSE). Результаты сведены в таблицу 3.

Таблица 3

Результаты расчета основных конкурирующих функций

№ п/п	Модель	Уравнение	SSE
1	Линейная	$\hat{y} = -56,1 + 36,9k$	3225,10
2	Полином 2-й степени	$\hat{y} = 45,4 - 50,1k + 14,5k^2$	281,60
3	Экспоненциальная	$\hat{y} = 2,099e^{0,8658k}$	18,12
4	Степенная	$\hat{y} = 3,797k^{2,094}$	2892,00
5	Логарифмическая	$\hat{y} = -22,53 + 80,55 \ln k$	6366,00
6	Логистическая	$\hat{y} = \frac{200}{1 + 179e^{-1,23k}}$	879,00

Сравнив результаты расчета SSE в качестве эталонной функции выбрана экспоненциальная, чья SSE является минимальной и составляет 18,12. Результаты расчета значений исследуемой переменной, полученных при применении эталонной функции сведены в таблицу 4.

Таблица 4

Результаты расчета значений исследуемой переменной, полученных при применении эталонной функции

Результаты расчета	Период упреждения (k)				
	1 (2 года)	2 (4 года)	3 (6 лет)	4 (8 лет)	5 (10 лет)
Год	2028	2030	2032	2034	2036
y_i^3 , ед.	4,99	11,86	28,19	67,00	159,25

Наглядная визуализация результатов построения графиков основных конкурирующих функций представлена на рисунке 2.

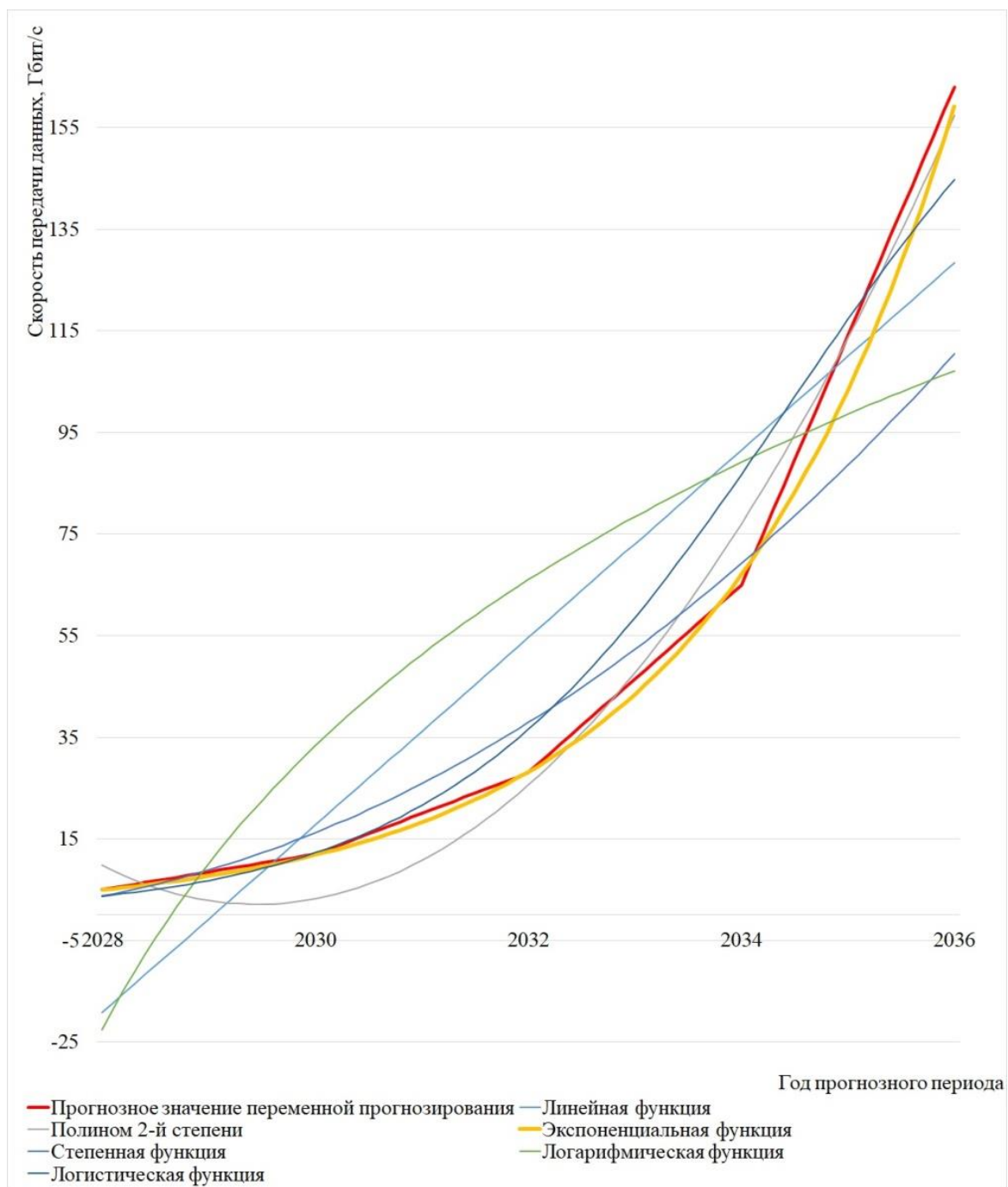

Рис. 2. Наглядная визуализация результатов построения графиков основных конкурирующих функций

Шаг 2. Применяя формулу 5 определим стандартную ошибку оценки ЗПП:
 $S_e = 2,46$

Шаг 3. По табличным данным (таблица 5) определяется t_α – критерий Стьюдента: $t_\alpha = 2,35$.

Таблица 5

Критерии Стьюдента

Число степеней свободы $df = n - 2 = 3$	Вероятность осуществления прогноза			
	0,90	0,95	0,98	0,99
1	6,31	...	31,82	63,66
2
3	2,35	...	4,54	5,84
4	2,13	...	3,75	4,60

Шаг 4. Границы доверительного интервала для ЗПП определяются в соответствии с выражением [7]:

$$\hat{y}_i^P = y \pm S_e \times t_\alpha \times \sqrt{1 + \frac{1}{n} + \frac{3 \times (n + 2k - 1)^2}{n \times (n^2 - 1)}} \quad (8)$$

Для рассматриваемого примера: $\hat{y}_1^P = 149 \text{ Гбит} / \text{с}$; $\hat{y}_2^P = 177 \text{ Гбит} / \text{с}$

Шаг 5. Оценивается точность прогноза, определяемая шириной доверительного интервала:

$$\Delta \hat{y} = \hat{y}_2^P - \hat{y}_1^P = 177 - 149 = 28 \text{ Гбит} / \text{с}$$

Шаг 6. Оценивается относительное значение точности прогноза. Так как значение точечного прогноза при $k=5$ не равно нулю, то применив формулу 6 получим:

$$E_0 = \frac{163}{163 + 28} = 0,85$$

Вербальное описание точности научно-технологических прогнозов производится в соответствии с вербально-числовой шкалой (таблица 6).

Таблица 6

Вербально-числовая шкала оценки точности научно-технологических прогнозов и показателей их качества

№ п/п	Числовые значения	Вербальная оценка уровней точности
1	0,81-1,0	Высокий уровень
2	0,60-0,80	Уровень выше среднего
3	0,31-0,60	Средний уровень
4	0,21-0,30	Уровень ниже среднего
5	0,20 и менее	Низкий уровень

Из таблицы 6 видно, относительное значение точности научно-технологического прогноза равно 0,85 соответствует высокому уровню.

Заключение

Разработанная методика априорной оценки точности научно-технологических прогнозов представляет собой законченное научно-прикладное решение, направленное на повышение обоснованности управленческих решений в сфере стратегического планирования развития вооружения и военной техники.

Главным практическим результатом внедрения данной методики является создание инструментария, позволяющего лицу, принимающему решение о разработке ГПВ, на самых ранних этапах планирования получить объективную и достоверную информацию о точности Прогноза. Использование методики обеспечивает возможность своевременной оценки реализуемости планируемых мероприятий ГПВ до начала дорогостоящих этапов разработки и производства вооружения, военной и специальной техники. Это, в свою очередь, позволяет существенно снизить риски срывов государственных оборонных заказов и нецелевого расходования бюджетных средств, повышая общую эффективность процесса принятия решений по формированию и корректировке ГПВ.

Кроме того, полученные в ходе разработки теоретические и практические результаты закладывают основу для дальнейшего совершенствования системы стратегического планирования. Предложенная методика в перспективе станет базовой и неотъемлемой частью доработанного метода оценки качества научно-технологических прогнозов, предложенного авторами работы [1]. Интеграция данной методики в общий контур управления позволит перейти от эпизодической проверки качества Прогнозов к системному мониторингу на всех этапах жизненного цикла ГПВ, обеспечивая требуемую точность и достоверность долгосрочного планирования.

Список литературы

1. Мушков А.Ю., Афанасьев А.Л., Куслин С.С. Метод оценки качества научно-технологических прогнозов // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2023, № 4. С. 5-16.
2. Четыркин Е; М. Статистические методы прогнозирования. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., «Статистика», 1977. – 198 с.

3. Мартино Дж. Технологическое прогнозирование / Пер. с англ. А.Г. Кругликов, Л.Л. Любимов, А.Н. Никольская. – М.: Прогресс, 1977. – 591 с.
4. Сидельников Ю.В. Системный анализ технологии экспертного прогнозирования. М.: МАИ. 2007. - 453 с
5. Прогностика. Терминология, вып. 92. М., «Наука», 1978. С. 13.
6. Рабочая книга по прогнозированию/Редкол.: И.В. Бестужев-Лада (отв. ред.). – М.: Мысль, 1982. - 430 с.
7. Теория прогнозирования и принятия решений. Учеб. пособие. Под ред. С.А. Саркисяна. – М.: Высшая школа, 1977. – 350 с.

© Куслин С.С.

УДК 629.1.05

**ПЕРЕХОД НА КОМПЛЕКСНУЮ СИСТЕМУ
ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА ОСНОВЕ
ВСТРОЕННОГО ДИАГНОСТИРОВАНИЯ**

Сазыкин Денис Юрьевич

студент

Научный руководитель: **Сайфуллин Ринат Назирович**

д.т.н., профессор

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»

Аннотация: система планово-предупредительного технического обслуживания и ремонта в нашей стране появилась почти сто лет назад на уровне государственного стандарта. В дальнейшем она оставалась неизменной до наших лет, с развитием автомобилестроения изменялись только регламенты работ, периодичности работ. С развитием средств технического диагностирования, с появлением сложных программно-вычислительных комплексов, с появлением систем спутникового мониторинга стратегия планово-предупредительного ремонта устарела. Максимальной эффективности можно достигнуть при комплексном подходе к системе технического обслуживания и ремонта.

Ключевые слова: планово-предупредительная система технического обслуживания и ремонта, встроенное диагностирование, стратегия технического обслуживания и ремонта с контролем параметров.

**TRANSITION TO A COMPREHENSIVE MAINTENANCE
SYSTEM BASED ON INTEGRATED DIAGNOSTICS**

Sazykin Denis Yurievich

Scientific supervisor: **Sayfullin Rinat Nazovich**

Abstract: the system of scheduled preventive maintenance and repair in our country appeared almost a hundred years ago at the state standard level. In the future, it remained unchanged to the present day, with the development of the automotive industry, only the work regulations and the frequency of work changed. With the development of technical diagnostic tools, with the advent of complex

software and computing systems, and with the advent of satellite monitoring systems, the strategy of preventive maintenance has become outdated. Maximum efficiency can be achieved with an integrated approach to the maintenance and repair system.

Key words: scheduled preventive maintenance and repair system, integrated diagnostics, maintenance and repair strategy with parameter control.

Существующая планово-предупредительная стратегия технического обслуживания и ремонта основывается на выполнении регламентных работ через определенные интервалы пробега. Эти интервалы для каждой модели автомобиля задаются заводом-изготовителем и нормативной литературой, которые корректируются по общеустановленным коэффициентам под конкретные условия эксплуатации. Данная стратегия направлена на предупреждение отказов, поэтому она обладает высокой надежностью. Но, несмотря на высокую надежность и постоянное совершенствование, в данной стратегии имеются свои недостатки.

Основной недостаток – выполнение избыточной работы. Т.е. не учитываются индивидуальность каждого автомобиля, его составных частей и деталей. Если взять два совершенно одинаковых автомобиля, наработка до отказа у них будет совершенно разной и может отличаться в несколько раз. Даже детали обладают различной наработкой до отказа. Еще можно добавить, что условия эксплуатации, стиль вождения водителей, даже слесарей-ремонтников не могут быть абсолютно одинаковыми, поэтому можно сделать вывод, что наработка двух одинаковых автомобилей, его узлов не могут быть одинаковыми. А при планово-предупредительной стратегии производится полный перечень работ, замена деталей в полном объеме, согласно регламенту, без учета остаточного ресурса. Это приводит к необоснованному росту затрат. Исправные узлы демонтируются, детали заменяются только по тому, что они отработали определенный интервал. Как показали исследования, около 50% деталей заменяются в хорошем состоянии, несмотря на то, что они смогут прослужить до следующего очередного обслуживания или ремонта.

Так же надо учитывать ошибки слесарей-ремонтников, которые выполняют некачественно работу. Некачественный ремонт или замена деталей приводит к повторному заезду автомобиля на внеочередной ремонт. Так же надо учитывать, что новые детали не всегда отвечают требованиям качества.

Поэтому пришло время переходить от устоявшейся стратегии планово-предупредительного ремонта к стратегии по техническому состоянию.

Стратегия ТО и Р по техническому состоянию с контролем параметров (ТОСКП) можно разделить на два вида, с периодическим контролем параметров или постоянным. Преимущество имеет постоянный контроль параметров, так как он позволяет заранее определить предстоящую поломку и заблаговременно заменить детали и обойтись наименьшими затратами, чем при аварийной поломки, при которой выходят из строя сопряженные детали или замене подлежит весь узел.

Применение ТОСКП стало возможным благодаря развитию технического диагностирования (ТД). Применение стратегии ТОСКП возможно для автомобилей или их составных частей, отказы которых возникают постепенно и процесс возникновения которых доступен для наблюдения с помощью существующих средств и методик ТД. Для таких составных частей изменение параметра, определяющего техническое состояние, происходит постепенно, при условии соблюдения правил эксплуатации и отсутствия аварийных ситуаций. К их числу относятся несущие конструкции, подверженные усталостным и коррозионным разрушениям, силовые установки, источники давления (насосы), фильтры, узлы трения и т.д. В данной работе в качестве диагностируемого параметра возьмем состояние подшипников качения.

Существуют множество современных методов контроля подшипниковых узлов, но мы остановимся на вибродиагностике, как наиболее простом и доступном способе. Вибродиагностика давно применяется после ремонта для контроля качества восстановления. Мы предлагаем этот способ использовать для сбора информации о текущем состоянии подшипниковых узлов и с учетом этой информации планировать ремонт. Для планирования ремонтов должна применяться система технической диагностики, несущая информацию о его техническом состоянии, выраженная количественным параметром.

Для осуществление перехода автопарка на стратегию ТО и Р по состоянию с постоянным контролем параметров необходимо внедрить встроенную диагностику. При этом на контролируемые узлы устанавливаются датчики вибрации, которые в режиме реального времени передают информацию о состоянии подшипников (зубчатых колес) в блок сбора и анализа. Данный блок подключен к системе спутникового мониторинга автомобиля и по его каналам передает всю информацию на ПК диспетчера. Программный комплекс ПК анализирует все данные, передаваемые от

датчиков автомобилей и при появлениях отклонений от нормы, подает сигнал диспетчеру, также определяет остаточный ресурс данного узла. Диспетчер, основываясь на показаниях системы, своим опытом принимает решение, через какое время (пробег) поставить данный автомобиль на техническое обслуживание.

Экономический эффект от внедрения встроенного диагностирования складывается из экономии денежных средств за счет сокращения затрат на текущий ремонт, так как практически полностью исключаются аварийные отказы, сокращаются затраты на техническое обслуживание, так как исключаются из регламентированного перечня работ преждевременные работы. Так же увеличивается периодичность ТО и ремонта, за счет более полного использования остаточного ресурса. Оперативное планирование и организация работ позволяют сократить простои автомобилей на постах, за счет исключения лишних операций и объединения работ в группы.

Таким образом, при внедрении мониторинга за состояние основных узлов трансмиссии мы уменьшаем общую трудоемкость работ по ремонту узлов трансмиссии на 10%, так же за счет предотвращения аварийных преждевременных поломок сокращаются затраты на запасные части. Отметим снижение затрат на оплату труда работников зоны ТО и ТР на 10%, и снижение затрат на запасные части также на 10%.

Список литературы

1. Винник, А.И. Алгоритм перехода к комплексной системе технического обслуживания и ремонта / А.И. Винник [и др.]. // Известия Самарского научного центра РАН. – 2016. - № 1 (2), Том 18. – С. 161-165.
2. Иванов, А.С. Тактика технического обслуживания и текущего ремонта автомобилей на основе встроенного диагностирования / А.С. Иванов // Нива Поволжья. – 2014. - № 3 (32). – С. 55-61.

© Сазыкин Д.Ю., 2026

СОЗДАНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА ДЛЯ ВЫБРАННОГО РАЙОНА ГОРОДА МИНСКА

Сенько Арсений Максимович

УО «Национальный детский технопарк»

Научный руководитель: **Ракевич Снежана Игоревна**

старший преподаватель кафедры «ТЭС» ЭФ

Белорусский национальный технический университет

Аннотация: Представлена цифровая модель тепловой сети с ЦТП №638/2 на *Python (NumPy, Matplotlib)*. Модель интерактивно показывает связь температуры теплоносителя с режимом зданий, давлением и теплопотерями. Учтены свойства воды, гидравлика и визуализация цветом труб. Модель иллюстрирует принципы цифрового двойника.

Ключевые слова: цифровой двойник, тепловая сеть, тепловая нагрузка, жилой район, энергоэффективность.

CREATION OF AN EXPERIMENTAL DIGITAL TWIN FOR A SELECTED DISTRICT OF THE CITY OF MINSK

Senko Arseni Maximovich

Scientific supervisor: **Rakevich Snezhana Igorevna**

Abstract: A digital model of the heating network with central heating station No. 638/2 is presented in Python (NumPy, Matplotlib). The model interactively shows the relationship between coolant temperature, building conditions, pressure, and heat loss. Water properties, hydraulics, and pipe color visualization are taken into account. The model illustrates the principles of a digital twin.

Keywords: digital twin, heating network, heat load, residential area, energy efficiency.

Цифровой двойник – это теоретико-практическая конструкция, реализующая принцип изоморфного соответствия между физическим объектом и его вычислительной репрезентацией [1]. Разработанная

экспериментальная цифровая модель представляет собой программную реализацию тепловой сети жилого района с центральным тепловым пунктом №638/2. Модель построена на языке *Python* с использованием библиотек *NumPy* для численных расчетов и *Matplotlib* для визуализации. Основная задача модели – демонстрация взаимосвязи между температурой теплоносителя в ЦТП и параметрами сети (температура в зданиях, давление, теплопотери) с возможностью изменения режимов работы.

Модель включает в себя десять зданий различного назначения и этажности, два теплообменника, центральный тепловой пункт (ЦТП) и систему трубопроводов, соединяющих все элементы в единую сеть. Геометрия сети задана координатами в условной системе, где одна единица соответствует ста метрам реальной длины. Все расчеты ведутся с учетом физических свойств теплоносителя (воды), зависящих от температуры.

Длина каждого участка трубопровода рассчитывается по евклидову расстоянию между координатами начальной и конечной точек с учётом масштабного коэффициента, который переводит условные единицы в реальные метры. Эта длина используется во всех дальнейших расчётах тепловых и гидравлических потерь. Теплопотери на участке моделируются линейной зависимостью от длины и температуры теплоносителя и заданы небольшими, что соответствует современной тепловой изоляции. Температура в конце участка определяется вычитанием потерь из температуры в начале, а минимально допустимая температура теплоносителя ограничена 40 градусами для обеспечения нормальной работы систем отопления.

Для определения характера течения рассчитывается число Рейнольдса, которое зависит от плотности, скорости, диаметра трубы и динамической вязкости теплоносителя. В зависимости от его значения выбирается формула для коэффициента трения: при ламинарном режиме используется одно выражение, при турбулентном — другое, учитывающее шероховатость стенок трубы. Плотность воды определяется с учётом теплового расширения, а динамическая вязкость с ростом температуры экспоненциально уменьшается.

Давление в системе рассчитывается на основе закона Бернулли [2]. Давление в удалённых точках сети определяется с учётом потерь и расстояния

от центрального теплового пункта, при этом минимальное давление ограничено для обеспечения работоспособности системы.

Температура в узлах сети рассчитывается итеративно при последовательном прохождении теплоносителя от источника к периферийным зданиям. Если участок имеет несколько направлений, расчёт ведётся от источника, что обеспечивает физическую корректность распределения. Температура в зданиях определяется аналогично с учётом расстояния по трассе, поэтому для зданий, расположенных дальше от ЦТП, она оказывается ниже. Цвет трубопроводов в модели динамически изменяется в зависимости от температуры теплоносителя с использованием цветовой карты: более низким температурам соответствуют тёмно-красные оттенки, а высоким — ярко-жёлтые.

Интерактивность обеспечивается слайдером, позволяющим изменять температуру подачи в ЦТП в диапазоне от 45 до 95°C. При каждом изменении параметра выполняется полный пересчет всех характеристик сети с последующим обновлением графического отображения.

В текущей версии модели принят ряд упрощений, которые могут быть устранены в дальнейшем. Диаметр труб принят одинаковым для всех участков, хотя в реальных сетях используется переменное сечение. Расход теплоносителя считается постоянным, тогда как в реальности он зависит от нагрузки потребителей. Теплотери моделируются линейной зависимостью, не учитывающей нелинейные эффекты при больших перепадах температур.

Перспективы развития модели включают учет переменного расхода, дифференциацию диаметров труб, более точную модель теплотерь с учетом температуры грунта, а также возможность моделирования аварийных режимов и переключений.

Разработанная экспериментальная модель демонстрирует основные принципы функционирования цифрового двойника тепловой сети. Она позволяет в интерактивном режиме наблюдать за изменением параметров системы при варьировании температуры подачи, видеть распределение температур по зданиям, оценивать падение давления на участках. Модель может служить основой для создания более сложных систем, учитывающих индивидуальные характеристики реальных тепловых сетей (рис. 1).

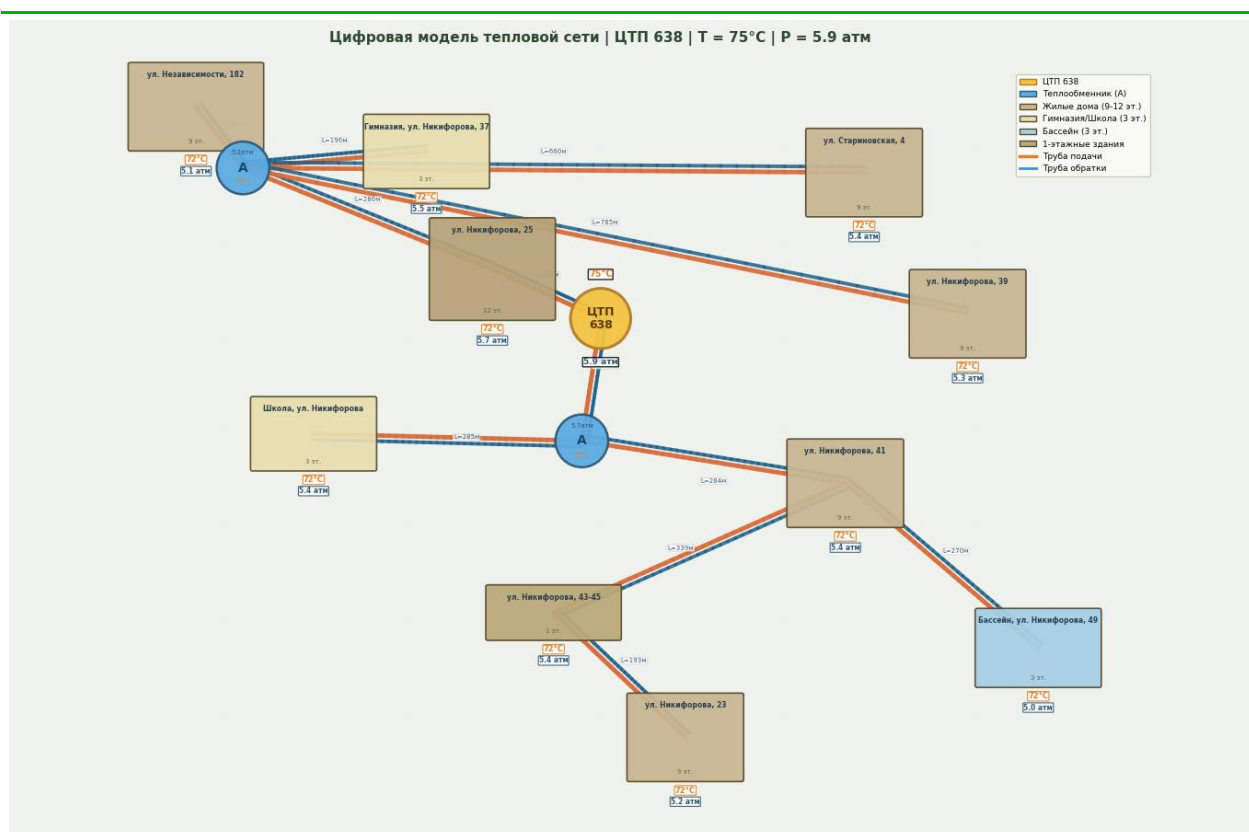

Рис. 1. Экспериментальная цифровая модель выбранного района города Минска

Рекомендации по созданию реального цифрового двойника тепловой сети

– Необходимые исходные данные. Для создания полноценного цифрового двойника в первую очередь потребуются геодезическая съемка всего района с точной привязкой всех элементов тепловой сети. Нужны координаты центрального теплового пункта, каждого здания, трасс прокладки трубопроводов с указанием глубины заложения и отметок рельефа местности. Необходимо собрать сведения о диаметрах труб на каждом участке, материалах изготовления, типах и толщине тепловой изоляции, годах ввода в эксплуатацию.

– Приборное оснащение. Цифровой двойник требует создания системы измерений, охватывающей все ключевые точки сети. На центральном тепловом пункте в обязательном порядке устанавливаются расходомеры на подающем и обратном трубопроводах, обеспечивающие измерение с погрешностью не более двух процентов. Необходимы датчики температуры и давления на входе и выходе ЦТП, а также датчик температуры наружного воздуха для учета погодных условий.

– Системы связи и передачи данных. Для функционирования цифрового двойника в реальном времени необходима надежная система сбора данных с приборов учета. Оптимальным решением является построение двухуровневой системы связи. Первый уровень – проводные каналы для центрального теплового пункта и крупных узлов, обеспечивающие высокую надежность и скорость передачи. Второй уровень – беспроводные технологии для удаленных датчиков на зданиях, такие как *LoRaWAN* или *NB-IoT*, позволяющие передавать данные на расстояния до нескольких километров с минимальным энергопотреблением.

– Программное обеспечение и вычислительные мощности. Для создания цифрового двойника потребуется программный комплекс, способный решать системы нелинейных уравнений гидравлики и теплофизики в реальном времени.

– Организация процесса верификации данных. Цифровой двойник не может быть точнее данных, на которых он построен. Поэтому критически важно организовать систему контроля качества исходной информации. Все вновь вводимые данные должны проходить проверку на соответствие допустимым диапазонам, логическую непротиворечивость, соответствие ранее известным значениям. При обнаружении аномалий система должна генерировать запрос на подтверждение или уточнение данных.

– Требования к персоналу. Создание и эксплуатация цифрового двойника требует наличия квалифицированных специалистов разных профилей. Персонал эксплуатирующей организации должен быть обучен работе с цифровым двойником – пониманию отображаемой информации, действиям при получении предупреждений, использованию рекомендаций системы для оптимизации режимов работы.

Список литературы

1. Лихтциндер Б.Я., Ольберг П.А. Моделирование и цифровые двойники // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Технические науки. 2022. Т. 30. № 4. С. 20–30.
2. Уравнение Бернулли: [сайт] – URL: <https://physics42.ru/tutorials/klassicheskayamekhanika/uravnenie-bernulli/> (дата обращения 10.03.2026).

© Сенько А.М., 2026

СЕКЦИЯ ИНФОРМАТИКА

**АНАЛИЗ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭТАПОВ РАСПОЗНАВАНИЯ
ТЕКСТА НА ИЗОБРАЖЕНИЯХ ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ
ПРОЦЕССА ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТОВ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

**Стриженок Богдан Юрьевич
Саркисова Варвара Артуровна**

магистранты

Московский политехнический университет

Аннотация: в данной статье рассматривается важность и преимущества использования технологий компьютерного зрения в автоматизации процесса обработки информации и подачи документов в образовательные учреждения. Проводится системный анализ основных аспектов и возможных проблем внедрения данной технологии для повышения доступности и оптимизации времени процесса подачи заявлений. Особое внимание уделяется вопросам образования для различных социальных групп.

В рамках статьи рассматривается программная подсистема сайта с интегрированным в неё компьютерным зрением, способная управлять, анализировать и обрабатывать информацию из документов, таких как паспорта, свидетельства о рождении и СНИЛСы. Данный системный подход обеспечивает более удобный и доступный процесс подачи документов пенсионерами и лицами, заинтересованных в получении образования.

В заключение выдвигаются предложения для дальнейших исследований, развития и применения программного продукта с алгоритмами машинного зрения с целью оптимизации процесса подачи документов и повышения доступности образования, в особенности для лиц старшего возраста.

Ключевые слова: компьютерное зрение, системный анализ, управление, обработка информации, машинное зрение, информационный процесс, образование, автоматизация, документы, технологические решения.

**ANALYSIS AND MODELING OF STAGES OF TEXT RECOGNITION
IN IMAGES TO AUTOMATE DOCUMENT PROCESSING
IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

**Strizhenok Bogdan Yuryevich
Sarkisova Varvara Arturovna**

Abstract: this article examines the importance and benefits of using computer vision technologies to automate information processing and document submission to educational institutions. A systematic analysis of the key aspects and potential challenges of implementing this technology is provided to improve accessibility and optimize the application process. Particular attention is paid to education for various social groups.

This article discusses a website software subsystem with integrated computer vision, capable of managing, analyzing, and processing information from documents such as passports, birth certificates, and SNILS. This systematic approach provides a more convenient and accessible application process for pensioners and individuals interested in pursuing an education. In conclusion, proposals are made for further research, development, and application of software with machine vision algorithms to optimize the application process and improve access to education, particularly for older adults.

Key words: computer vision, systems analysis, management, information processing, machine vision, information process, education, automation, documents, technological solutions.

Введение

Учитывая актуальность вопроса эффективности и доступности процесса подачи документов в образовательные учреждения, данное исследование выходит на передний план изучения и практики с целью понимания, системного анализа и разработки инновационных подходов, способных решить данную проблему. Сложившаяся ситуация требует внимательного рассмотрения, поскольку существующие способы подачи документов остаются неэффективными, что создает серьезные препятствия для заявителей.

В образовательном контексте различные социальные, экономические и культурные факторы оказывают значительное влияние на процесс подачи заявления. Лица с ограниченными возможностями, пожилые люди и другие уязвимые группы населения сталкиваются со многими трудностями при выполнении этой процедуры из-за ограниченной доступности и необходимости обращения за помощью.

В этом контексте работа направлена на разработку и внедрение инновационных технологий, обработку информации, основанных на принципах компьютерного зрения. Эта программа использует компьютерное

зрение для обработки изображений документов и извлечения текстовой информации. Компьютерное зрение позволяет программам выполнять множество операций, включая предварительную обработку изображений и выделение областей интереса.

Компьютерное зрение, также известное как машинное зрение, — это научная область, направленная на изучение автоматического захвата и обработки изображений с использованием компьютерных алгоритмов. Эта дисциплина изучает методы обнаружения, отслеживания и идентификации объектов на изображениях.

Постоянное улучшение качества технологий компьютерного зрения позволяет активно использовать их в различных сферах, особенно в образовании. После поступления абитуриенты часто сталкиваются с отказом в приеме из-за ошибок в процессе заполнения. Примером является программа для обучения пожилых людей, которая может быть использована в московском долголетии и в программах, предназначенных для людей старшего возраста. Городские жители имеют доступ к качественному образованию и информационным ресурсам, включая онлайн-курсы, библиотеки и образовательные центры, что способствует освоению компьютеров и телефонов. Для участия в программе необходимо заполнить личный кабинет, содержащий персональные данные. Для пожилых людей разработка решений для считывания документов может упростить процесс поступления.

Целью данного исследования является изучение возможностей и перспектив использования технологий компьютерного зрения для автоматизации, ускорения и упрощения процесса подачи документов в образовательные учреждения. Наша задача – определить основные преимущества и потенциальные проблемы внедрения таких технологий.

Теоретические основы

Компьютерное зрение – это междисциплинарная область, ориентированная на разработку алгоритмов и методов, которые позволяют компьютерам воспринимать и анализировать визуальные данные, адаптироваться к окружающей среде и принимать соответствующие решения на основе этой информации.

Одним из ключевых аспектов компьютерного зрения является обработка изображений. Этот процесс включает в себя не только получение изображения с помощью оптических устройств, но и его дальнейшую

обработку с целью извлечения информации, содержащейся на изображении. Процесс обработки изображений может включать в себя такие этапы, как фильтрация шума, улучшение контрастности, сегментация изображения на отдельные объекты и определение их характеристик.

Важным инструментом в обработке изображений является использование различных методов математического анализа и статистики. Например, алгоритмы свертки и фильтрации могут применяться для улучшения качества изображения и выделения важных деталей. Методы статистического анализа позволяют оценить вероятность наличия определенных объектов или признаков на изображении.

В области компьютерного зрения (CV) также активно используются методы машинного обучения. Эти методы позволяют компьютеру «обучаться» на основе большого объема данных и выявлять закономерности и шаблоны в изображениях, что делает возможным автоматическое распознавание объектов и классификацию изображений.

Оптическое распознавание символов (OCR) представляет собой фундаментальную проблему в области компьютерного зрения, заключающуюся в процессе трансформации изображений текста, включая как рукописный, так и печатный, в цифровой формат текстовых данных, который может быть обработан компьютером.

Принципы функционирования систем OCR основаны на комбинации различных методов обработки изображений и алгоритмов машинного обучения. На основе системного анализа, в процессе работы система OCR проходит следующие этапы, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1

Этапы работы системы OCR

Подготовка изображения	Изображение текста, полученное сканированием, подвергается предварительной обработке, которая может включать в себя удаление шума, коррекцию и выравнивание изображения, а также улучшение контрастности.
Сегментация текста	Изображение разбивается на отдельные области или «блоки», которые содержат отдельные символы или слова. Этот этап позволяет выделить текст от фона и подготовить его для дальнейшего анализа.

Продолжение таблицы 1

Распознавание символов	В каждом блоке текста происходит процесс распознавания отдельных символов. Этот этап может осуществляться с использованием различных методов, таких как шаблонное сопоставление, статистические модели или нейронные сети.
Постобработка результатов	Полученные результаты распознавания могут быть подвергнуты дополнительной обработке и анализу, например, для исправления ошибок распознавания или объединения распознанных символов в слова и предложения.

Применение систем OCR в автоматизированных системах подачи документов позволяет значительно ускорить процесс обработки и анализа информации, уменьшить ручной труд и повысить точность распознавания текста. Это особенно важно в образовательных учреждениях для людей старшего возраста, где требуется обработка большого объема документов, таких как заявления на поступление, свидетельства о рождении и другие официальные документы.

Методы обработки изображения

Ключевые этапы и методики обработки изображений, используемые в рамках автоматизированной системы обработки документов, разработаны и визуализированы на примере обработки фотографии паспорта. Подробное описание методов сопровождается кодовыми примерами на языке программирования Python с использованием библиотек OpenCV и pytesseract.

Научный подход включает в себя анализ и объяснение каждого шага обработки с использованием соответствующих методологий и технических аспектов. Рассмотрим процедуру добавления рамки к изображению. Этот метод является важным шагом для улучшения качества распознавания текста. Путем увеличения размеров изображения и создания нового изображения с белой рамкой мы обеспечиваем более четкое выделение контуров текста, что способствует более точному распознаванию символов.

Методы обрезки изображений в контексте нашего подхода включают применение алгоритмов обработки изображений для выделения определенных областей изображения, которые содержат нужную информацию для

дальнейшего анализа. Два основных метода, которые мы используем для этой цели, – это алгоритм Кэнни и морфологическая обработка.

Алгоритм Кэнни является одним из классических методов для обнаружения границ объектов на изображении. Он основан на нахождении градиентов яркости на изображении и последующем выделении пикселей, являющихся частью границ объектов. Этот метод широко используется для предварительной обработки изображений перед последующими этапами анализа.

Прежде чем начать обнаружение границ, изображение преобразуется из цветного формата в оттенки серого. Это делается для упрощения процесса обработки, поскольку в оттенках серого каждый пиксель имеет одно значение яркости, что облегчает определение изменений яркости. На изображении применяется оператор Собеля для вычисления градиентов яркости. Оператор Собеля используется для выделения резких изменений интенсивности пикселей, что помогает выявить границы объектов. Для каждого пикселя вычисляются два значения градиента: одно в направлении горизонтальной границы (g_x), а другое в направлении вертикальной границы (g_y).

После вычисления градиентов по горизонтали и вертикали для каждого пикселя вычисляется амплитуда градиента и его направление. Амплитуда градиента рассчитывается как корень из суммы квадратов значений градиента по горизонтали и вертикали. Направление градиента определяется с помощью арктангенса отношения значений градиента по вертикали к значению градиента по горизонтали. Подавление не максимальных значений происходит за счет уменьшения значений амплитуды градиента для всех пикселей, кроме тех, что лежат на линиях границ с максимальной амплитудой. Это позволяет оставить только настоящие границы объектов.

Затем применяется пороговая фильтрация, чтобы отсеять пиксели, значение амплитуды градиента которых ниже заданного порога. Это позволяет дальше уточнить выделение границ и убрать шумы. На основе результатов предыдущих шагов определяются точные положения границ объектов на изображении. Это делается путем соединения соседних пикселей с высокими значениями амплитуды градиента в непрерывные линии.

Морфологическая обработка является еще одним важным инструментом в обработке изображений. Она основана на математических операциях над пикселями изображения, таких как расширение, сужение, открытие и закрытие. Эти операции позволяют модифицировать форму объектов на изображении, что может быть полезно при выделении и извлечении нужной

информации. Демонстрация вымышленного паспорта с примененными методами машинного зрения представлена на рисунке 1. Изображение носят иллюстративный характер и не являются реальными документами.

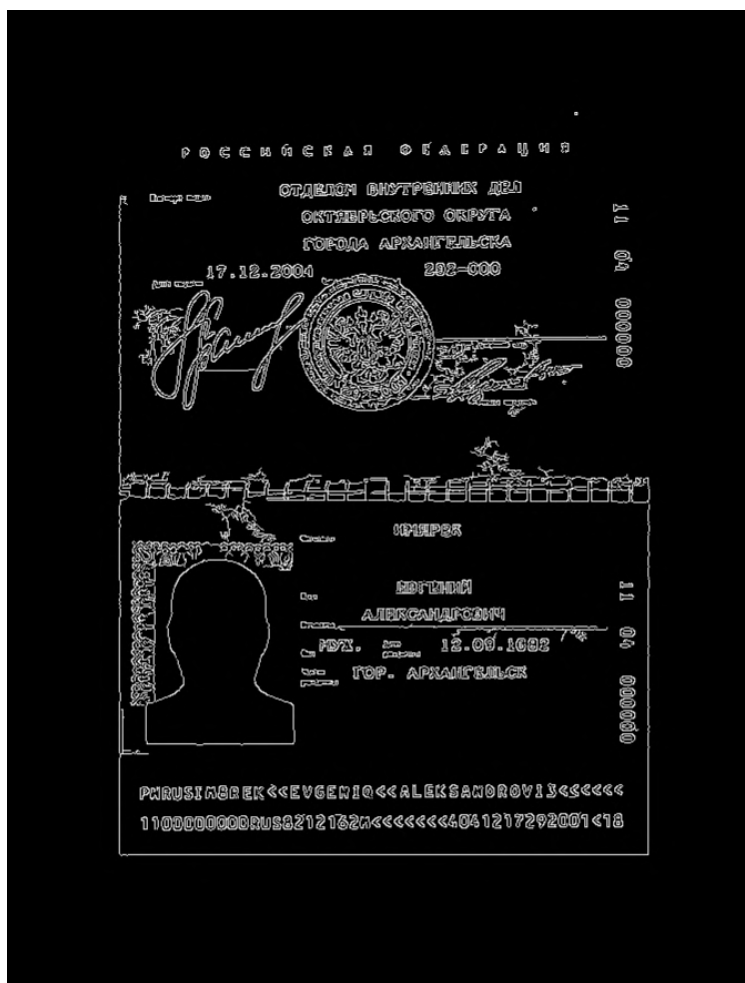

Рис. 1. Демонстрация работы алгоритма Кэнни

Проведенная обработка фотографий позволяет использовать алгоритмом поиска контуров и выявить границы объектов на изображении. Аппроксимация контуров осуществляется для получения более простых структур, таких как прямоугольники. Выделение прямоугольных областей происходит с использованием аппроксимированных контуров, определяя ограничивающие прямоугольники вокруг объектов. Затем происходит обрезка изображения по координатам ограничивающих прямоугольников, вырезая соответствующие области изображения, содержащие интересующие объекты. Полученные области сохраняются для дальнейшего анализа, такого как распознавание текста или идентификация объектов. Пример работы блока кода, отвечающего за эту обработку, представлен на рисунке 2.

```
def cut(puth):
    image = cv2.imread(puth)
    gray = cv2.cvtColor(image, cv2.COLOR_BGR2GRAY)
    gray = cv2.GaussianBlur(gray, (3, 3), 0)

    edges = cv2.Canny(gray, 10, 200)

    kernel = cv2.getStructuringElement(cv2.MORPH_RECT, (100, 100))
    closed = cv2.morphologyEx(edges, cv2.MORPH_CLOSE, kernel)

    cnts = cv2.findContours(closed.copy(), cv2.RETR_EXTERNAL, cv2.CHAIN_APPROX_SIMPLE)
    cnts = imutils.grab_contours(cnts)

    for c in cnts:
        p = cv2.arcLength(c, True)
        approx = cv2.approxPolyDP(c, 0.02*p, True)
        if len(approx) == 4:
            # Получаем ограничивающий прямоугольник для контура
            x, y, w, h = cv2.boundingRect(approx)
            # Вырезаем область изображения по ограничивающему прямоугольнику
            cropped_image = image[y:y+h, x:x+w]

    cropped_image = cv2.GaussianBlur(cropped_image, (1, 1), 0)
    return cropped_image
```

Рис. 2. Алгоритм обработки фотографии методами машинного зрения

Для демонстрации работы программы, завершающей частью представляется фрагмент кода по приведению изображения к единому формату и функция считывания фамилии из загруженного паспорта. Определение области для обрезки, позволяет применить алгоритм распознавания текста библиотеки pytesseract для извлечения текстовой информации из указанной области. Полученный текст затем обрабатывается с использованием регулярных выражений для извлечения кириллических символов. Результат в виде строки, содержащей информацию о месте выдачи паспорта, выводится в консоль для последующего анализа или использования. Данные, попадающие в систему, проходят шифрование и обезличиваются во избежание утечки информации во внешние ресурсы. Данный фрагмент кода и результат работы приложения представлен на рисунках 3, 4.

```
def resize_image(image):
    image = cv2.imread(image)
    target_width = 415
    target_height = 600

    resized_image = cv2.resize(image, (target_width, target_height))
    return resized_image

def cutSecondName(puti):
    image = cv2.imread(puti)

    x = 150
    y = 320

    width = 220
    height = 30

    cropped_image = image[y:y+height, x:x+width]

    config = r'--oem 3 --psm 6 -l rus'
    text = pytesseract.image_to_string(cropped_image, config=config)
    match = re.search(r'[А-Я]+', text)
    if match:
        substring = match.group(0)
    return substring
```

Рис. 3. Считывание текста с изображения

```
Имя: ЕВГЕНИЙ
фамилия: ИМЯРЕК
Отчество: АЛЕКСАНДРОВИЧ
Гендер: МУЖ
Место рождения: ГОР АРХАНГЕЛЬСК
Дата рождения: 12.09.1682
Серия: 1104
Номер: 000000
Код подразделения: 292-000
Дата выдачи: 17.12.2004
Паспорт выдан: ОТДЕЛОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОКтябрьского ОКРУГА ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА
```

Рис. 4. Считанные данные с паспорта

Архитектура работы алгоритма на основе CV

Алгоритм включает этапы загрузки изображения, сегментации, поиска контуров и их аппроксимации, выделения областей с текстом, распознавания текста и анализа извлеченных данных. Такая обработка изображения является высокоэффективным инструментом для извлечения текста из различных документов. Она обладает высокой точностью и надежностью в распознавании текста, что обеспечивает качественное извлечение информации даже из сложных документов с различными шрифтами и форматами. Благодаря своей гибкости и автоматизированной природе, этот алгоритм

позволяет значительно ускорить процесс обработки документов и повысить эффективность работы с ними. Алгоритм, представленный в виде блок-схемы, изображен на рисунке 5.

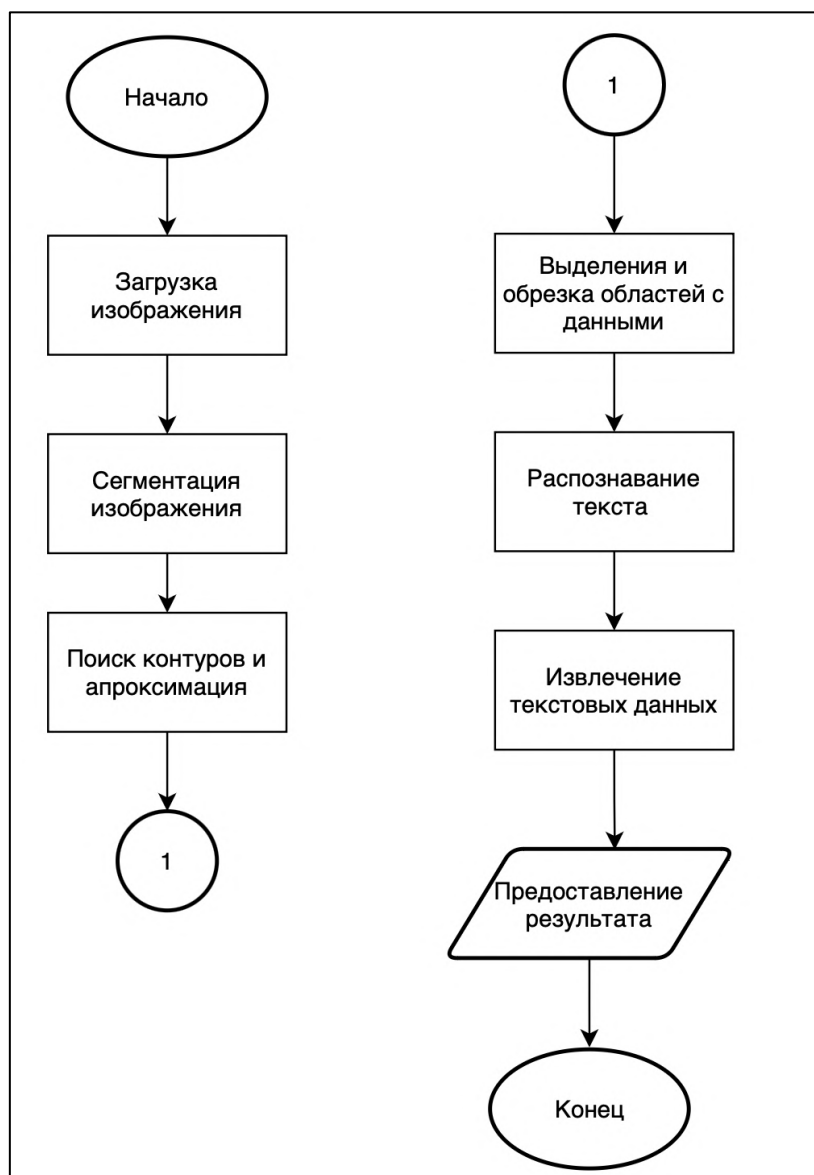

Рис. 5. Архитектура алгоритма

Применение методов распознавания текста для оптимизации образовательной среды

Применение компьютерного зрения на образовательных сайтах может принести весомые выгоды как обучающимся, так и преподавателям, а также другим категориям пользователей, таким как пенсионеры и лица с ограниченными возможностями.

Одним из ключевых преимуществ внедрения программы OCR на образовательном сайте является экономия времени. Пользователям больше не нужно тратить часы на переписывание текста с бумажных материалов вручную. Вместо этого, они могут легко загрузить документ на сайт и получить его электронную версию в считанные секунды. Это особенно полезно для студентов и преподавателей, которым часто приходится работать с большим объемом текстовых материалов.

Важным преимуществом применения методов машинного чтения текста в образовательных организациях является увеличение доступности образования. Благодаря программе распознавания текст с документов становится доступным для всех пользователей в цифровом формате. Это позволяет обучающимся с ограниченными возможностями или пенсионерам, которые могут испытывать затруднения с чтением или письмом, получать образовательные материалы в форме, удобной для них. Более того, электронный формат текста может быть легко адаптирован для различных потребностей пользователей, таких как использование увеличенного шрифта или аудиоформат.

Важно учитывать возможность ошибок при вводе данных пользователем. Вручную вводимые данные могут содержать опечатки, неправильно распознанные символы пользователем или другие неточности, что может привести к недоразумениям или даже к отказу в обработке документов со стороны образовательных учреждений. Однако, распознавание текста с документов может значительно снизить риск возникновения таких ошибок. Благодаря использованию современных алгоритмов и технологий машинного обучения позволяет минимизировать вероятность возникновения неточностей в преобразованном электронном документе и улучшает качество данных, предоставляемых образовательным учреждениям.

Проект московского долголетия ориентирован на обучение лиц старшего поколения не только физической культуре, искусству, творчеству но, но и освоению современных технологий, включая компьютерные навыки. В рамках этого проекта важно учитывать особенности целевой аудитории, в том числе сложности, с которыми они могут столкнуться при подаче заявлений и документов. Для многих участников программы, особенно для лиц старшего возраста, традиционные способы подачи заявлений через электронные формы могут представлять сложность из-за необходимости писать текст и разбираться с интерфейсом сайта. В этом контексте внедрение программы распознавания текста может оказаться невероятно полезным.

Программа распознавания текста позволит участникам проекта подавать заявления и документы гораздо более легко и удобно. Вместо того чтобы вводить текст вручную, пользователи могут просто сфотографировать свои документы с помощью смартфона или камеры, после чего программа автоматически извлечет все необходимые данные из изображения и заполнит соответствующие поля на сайте. Это значительно упрощает процесс подачи заявлений и снижает барьеры для участия в программе. Пользователи могут чувствовать себя более уверенно и комфортно, так как им не нужно беспокоиться о том, как правильно заполнить форму или о возможности допустить ошибки при вводе данных.

Простой пользовательский интерфейс (UI) сайта, интегрированного с программой распознавания текста, играет ключевую роль в обеспечении удобства и доступности для всех пользователей, включая лиц старшего поколения. Пользователям на сайте предложено загрузить фотографию или скан своего документа. После автоматической обработки документа и заполнения соответствующих полей на сайте, пользователь сможет убедиться в правильности заполнения и отправить заявление. Данный пример представлен на рисунке 6.

Паспорт РФ	СНИЛС	СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ
Имя: <input type="text" value="Имеряк"/>		Дата рождения: <input type="text" value="12.09.1682"/>
Фамилия: <input type="text" value="Евгений"/>		Серия: <input type="text" value="1104"/> Номер: <input type="text" value="000000"/>
Отчество: <input type="text" value="Александрович"/>		Дата выдачи: <input type="text" value="17.12.2004"/>
Гендер: <input type="text" value="МУЖ"/>		Код подразделения: <input type="text" value="292-000"/>
Место рождения: <input type="text" value="ГОР. АРХАНГЕЛЬСК"/>		Паспорт выдан: <input type="text" value="ОТДЕЛОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОКТЯБРЬСКОГО ОКРУГА ГОРОДА АРХАНГЕЛЬСКА"/>

Подача документов

Рис. 6. Форма с данными паспорта

Перспектива развития направления компьютерного зрения

При оценке рынка компьютерного зрения в России были выделены три основных сегмента: программное обеспечение, услуги и оборудование. Оценка включала анализ доходов, генерируемых каждым из этих сегментов, а также объемы продаж оборудования и программного обеспечения, связанных с технологиями CV.

В основе оценки рынка компьютерного зрения (CV) в России лежит методика многофакторной сравнительной оценки, применяемая для анализа недостаточно структурированных и определенных рынков, а также новых технологий. Этот метод включает сравнение объемов других известных рынков, в основном мировых, а также рынков развитых стран и регионов, с целью оценки региональных рынков по различным параметрам, таким как доля в мировом ВВП. Полученные результаты подвергаются многофакторной проверке на основе косвенных данных, что позволяет корректировать их объективность.

В результате анализа тенденций развития рынка CV в России и их сравнения с мировыми трендами было оценено, что в 2018 году объем рынка составил приблизительно 8 миллиардов рублей. К 2024 году его объем достиг уже порядка 22-25 млрд. рублей, демонстрируя значительный рост на фоне цифровизации экономики.

Программы, основанные на технологиях CV, становятся все более востребованными в различных отраслях, включая образование. Учитывая активное внедрение цифровых технологий в образовательный процесс и растущий спрос на инновационные решения, наша программа имеет значительный потенциал для успешной реализации в сфере образования. Ее способность ускорять и упрощать процесс подачи документов, экономя время и ресурсы для студентов, пенсионеров и лиц с ограниченными возможностями, делает ее перспективным инструментом для оптимизации образовательных процессов и повышения доступности обучения.

Перспективы и будущие исследования

Дальнейшее развитие включает в себя расширение функциональности для обработки и анализа различных типов документов, адаптацию под различные образовательные учреждения и специфические потребности пользователей. Так же улучшение алгоритмов обработки изображений и распознавания текста с целью повышения точности и скорости работы приложения. В перспективе исследования включает анализ эффективности

системы в реальных условиях использования и сбор обратной связи от пользователей для постоянного улучшения и оптимизации функционала. Кроме того, есть возможность интеграции с другими образовательными платформами и информационными системами для более широкого применения и распространения приложения. Такие исследования могут способствовать созданию инновационных решений в сфере образования и повышению эффективности обучения.

Заключение

В заключение исследование выявило значительный потенциал применения технологий компьютерного зрения для улучшения процесса поступления в образовательные учреждения. Развитие и использование подобных приложений может значительно упростить процедуру подачи документов для широкого круга пользователей, включая лиц с ограниченными возможностями и пожилых людей, что способствует созданию более доступной и инклюзивной образовательной среды. Наши научные исследования и практические разработки представляют важный шаг в направлении создания инновационных решений в сфере образования, способствующих повышению эффективности, доступности и качества образовательных услуг. В дальнейшем следует продолжать исследования и разработки в этом направлении, учитывая потребности пользователей и актуальные технологические тренды, с целью создания еще более эффективных и инновационных решений, способствующих развитию образования в целом.

Список литературы

1. Компьютерное зрение [Электронный ресурс] // Сайт Cyberleninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternoe-zrenie-1/viewer>.
2. Компьютерное зрение: технологии, компании, тренды [Электронный ресурс] // Сайт Научно-технического центра ФГУП «ГРЧЦ». URL: <https://rdc.grfc.ru/2021/04/analytics-computer-vision/>.
3. OpenCV [Электронный ресурс] // Сайт с описанием библиотеки openCV. URL: <https://blog.skillfactory.ru/glossary/opencv/>.
4. Л. Шапиро, Дж. Стокман. Компьютерное зрение = Computer Vision. — М.: Бином. Лаборатория знаний, 2006.

5. Дэвид Форсайт, Жан Понс. Компьютерное зрение. Современный подход = Computer Vision: A Modern Approach. — М.: «Вильямс», 2004. — 928 с.

6. Анирад Коул, Сиддха Ганджу, Мехер Казам. Искусственный интеллект и компьютерное зрение. Реальные проекты на Python, Keras и TensorFlow. — СПб. : Питер, 2023 — 512 с.

© Стриженок Б.Ю., Саркисова В.А.

УДК 004.8:331.5

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОЦЕССЕ ТРУДОУСТРОЙСТВА

Соколов Елисей Сергеевич
Свистак Сергей Васильевич

студенты

ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

Аннотация: в статье рассматриваются возможности и варианты использования искусственного интеллекта в процессе подбора персонала на рынке труда. После анализа учебного пособия А. И. Соснило и возможностей популярной платформы по поиску работы будет показано, как искусственный интеллект помогает работодателям в найме. Помимо этого рассмотрим основные риски внедрения искусственного интеллекта в рекрутинг.

Ключевые слова: искусственный интеллект, трудоустройство, рекрутинг, подбор персонала, HR-технологии, рынок труда, автоматизация, цифровая трансформация.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE PROCESS OF EMPLOYMENT

Sokolov Elisey Sergeevich
Svistak Sergey Vasilievich

Abstract: the article discusses the possibilities and options for using artificial intelligence in the recruitment process in the labor market. After analyzing the textbook by A. I. Sosnilo and the capabilities of the popular job search platform, it will be shown how artificial intelligence helps employers in hiring. In addition, we will consider the main risks of introducing artificial intelligence into recruiting.

Key words: artificial intelligence, employment, recruiting, personnel selection, HR technologies, labor market, automation, digital transformation.

Цифровая трансформация меняет рынок труда, создавая новые профессии и меняя способы найма. Подбор персонала имеет хорошие

перспективы для внедрения ИИ в свои процессы. Сейчас множество ИИ-решений вышли на такой уровень, на котором они могут работать с резюме и на их основе строить рейтинги кандидатов по заданным параметрам. Для рынка труда это очень важно, чтобы ускорить процесс найма, а также повысить его качество.

Онлайн платформы пробуют изменить подход к подбору персонала, и вместо систем с простым размещением вакансий они становятся посредниками, использующими интеллектуальные рекомендации, чтобы помочь сторонам найти друг друга. Это видно по развитию ИИ-помощника для найма и связанных инструментов на одной из популярных платформ по поиску работы в России. Они автоматизируют рутинные задачи рекрутера, чтобы тот мог заняться более глубокой оценкой конкретных кандидатов и общением с ними.

При изучении темы искусственного интеллекта в процессе трудоустройства было изучено учебное пособие А.И. Соснило «Атлас искусственного интеллекта для бизнеса и власти», в котором автор подробно раскрывает тему использования ИИ в разных аспектах бизнеса. Для нашей темы остановимся на разделе – «ИИ-решения для управления человеческими ресурсами». Тут автор хорошо подмечает, что ИИ-решения смогли научить просматривать резюме и выстраивать рейтинги кандидатов в соответствии с заданными параметрами [1, с. 29-30]. Это говорит о том, что онлайн платформы по поиску персонала активно внедряют ИИ-функции в свои системы. Автор подкрепляет это следующим фактом: крупные отечественные компании, такие как «Ростелеком», также начали осваивать ИИ-решения и проводить трудоустройство сотрудников с помощью искусственного интеллекта [1, с. 30], значит, на такие системы есть спрос.

В публикациях на платформе по поиску работе пишут о том, как работает их ИИ-помощник: он помогает писать вакансии, искать кандидатов и сортировать отклики. Отмечается, что рекомендации понятны и ответственность разделена, то есть помощник полностью прозрачен, он показывает логику своих решений, выделяет сильные стороны кандидатов, указывает моменты, которые могут вызвать сомнения, и объясняет, почему распределил отклики именно так [2]. Также говорится, что ИИ-помощник берёт на себя рутинную часть работы. Всё, что требует человеческого внимания: оценка мотивации, сложные переговоры, финальное решение – остаётся за рекрутером [3].

Исследование выполнено в качественно-аналитическом ключе, основывается на сопоставлении двух видов источников, то есть описание функциональности ИИ-инструментов на платформе по поиску работы и учебное пособие, отражающее прикладные сценарии использования ИИ в бизнесе, в том числе в подборе персонала. Методически применялись элементы контент-анализа и функционального разложения найма по этапам воронки: формирование вакансий, поиск и сортировка кандидатов, коммуникация. В итоге выделено три блока функций ИИ для работодателя (табл. 1).

Таблица 1

Функции ИИ в процессе подбора персонала и эффекты для работодателя

Функции ИИ	Эффект для работодателя	Риски и условия
Формирование вакансий	Снижение нерелевантных откликов и единый стандарт формулировок	Риск «завышенных» требований, необходима проверка итогового текста человеком
Поиск релевантных кандидатов	Ускорение поиска и оценка профилей	Требование объяснимости и контроля прозрачности критериев
Коммуникация с кандидатами	Ускорение реакции на сообщения кандидатов и автоматизация первичного общения	Риск обезличенной коммуникации, также важна корректность вопросов и тональности

Теперь раскроем каждую функцию искусственного интеллекта из таблицы более подробно.

Важно грамотно формировать требования в вакансии, потому что чем точнее они сформулированы, тем качественнее будет результат. Если в вакансии указать размытые требования, то он не сможет верно оценить свои возможности, а если в вакансии есть жесткие фильтры, то они наверняка отсеют множество подходящих кандидатов. Искусственный интеллект хорошо подойдет для этих задач, вот что пишет о своем помощнике популярная платформа по поиску работы: «ИИ структурирует пожелания, подберёт формулировки и оформит текст так, чтобы описание было простым и понятным. Не нужно заполнять всё вручную – помощник сам сделает черновик вакансии, а вам останется только просмотреть и дать правки, если они нужны» [3]. Главное, чтобы конечное управление процессом написания

вакансии осталось за HR-специалистом, который корректирует требования и проверяет, что описание соответствует реальным задачам.

На рынке труда лучше заниматься активным поиском, чем пассивным сбором резюме, и искусственный интеллект поможет в этом. Он умеет быстро искать и оценивать кандидатов по нужным критериям из заданной вакансии, это подтверждается словами А.И. Соснило, где он пишет: «Компания Pomato создала алгоритмы машинного обучения для автоматизации процессов просмотра резюме. Продукт компании Pomato AI специализируется на автоматизации проверки претендентов на должности в технических фирмах. ИИ Pomato выполняет более 200000 вычислений на каждое резюме за считанные секунды» [1, с. 30]. В итоге, от искусственного интеллекта рекрутер будет получать список лучших кандидатов на конкретную вакансию. Но важно, чтобы именно рекрутер принимал и перепроверял итоговый рейтинг кандидатов. Еще важно учитывать не только скорость работы системы, но также справедливость и открытость оценок. Кандидаты будут болезненно воспринимать отказы без ясных объяснений. Поэтому в таких системах акцентируется принцип объяснимости, то есть алгоритм не просто ранжирует кандидатов, а еще показывает, почему один кандидат находится выше другого [2].

Коммуникация тоже важная часть в процессе подбора персонала: именно на этом этапе кандидаты формируют первое впечатление о компании, уточняются ожидания сторон и готовность кандидата продолжать проходить отбор. Обычно на этом этапе HR-специалист тратит очень много времени на рутинные задачи, такие как ответы на вопросы, уточнение опыта, согласование собеседований и напоминание кандидатам о встрече. Искусственный интеллект сможет решить эти проблемы и освободить время рекрутеров на более важные задачи. Похожий подход отмечает А.И. Соснило в своем учебном пособии, где говорит, что ИИ-решения также нашли применение для автоматизации коммуникаций при трудоустройстве [1, с. 31]. В качестве примера автор приводит решение от TextRecruit, а именно их ИИ-помощника Ari, который умеет проводить текстовые собеседования и согласовывать собеседования с кандидатами. Однако автоматизация общения несет определенные риски. Сильная стандартизация может превратить общение в обезличенный диалог, что негативно повлияет на восприятие компании кандидатом. Также важно контролировать искусственный интеллект, чтобы он задавал верные вопросы и соблюдал правильную тональность.

Искусственный интеллект в процессе трудоустройства стоит рассматривать как помощника, который оптимизирует процесс найма. Рекрутеры не перестанут быть нужными, просто это поможет им более рационально распределять время, где система выполняет рутинные задачи, а человек принимает окончательное решение и несет за него ответственность. Главное соблюдать понятные критерии, обоснование рекомендаций, открытость и контроль человеком, иначе без соблюдения этих правил такая автоматизация подбора персонала может привести к проблемам.

Список литературы

1. Соснило А. И. Атлас искусственного интеллекта для бизнеса и власти: учебное пособие. – Санкт-Петербург : Университет ИТМО, 2022. – 98 с. – URL: <https://books.ifmo.ru/file/pdf/3067.pdf> (дата обращения: 04.02.2026).
2. Как ИИ-помощник помогает найти работу: развеиваем страхи кандидатов. URL: <https://hh.ru/article/pochemu-ne-nuzhno-boyatsya-ii-pri-poiskeraboty> (дата обращения: 22.02.2026).
3. ИИ-помощник для найма: что он умеет. URL: <https://hh.ru/article/chto-umeet-ii-pomoshchnik-dlya-najma> (дата обращения: 07.03.2026).

© Соколов Е.С., Свистак С.В., 2026

СЕКЦИЯ НАУКИ О ЗЕМЛЕ

ПРИМЕНЕНИЕ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ И ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ДЛЯ МОНИТОРИНГА РЕКУЛЬТИВИРУЕМЫХ ЗЕМЕЛЬ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ

Абдульманова Разалина Рамзисовна
магистрант кафедры землеустройства

Научный руководитель: Кутлияров Амир Наилевич
канд. экон. наук, доцент
Башкирский государственный аграрный университет

Аннотация: в статье анализируется переход от традиционных наземных методов экологического контроля к цифровым системам мониторинга. Рассматривается роль геоинформационных систем (ГИС) в интеграции разнородных данных о состоянии почв. Особое внимание уделено дешифрированию космоснимков и данных аэрофотосъемки с беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для оценки динамики восстановления растительного покрова. Использование спектральных индексов (NDVI, SAVI) позволяет объективно контролировать ход биологического этапа рекультивации на обширных и труднодоступных территориях, например на территориях нефтедобычи.

Ключевые слова: ГИС, дистанционное зондирование Земли, БПЛА, индекс NDVI, рекультивация почв.

APPLICATION OF GIS TECHNOLOGIES AND REMOTE SENSING FOR MONITORING RECLAIMED LANDS IN THE OIL AND GAS INDUSTRY

Abdulmanova Razalina Ramzisovna

Scientific adviser: **Kutliyarov Amir Naleevich**

Abstract: the article analyzes the transition from traditional ground-based environmental control methods to digital monitoring systems. It examines the role of geographic information systems (GIS) in integrating heterogeneous data on soil conditions. Particular attention is paid to the interpretation of satellite imagery and aerial photography data from unmanned aerial vehicles (UAVs) to assess the

dynamics of vegetation cover restoration. The use of spectral indices (NDVI, SAVI) allows for objective control over the progress of the biological stage of reclamation in vast and hard-to-reach areas, such as oil production territories.

Key words: GIS, Remote Sensing (RS) of the Earth, БПЛА — UAV (Unmanned Aerial Vehicle), NDVI index, Soil reclamation.

Актуальность темы. Современный этап развития нефтегазовой отрасли характеризуется не только ростом добычи, но и резким увеличением экологических требований к недропользователям. Традиционные методы мониторинга рекультивируемых земель, основанные на периодических наземных обходах и точечном отборе проб почвы, сегодня признаются недостаточно эффективными. Они требуют значительных временных и человеческих ресурсов, а также не позволяют получить целостную картину восстановления экосистем на обширных и труднодоступных территориях.

В условиях цифровой трансформации экологии (Digital Ecology) критически важным становится внедрение технологий дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) и геоинформационных систем (ГИС). Использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), оснащенных мультиспектральными камерами, позволяет проводить высокоточную съемку и выявлять скрытые очаги загрязнения или угнетения растительности, которые невозможно заметить невооруженным глазом.

Объект исследования - процессы и методы дистанционного мониторинга состояния почвенного и растительного покрова на землях, находящихся на различных стадиях рекультивации после техногенного загрязнения нефтепродуктами.

Цель исследования - являются процессы и методы дистанционного мониторинга состояния почвенного и растительного покрова на землях, находящихся на различных стадиях рекультивации после техногенного загрязнения нефтепродуктами.

Методы исследования. В работе применяется комплексный подход, сочетающий полевые исследования и методы дистанционного анализа данных. Проведено сравнение эффективности полевого и дистанционного мониторинга, выводы представлены на рисунке 1.

Рис. 1. Сравнение эффективности полевого и дистанционного мониторинга

Аэрофотосъемка с БПЛА: Использование беспилотных аппаратов, оснащенных мультиспектральными сенсорами (каналы: Red, Green, Blue, Near-Infrared — NIR). Это позволяет получать сверхдетальные снимки с разрешением до 2–5 см на пиксель. ГИС-моделирование:

Обработка полученных данных в специализированном программном обеспечении. Создание ортофотопланов и цифровых моделей рельефа для анализа стоков и микропонижений, где может скапливаться остаточная нефть.

Спектральный анализ индексов: Расчет вегетационных индексов, в первую очередь NDVI (Normalized Difference Vegetation Index), по формуле:

$$NDVI = \frac{NIR - Red}{NIR + Red}$$

где NIR — отражение в ближней инфракрасной области, а Red — в красной. Этот индекс позволяет численно оценить плотность и здоровье растительности на рекультивируемом участке.

Рис. 2. Этапы работ с использованием БПЛА

Применение цифровых методов мониторинга позволяет достичь следующих результатов:

1) Оперативность: Время на обследование труднодоступных участков сокращается в 5–10 лет по сравнению с традиционными наземными методами.

2) Точность локализации: ГИС-карты позволяют с точностью до сантиметра определить границы «проплешин» (участков, где растительность не прижилась), что дает возможность проводить точечную доочистку или подкормку почвы, экономя ресурсы.

3) Динамика восстановления: Благодаря архивированию снимков в ГИС, можно построить график «выздоровления» земли за несколько лет, наглядно демонстрируя эффективность выбранной стратегии рекультивации.

Так же из положительных сторон выделяется экономический аспект, Экономия достигается за счет снижения количества выездов полевых групп и перехода к «точечному» внесению удобрений. И использование ДЗЗ минимизирует повторное механическое воздействие на почву (заезд техники для осмотра), что способствует более быстрому формированию устойчивого биоценоза.

Стоит отметить, что дистанционные методы не заменяют полностью химический анализ почвы. Они служат мощным фильтром: дрон показывает, где именно есть проблема, а эколог идет туда и берет точечную пробу для лабораторного подтверждения.

Список литературы

1. Востокова, Е.А. Картографирование по космическим снимкам и охрана окружающей среды / Е.А. Востокова, Л.А. Шевченко, В.А. Суценя. - М. : Недра, 1982. - 251 с.
2. Чандра А.М. Дистанционное зондирование и географические информационные системы: пер. с англ. / А.М. Чандра, С.К. Гош. - М.: Техносфера, 2008. - 312 с.
3. Булатов, А.И. Охрана окружающей среды в нефтегазовой промышленности / Булатов А.И., Макаренко П.П., Шеметов В.Ю. – М. : Недра, 1997. 483 с.
4. Туганова, Л.Р. Актуальные проблемы земельного кадастра / Туганова Л.Р., Кутлияров Д.Н., Кутлияров А.Н. // Аграрная наука в условиях модернизации и инновационного развития АПК России. Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвященной 100-летию высшего аграрного образования в Ивановской области. 2018. С. 396-399.

© Абдульманова Р.Р.

**СЕКЦИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
НАУКИ**

БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ГЕРБИЦИДОВ НА КАРТОФЕЛЕ

Идрисов Руслан Искандерович

студент

Научный руководитель: **Денискина Наталья Федоровна**

к.б.н., доцент

ФГБОУ ВО «РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева»

Аннотация: в технологии выращивания картофеля особое место занимает борьба с сорняками. На выбор гербицида влияет видовой состав сорных растений и степень засоренности посадок. В условиях Талдомского района Московской области в 2025 году преобладающими видами сорных растений были: *Amaranthus retroflexus* L., *Chenopodium album* L., *Sonchus arvensis* L., *Elytrigia repens* L., *Convolvulus arvensis* L. В статье приведены результаты оценки биологической эффективности баковых смесей гербицидов Бандур, КС (аклонифен, 600г/л), Боксер, КЭ (просульфокарб, 800 г/л), Пантера, КЭ (квизалофоп-П-тефурил, 40 г/л), Римэкс, ВДГ (римсульфурон, 250г/кг).

Ключевые слова: картофель, сорные растения, гербициды, биологическая эффективность.

BIOLOGICAL EFFICACY OF MODERN HERBICIDES ON POTATOES

Idrisov Ruslan Iskanderovich

Scientific adviser: **Deniskina Natalia Fedorovna**

Abstract: weed control occupies a special place in potato growing technology. The choice of herbicide is influenced by the species composition of weeds and the degree of contamination of plantings. In the conditions of the Taldomsky district of the Moscow region in 2025, the predominant species of weeds were: *Amaranthus retroflexus* L., *Chenopodium album* L., *Sonchus arvensis* L., *Elytrigia repens* L., *Convolvulus arvensis* L. The article presents the results of evaluating the biological effectiveness of tank mixtures of herbicides Bandur,

CS (aclonifen, 600 g/l), Boxer, CE (pro sulfocarb, 800 g/l), Panther, CE (quisalofop-P-tephuryl, 40 g/l), Rimex, EDG (rimsulfuron, 250 g/kg).

Key words: potatoes, weeds, herbicides, biological effectiveness.

Картофель это ценная продовольственная, техническая и кормовая культура. Он является лучшим предшественником в севообороте для ряда культур, так как его технология возделывания предполагает внесение органических удобрений и поддержание почвы в рыхлом состоянии различными агротехническими приемами. Несмотря на это отмечается высокая засоренность сорняками во всех регионах возделывания [1; 4; 7].

Сорные растения, являются конкурентами картофеля за основные ресурсы: элементы питания, воду, свет. Для улучшения фитосанитарного состояния посадок картофеля и снижения степени засоренности сорняками применяют гербициды, которые классифицируют по ряду признаков. Гербициды могут быть избирательными и неизбирательными по отношению к культуре. По способу проникновения выделяют контактные гербициды и системные. В зависимости от способа они подразделяются на повсходовые и почвенные [2; 3].

При составлении системы защиты картофеля от сорных растений большое значение имеет фитосанитарное обследование посадок с целью выявления доминирующих видов сорняков. Это важно для выполнения основного требования к выбору гербицида, которое заключается в соответствии спектра активности действующего вещества, флористическому составу сорных растений на поле [5].

Обследования полей в течение вегетационного периода проводятся в несколько этапов. Учёты проводят в фазу до всходов, в период начала роста ботвы (2–4 листа) и на стадии смыкания рядков. В каждом из этих периодов сорная растительность оценивается по следующим критериям: видовой состав, численность растений на квадратный метр, проективное покрытие, а также фитоценотическая роль отдельных видов [6].

Изучение эффективности применения повсходовых гербицидов проводилось на полях ООО «Валмикс» Талдомского района Московской области в условиях вегетационного периода 2025 года. Для исследования был выбран сорт картофеля ВР 808.

Изучение видового состава сорного компонента агроценоза картофеля выявило преобладающие виды сорных растений: щирица запрокинутая (*Amaranthus retroflexus* L.), марь белая (*Chenopodium album* L.), осот полевой

(*Sonchus arvensis* L.), пырей ползучий (*Elytrigia repens* L.) и вьюнок полевой (*Convolvulus arvensis* L.). Количественно-видовой состав сорняков до проведения обработки представлен в табл. 1.

Таблица 1

Количественно-видовой состав сорных растений, встречающихся в посадках картофеля (до обработки). ООО «Валмикс», Талдомский район, Московской области, 2025 г.

Видовое название сорных растений	Численность сорных растений, раст./м ²
Пырей ползучий	40
Марь белая	34
Сушеница болотная	10
Горец вьющийся	2
Мятлик однолетний	8
Редька дикая	3
Ситник жабий	4
Бодяк полевой	2

Обследование посадок картофеля (табл. 1), которое проводилось с целью выявления сорных наиболее массовых видов сорных растений, выявило преобладающие виды: марь белую и пырей ползучий.

На основании результатов фитосанитарного обследования (табл.1), были выбраны следующие гербициды: Бандур, КС (аклонифен, 600г/л), Боксер, КЭ (просульфокарб, 800 г/л), Пантера, КЭ (квизалофоп-П-тефурил, 40 г/л), Римэкс, ВДГ (римсульфурон, 250г/кг).

Гербициды применялись в форме баковых смесей:

1. Почвенные гербициды: Бандур, КС (3 л/га) + Боксер, КЭ (3 л/га);
2. Повсходовые гербициды: Пантера, КЭ (1 л/га) + Римэкс, ВДГ (0,05 л/га).

Расход рабочего раствора для почвенных гербицидов 200 л/га, для повсходовых гербицидов 300 л/га.

Результаты исследований на 21-й день после внесения почвенных гербицидов представлены на рис. 1.

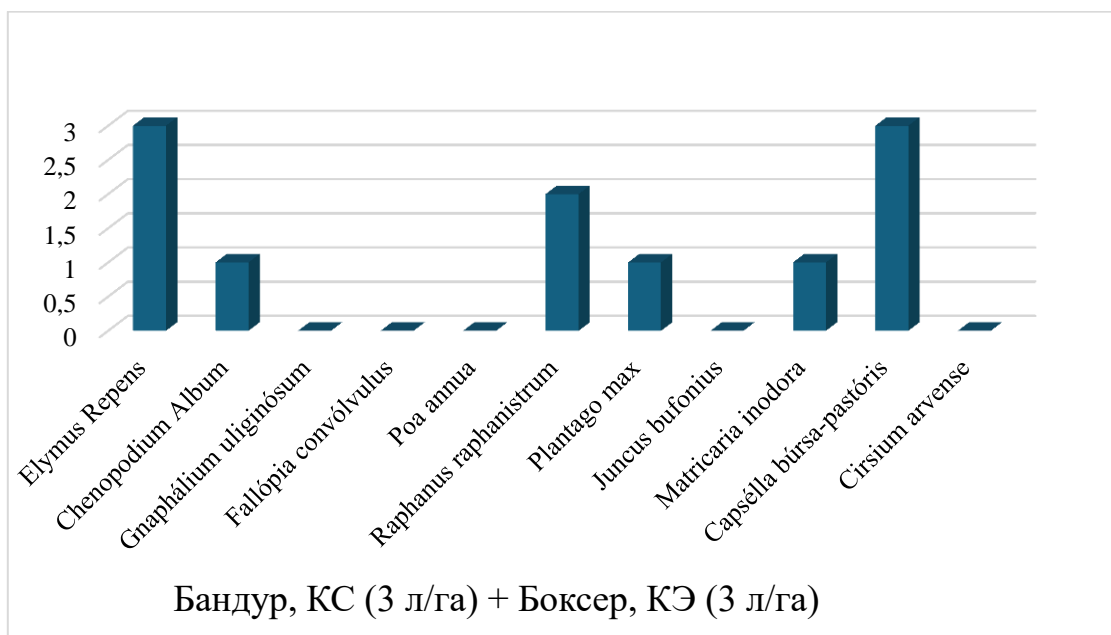

Рис. 1. Количественно-видовой состав сорняков, на 21-й день после внесения почвенных гербицидов. ООО «Валмикс», Талдомский район, Московская область, 2025 год

Результаты исследований на 21-й день после внесения повсходовых гербицидов представлены на рис. 2.

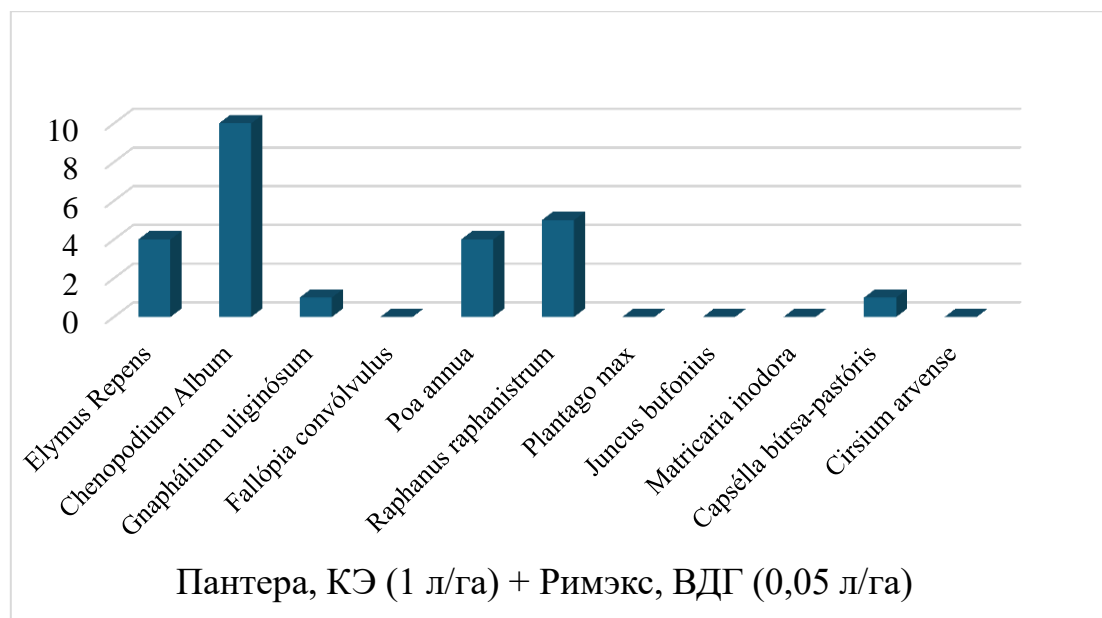

Рис. 2. Количественно-видовой состав сорняков, на 21-й день после внесения почвенных гербицидов. ООО «Валмикс». Талдомский район, Московская область, 2025 год

Биологическая эффективность применения гербицидов (%) рассчитывалась по формуле:

$$C_{\text{испр}} = 100 - B_0 / A_0 \cdot 100 \cdot a_k / b_k,$$

где A_0 – количество или биомасса сорняков на 1 м² при определении исходной засоренности в опытном варианте;

B_0 – то же во втором и последующих учетах;

a_k – число или биомасса сорняков на 1 м² при определении исходной засоренности в контроле;

b_k – то же во втором и последующих учетах.

В приведенной формуле отношение a_k/b_k и является поправкой на контроль, она вычисляется для всех вариантов опыта, относящихся к одному контролю.

Расчет биологической эффективности показал высокую эффективность баковой смеси почвенных гербицидов Бандур, КС + Боксер, КЭ в отношении двудольных сорных растений на 21-е сутки после применения эффективность была на уровне 100%. В отношении однодольных сорняков она составила 90%.

Биологическая эффективность баковой смеси повсходовых гербицидов на 21-е сутки после применения показала наибольшую эффективность (100%) в отношении однодольных однолетних сорняков, в отношении двудольных эффективность была на уровне 92%.

Таким образом, исследования показали, что выбор и применение гербицидов с учетом количественно-видового состава сорных растений показывает наибольшую эффективность.

Список литературы

1. Gasparyan I. Use of microbiological fertilizer in planting early potatoes (*Solanum tuberosum*) in the conditions of Belgorod region, Russia / I. Gasparyan, A. Levshin, M. Dyikanova, S. Gasparyan, N. Deniskina, V. Berdyshev, S. Smurov. - Research on Crops. – 2021. – Т. 22. – № 4. – С. 875-880.
2. Денискина Н.Ф. Агротехнический метод защиты растений при оптимизации питания сельскохозяйственных культур: учеб. пособие / Н.Ф. Денискина, И.Н. Гаспарян, А.Г. Левшин, М.Е. Дыйканова, Ш.В. Гаспарян. – М. : МЭСХ. – 2021. – 138 с.
3. Денискина Н.Ф. Защита картофеля от вредных организмов в период ухода и хранения: учеб. пособие / Н.Ф. Денискина, Ш.В. Гаспарян. - М.:

Российский аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева. – 2024. – 122 с.

4. Ивашова О.Н. Поддержка принятия решений при получении двух урожаев экологически чистого картофеля ранних сортов / О.Н. Ивашова, И.Н. Гаспарян, А.Г. Левшин, М.Е. Дыйканова, Н.Ф. Денискина. – Свидетельство о регистрации базы данных RU 2020621780, 01.10.2020. Заявка № 2020621644 от 22.09.2020.

5. Мисриева Б.У., Цахуева Ф.П., Мисриева А.М. Применение гербицидов на картофеле с учетом таксономического анализа сорной флоры в агроценозах. Вестник социально-педагогического института. – 2014. – № 4 (12). – С.22-33.

6. Спиридонов Ю.Я. Методическое руководство по изучению гербицидов, применяемых в растениеводстве / Ю.Я. Спиридонов, Г.Е. Ларина, В.Г. Шестаков. – М. : Печатный Город, 2009. – 252 с.

7. Яловик Л.И. Биологическая и хозяйственная эффективность гербицидов на посадках картофеля в условиях Псковской области / Л.И. Яловик, Е.А. Яловик, С.И. Глушенкова, С.В. Бавровский. – Известия Великолукской государственной академии. – 2023. – № 4. – С. 68-73.

© Идрисов Р.И.

**СЕКЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

СУДЕБНАЯ МЕДИАЦИЯ И СУДЕБНОЕ ПРИМИРЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Цурикова Александра Глебовна

студент

Научный руководитель: Дяблова Юлия Львовна

канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»

Аннотация: судебная медиация и судебное примирение представляют собой два метода мирного разрешения споров, каждый из которых имеет свои особенности и правовые основы. Судебное примирение осуществляется в рамках судебного разбирательства с участием судьи или уполномоченного примирителя, что делает его более формальным и оперативным. В отличие от этого, медиация является внесудебным процессом, основанным на добровольном участии сторон и конфиденциальности. Несмотря на различия, оба инструмента взаимодополняют друг друга, однако недостаточная осведомленность участников о их преимуществах может затруднять выбор оптимального способа разрешения конфликта.

Ключевые слова: медиация, судебное примирение, гражданский процесс, урегулирование споров, судебная система, примирительные процедуры, конфиденциальность, посредник.

JUDICIAL MEDIATION AND JUDICIAL CONCILIATION IN CIVIL PROCEEDINGS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Tsurikova Alexandra Glebovna

Scientific supervisor: Dyablova Yulia Lvovna

Abstract: judicial mediation and judicial conciliation are two methods of peaceful dispute resolution, each with its own characteristics and legal basis. Judicial conciliation is carried out within the framework of a court hearing with the participation of a judge or authorized conciliator, making it more formal and efficient. In contrast, mediation is an extra-judicial process based on the voluntary participation of the parties and confidentiality. Despite their differences, both tools

complement each other; however, a lack of awareness among participants of their advantages can hinder the choice of the optimal conflict resolution method.

Key words: mediation, judicial conciliation, civil procedure, dispute resolution, judicial system, conciliation procedures, confidentiality, mediator.

Судебную медиацию и судебное примирение в гражданском процессе можно рассматривать как два инструмента для примирительного урегулирования споров, которые, несмотря на общую цель, имеют существенные различия в способах реализации и правовых основах.

Судебное примирение проводится на любом этапе судебного процесса, включая стадию исполнения судебного акта, но не до обращения в суд. Оно основано на принципах добровольности, конфиденциальности, равноправия сторон, сотрудничества, независимости и беспристрастности судебного примирителя.

Судебным примирителем может быть только судья в отставке, включённый в список судебных примирителей. Этот список формируется Верховным Судом РФ на основе предложений судов России и судебной коллегии ВС РФ.

В ходе процедуры судебный примиритель:

- ведёт переговоры со сторонами, в том числе индивидуальные, и с другими лицами, участвующими в деле;
- изучает представленные сторонами документы;
- предлагает сторонам представить дополнительные документы и информацию;
- знакомится с материалами дела с согласия суда;
- получает консультации у специалистов;
- содействует сторонам в обмене документами, сведениями и сообщениями по обсуждаемым вопросам.

Он может предложить сторонам провести дополнительную сверку расчётов, обсудить условия договора, из которого возник спор, выяснить однозначность понимания сторонами условий договора и иных правоотношений.

По завершении процедуры судебный примиритель обязан разъяснить сторонам условия заключаемого мирового соглашения и убедиться, что стороны в равной степени понимают и принимают эти условия [1, с. 99].

Медиация же представляет собой внесудебный механизм разрешения конфликтов. В ее основе лежит добровольное участие сторон, полная

конфиденциальность и независимость медиатора, который не является представителем ни одной из сторон. Из-за этого медиацию считают более гибкой и подходящей для тех случаев, когда нужно учесть все нюансы и потребности каждого участника.

Процедура медиации включает в себя ряд особенностей: медиатор не имеет властных полномочий и лишь содействует сторонам в организации и ведении переговоров; стороны самостоятельно определяют возможные пути разрешения конфликта и договариваются о порядке дальнейшего взаимодействия; процедура медиации направлена на разрешение спора, а не на установление виновных лиц.

Порядок проведения устанавливается соглашением сторон о проведении процедуры медиации или путём ссылки на правила, утверждённые организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению процедуры медиации. Также стороны вправе установить, что медиатор самостоятельно определяет порядок с учётом обстоятельств возникшего спора, пожеланий сторон и необходимости урегулирования спора в максимально короткий срок.

Правовое регулирование медиации в гражданском процессе осуществляется двумя основными нормативными актами: Федеральным законом от 27 июля 2010 года №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и Гражданским процессуальным кодексом РФ (ГПК РФ), в частности статьёй 153.5. Правовое регулирование судебного примирения закреплено статьёй 153.6 ГПК РФ и Регламентом проведения судебного примирения, утверждённым Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 года № 41.

Проанализировав данные нормативные акты, можно выявить основные различия между данными процедурами, которые заключаются в следующих характеристиках:

- в субъектном составе посредников (В рамках медиации, роль посредника, как правило, исполняется физическим лицом, осуществляющим частную практику, в то время как, в рамках судебного примирения, функция примирителя может быть делегирована судье, находящемуся в отставке, либо сотруднику аппарата судебной инстанции);
- в принципе автономии воли при выборе посредника (В процедуре медиации стороны обладают полной дискрецией и добровольностью в выборе

медиатора, а в судебном примирении, автономия воли сторон в отношении выбора субъекта-посредника лимитируется окончательным решением судебного органа);

- в сфере применения (Судебное примирение имеет более широкую применимость, охватывая, например, административные дела, что отличает его от медиации, которая имеет более узкий охват) [2, с. 123-127];

- в механизме придания юридической силы соглашению (Если в судебном примирении мировое соглашение утверждается арбитражным судом, то в случае медиации стороны могут выбрать нотариальное удостоверение медиативного соглашения);

- в доступности и финансировании (Судебное примирение характеризуется полной финансовой доступностью для сторон, поскольку вознаграждение судей, выступающих в роли примирителей, покрывается за счет федерального бюджета. В отличие от этого, медиация может функционировать как на безвозмездной, так и на возмездной основе);

- в форме закрепления примирительного соглашения (Успешное судебное примирение всегда завершается мировым соглашением. Медиация также может привести к мировому соглашению, но если она проходила вне суда, достаточно простого письменного договора) [3, с. 136].

Однако, на практике, границы между этими процедурами могут быть размыты, поскольку судья, осуществляя примирение, может использовать элементы медиации, например, задавать открытые вопросы, помогать сторонам выявить интересы, а медиатор, обладающий глубокими знаниями в определенной области права, может давать сторонам консультации, близкие к правовым.

Существенной проблемой выступает дефицит осведомленности участников о потенциале и выгодах каждой из доступных процедур. Следствием этого является неспособность многих сторон конфликта адекватно определить оптимальный алгоритм действий для разрешения их конкретной ситуации [4, с. 210].

Таким образом, медиация и судебное примирение имеют общие ключевые принципы. Оба метода основаны на конфиденциальности, нейтралитете и беспристрастности посредника, а также на сотрудничестве и равноправии участников. Однако законодательство, регулирующее медиацию, предоставляет сторонам конфликта более широкие возможности для самостоятельного урегулирования, чем в рамках судебного примирения. Это,

в свою очередь, снижает уровень бюрократии и способствует более оперативному и упрощенному разрешению правовых споров [5, с. 119].

Таким образом, проблема соотношения и разграничения полномочий судебной медиации и судебного примирения заключается не в жестком разделении, а в понимании их специфики и оптимальном использовании в различных ситуациях. Медиация наиболее эффективна на ранних стадиях конфликта, когда стороны заинтересованы в сохранении отношений и самостоятельном поиске решения. Примирение, напротив, может быть полезно в ходе судебного разбирательства, когда стороны уже вовлечены в процесс, но готовы к компромиссу. Чтобы правосудие стало по-настоящему эффективным и доступным, необходимо сосредоточиться на модернизации процедур и непрерывном обучении медиаторов и судей-примирителей.

Список литературы

1. Паршенков Д. Ю., Строготяну М. С., Афолина О. С. Примирительные процедуры в гражданском процессе: перспективы и проблемы их применения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 12-1. — С. 99.
2. Тюменева Н. В. Примирительные процедуры в процессуальном праве и законодательстве (на примере судебной медиации и судебного примирения) // Юридический вестник. — 2022. — № 3. — С. 123-127.
3. Минкина Н.И. Сравнительно-правовой анализ медиации и судебного примирения в России // АЮВ. — 2022. № 3 (39). — С. 136.
4. Клементьева А. А., Хомченко В. Н. Актуальные проблемы примирительных процедур в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 9-1. — С. 210.
5. Дербишева О. А. Проблемы процедуры медиации в гражданском судопроизводстве // Legal Concept. — 2021. — № 1. — С. 119.

© Цурикова А.Г.

**ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ
ИНКЛЮЗИВНЫХ ШКОЛ КАК СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

Черниязова Динара Раульевна

магистрант

Almaty Management University

Аннотация: в статье исследуются правовые механизмы обеспечения устойчивости инклюзивных школ через призму международного опыта и эмпирических данных. На основе анализа практики различных стран выявлены системные пробелы правового регулирования, связанные с отсутствием экономических механизмов функционирования инклюзивных образовательных организаций. Обосновывается необходимость формирования модели инклюзивных школ как субъектов социального предпринимательства в Республике Казахстан.

Ключевые слова: инклюзивное образование, социальное предпринимательство, правовое регулирование, устойчивость, инклюзивные школы, Казахстан.

**LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING THE SUSTAINABILITY
OF INCLUSIVE SCHOOLS AS SUBJECTS OF SOCIAL
ENTREPRENEURSHIP: INTERNATIONAL EXPERIENCE
AND PROSPECTS FOR THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

Cherniyazova Dinara Rauilyevna

Abstract: the article examines legal mechanisms for ensuring the sustainability of inclusive schools based on international experience and empirical data. The study identifies systemic regulatory gaps related to the lack of economic sustainability mechanisms. The necessity of developing inclusive schools as social entrepreneurship entities in Kazakhstan is substantiated.

Key words: inclusive education, social entrepreneurship, legal regulation, sustainability, inclusive schools, Kazakhstan.

Проблема обеспечения устойчивости инклюзивных школ в Республике Казахстан носит межотраслевой характер и обусловлена отсутствием согласованных правовых механизмов на стыке образовательного, предпринимательского и финансового регулирования. Несмотря на нормативное закрепление принципов инклюзивного образования, действующая система правового регулирования в полной мере не обеспечивает его устойчивой реализации.

Установленные количественные и организационные ограничения (включая предельную наполняемость классов и лимитированное включение обучающихся с особыми образовательными потребностями) носят преимущественно регламентирующий характер и не сопровождаются достаточными правовыми механизмами ресурсного и финансового обеспечения образовательного процесса.

Одновременно ограниченность сети специализированных (коррекционных) образовательных организаций свидетельствует о несоразмерности действующих правовых инструментов масштабу социальной потребности.

В совокупности указанные обстоятельства формируют институционально-правовой разрыв между закреплёнными социальными обязательствами государства в сфере инклюзивного образования и фактическими возможностями их реализации.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, институциональный и эмпирический подходы. Сравнительно-правовой анализ позволил исследовать международные модели правового регулирования инклюзивного образования, включая страны Европы, государства Глобального Юга и аналитические материалы OECD. Институциональный подход позволил рассмотреть инклюзивное образование как систему взаимодействия правовых, организационных и экономических элементов и выявить разрыв между нормативным закреплением и практической реализацией. Эмпирическая база исследования сформирована на основе анкетирования 45 респондентов, включая педагогов, родителей и представителей бизнеса. Оценка проводилась с использованием шкалы Лайкерта, что позволило количественно оценить восприятие существующей модели.

Следует отметить, что полученные данные носят иллюстративный характер и не претендуют на национальную репрезентативность, однако позволяют выявить устойчивые тенденции.

Анализ международной научной литературы показывает, что инклюзивное образование развивается преимущественно как элемент государственной социальной политики. Так, Kenny, McCoy и O'Higgins Norman рассматривают инклюзию в рамках Whole Education Approach, где ключевая роль отводится государству [1]. Аналогичный подход отражён в исследованиях OECD, где инклюзивное образование трактуется как общественное благо [2, с. 12; 3]. При этом Kartiko и др. отмечают, что при наличии нормативной базы отсутствуют механизмы её устойчивой реализации [4, с. 30]. Zhang и Arya выявляют декларативный характер законодательства и наличие «текстуальных пробелов» [5, с. 4].

Работы Herrera-Seda и Walton указывают на зависимость национальных моделей от заимствованных подходов [6], тогда Vania сосредоточен преимущественно на педагогических аспектах, не затрагивая экономико-правовые механизмы [7]. Вопрос интеграции социального предпринимательства рассматривается в исследованиях Hussein-Elhakim и др., а также Snowden и др., где подчеркивается необходимость междисциплинарных подходов [8; 9]. В Казахстане Ualiyeva и др. отмечают наличие правовой базы социального предпринимательства при ограниченности её практической реализации [10].

Закон Республики Казахстан «Об образовании» закрепляет развитие инклюзивного образования в качестве приоритета государственной политики и предусматривает механизмы бюджетного финансирования, включая государственный образовательный заказ и элементы подушевого финансирования. Однако правовой анализ показывает, что указанные механизмы носят системно-обеспечительный характер и направлены преимущественно на поддержание функционирования государственной сети образовательных организаций, а не на создание условий для устойчивой деятельности отдельных субъектов, в том числе частных инклюзивных школ.

Фактическая модель бюджетного финансирования образования в Республике Казахстан строится на принципе приоритетного обеспечения государственных организаций, что подтверждается подходами бюджетного планирования, ориентированными на удовлетворение региональной потребности. При этом нормативно и на уровне правоприменительной практики в качестве приоритетов закреплены: устранение дефицита государственных школ, ликвидация трёхсменного обучения, а также строительство новых объектов взамен аварийных. Указанные критерии носят

публично-инфраструктурный характер и не учитывают специфику частных образовательных организаций, включая инклюзивные школы, как субъектов, выполняющих социально значимую функцию.

Дополнительно, актуальные направления государственной политики свидетельствуют о тенденции к сужению бюджетного участия в финансировании частного сектора образования, включая пересмотр механизмов государственного заказа и их возможную оптимизацию с учётом эффективности расходов и региональной потребности [11-13]. С правовой точки зрения это свидетельствует о наличии регуляторного разрыва: с одной стороны, инклюзивное образование провозглашается приоритетом, а с другой - отсутствуют специализированные финансово-правовые механизмы, обеспечивающие участие частных субъектов в реализации данного приоритета на устойчивой основе. Действующее законодательство не содержит норм, прямо ориентированных на поддержку инклюзивных школ как субъектов социального предпринимательства, а существующие инструменты (государственный образовательный заказ, подушевое финансирование) не адаптированы к их экономической модели.

Таким образом, имеет место нормативная асимметрия: публичные обязательства государства в сфере инклюзии не обеспечены адекватными правовыми и финансовыми инструментами в отношении частных поставщиков образовательных услуг. Это формирует системный правовой барьер, ограничивающий возможность создания и устойчивого функционирования частных инклюзивных школ в Республике Казахстан.

Предпринимательский кодекс Республики Казахстан закрепляет правовой статус субъектов социального предпринимательства и устанавливает критерии их отнесения, включая деятельность в сфере образования, что формально допускает применение данного статуса к инклюзивным образовательным организациям.

Вместе с тем, закреплённое регулирование носит преимущественно институциональный и классификационный характер: Кодекс определяет категории, критерии и порядок признания статуса, однако не предусматривает механизмов его практической реализации и поддержки. Указанные нормы не сопровождаются инструментами, обеспечивающими доступ к финансированию, налоговым преференциям или иным мерам стимулирования.

При этом, в силу предмета правового регулирования, Предпринимательский кодекс не регулирует бюджетные и налоговые механизмы. Однако

отсутствие системной согласованности его положений с нормами налогового законодательства и законодательства о государственно-частном партнёрстве приводит к тому, что закреплённый статус не интегрирован в действующие финансово-экономические механизмы.

Таким образом, наличие формальных критериев и процедуры признания субъектов социального предпринимательства не трансформируется в функционирующую систему поддержки. Это формирует институциональный разрыв, при котором статус субъекта социального предпринимательства не обеспечен совокупностью взаимосвязанных правовых инструментов, что существенно затрудняет его практическое применение в отношении инклюзивных школ.

Налоговое регулирование не содержит стимулирующих механизмов, что снижает инвестиционную привлекательность проектов в сфере инклюзивного образования.

Результаты эмпирического исследования были систематизированы по ключевым группам респондентов и представлены в таблице 1. Следует отметить, что выборка исследования носит ограниченный характер (45 респондентов) и не претендует на репрезентативность на национальном уровне. В связи с этим полученные данные используются преимущественно для выявления типовых проблем и тенденций, а не для формулирования статистически обоснованных обобщений.

Таблица 1

Оценка действующей модели инклюзивного образования

Группа респондентов	Общая оценка модели	Ключевые проблемы	Уровень удовлетворенности	Вывод
Педагоги инклюзивных школ	Низкий–средний (1,7–2,4)	Перегрузка, нехватка специалистов, слабое правовое регулирование	Низкий	Модель не обеспечивает устойчивость
Педагоги общеобразовательных школ	Низкий–средний (1,6–2,3)	Большие классы, невозможность индивидуального подхода	Низкий	Инклюзия реализуется формально
Родители детей с ООП	Низкий	Недостаток поддержки, формальность сопровождения	Низкий	Система не закрывает потребности

Продолжение таблицы 1

Родители нормотипичных детей	Средний	Снижение качества обучения	Средний	Поддержка есть, но с условиями
Бизнес / инвесторы	Средний	Отсутствие гарантий, непонятная модель	Средний–низкий	Есть интерес, но нет условий

Результаты эмпирического исследования были систематизированы по ключевым группам респондентов и представлены в таблице 1. Выборка носит целевой (экспертный) характер и ориентирована на группы, непосредственно вовлечённые в реализацию инклюзивного образования, включая педагогов инклюзивных и общеобразовательных школ, родителей детей с особыми образовательными потребностями и нормотипичных детей, а также представителей бизнеса и потенциальных инвесторов. Географически исследование охватывает респондентов города Алматы и отдельных регионов Республики Казахстан.

В качестве метода исследования использовано анкетирование с применением шкалы Лайкерта (от 0 до 5), позволяющей количественно оценить восприятие действующей модели инклюзивного образования. Обработка данных позволила определить средние значения по группам, а также выявить распределение оценок.

Анализ показал, что доля респондентов, оценивающих действующую модель как неэффективную (оценки ниже среднего уровня), является доминирующей. Так, среди педагогов инклюзивных школ более 70% респондентов дали низкие и ниже среднего оценки (в диапазоне 1,7–2,4), что отражает перегруженность системы, дефицит специалистов и недостаточную правовую определённость. Среди педагогов общеобразовательных школ аналогичная доля (около 68–72%) указывает на невозможность реализации индивидуального подхода в условиях больших классов.

Наиболее критичная оценка наблюдается среди родителей детей с особыми образовательными потребностями: свыше 75% респондентов указали на недостаточность сопровождения и формальный характер инклюзии. В то же время родители нормотипичных детей демонстрируют более умеренные оценки (средний уровень удовлетворённости), при этом около 50–55% отмечают снижение качества обучения.

Представители бизнеса и инвесторы демонстрируют условно положительное отношение к развитию инклюзивных школ: около 60%

выражают заинтересованность в участии при наличии понятных и стабильных условий, однако более половины респондентов указывают на отсутствие гарантий и непрозрачность экономической модели.

Перекрёстный анализ данных позволяет выделить следующие устойчивые зависимости:

1. наиболее низкий уровень удовлетворённости одновременно фиксируется у педагогов и родителей детей с ООП, что свидетельствует о системном характере проблем, а не о субъективном восприятии отдельных групп;

2. наблюдается разрыв между социальной потребностью (высокий запрос со стороны родителей и педагогов) и экономической реализуемостью модели (условный интерес бизнеса при отсутствии гарантий);

3. негативные оценки педагогов коррелируют с отсутствием институциональных и правовых условий, обеспечивающих устойчивость инклюзивной модели.

Полученные результаты напрямую соотносятся с выводами нормативно-правового анализа. Выявленные проблемы (перегрузка системы, дефицит ресурсов, отсутствие устойчивых механизмов) корреспондируют с установленной ранее несогласованностью правового регулирования, включая отсутствие интеграции норм Предпринимательского кодекса, налогового законодательства и механизмов государственно-частного партнёрства. Таким образом, эмпирические данные подтверждают наличие институционального разрыва между декларируемыми целями инклюзивного образования и реальными условиями его реализации.

Несмотря на ограниченный объём выборки, полученные данные демонстрируют устойчивые повторяющиеся оценки в различных группах респондентов, что позволяет рассматривать их как индикатор системных проблем, требующих нормативно-правового разрешения.

Полученные данные свидетельствуют о том, что проблема носит комплексный характер и проявляется одновременно на социальном, образовательном и экономико-правовом уровнях. При этом, существующие научные исследования не предлагают комплексных решений, ограничиваясь констатацией проблем.

Научная новизна исследования заключается в обосновании необходимости перехода к модели, в которой инклюзивные школы рассматриваются как субъекты социального предпринимательства. Такая модель позволяет

интегрировать социальную миссию и экономические механизмы, обеспечивая устойчивость функционирования образовательных организаций.

В целях обеспечения устойчивости инклюзивных школ предлагается закрепление их правового статуса как субъектов социального предпринимательства, внедрение налоговых и финансовых стимулов, развитие механизмов государственно-частного партнёрства, создание гарантий для инвесторов и диверсификация источников финансирования.

Таким образом, формирование новой правовой модели является необходимым условием обеспечения устойчивости инклюзивных школ и развития системы образования Республики Казахстан.

Список литературы

1. Kenny N., McCoy S., O'Higgins Norman J. A whole education approach to inclusive education: an integrated model to guide planning, policy, and provision // *Education Sciences*. – 2023. – Vol. 13. – No. 4. – Article 356.
2. Mezzanotte C. The social and economic rationale of inclusive education // *OECD Education Working Papers*. – Paris: OECD Publishing, 2020. – No. 221.
3. OECD. *Equity and Inclusion in Education: Finding Strength through Diversity*. – Paris: OECD Publishing, 2023. – 234 p.
4. Kartiko A., et al. Legal review of inclusive education policy: a comparative perspective // *International Journal of Law and Society*. – 2022. – Vol. 5. – No. 2. – P. 85–92.
5. Zhang H., Arya D. Tracing textual silences and ideological tensions in adopted inclusive education legislation in China // *International Journal of Inclusive Education*. – 2023. – Vol. 27. – No. 10. – P. 1123–1139.
6. Herrera-Seda C., Walton E. Teacher education for inclusive education: global trends and policy implications // *Journal of Education for Teaching*. – 2025. – Vol. 51. – No. 1. – P. 45–60.
7. Bania S. Integrating inclusive and constructivist pedagogy in inclusive education // *International Journal of Advanced Research in Engineering and Technology*. – 2021. – Vol. 12. – No. 3. – P. 1120–1127.
8. Hussein-Elhakim A., Thai M.T.T., Nguyen H. A systematic mapping of social entrepreneurship education // *The International Journal of Management Education*. – 2024. – Vol. 22. – No. 2. – Article 100894.
9. Snowden M., et al. Integrating social policy dimensions into entrepreneurship education: a perspective from India // *Education + Training*. – 2024. – Vol. 66. – No. 2. – P. 210–225.

10. Ualiyeva A., et al. Legal regulation of social entrepreneurship in Kazakhstan: current state and development prospects // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. – 2024. – Vol. 27. – No. 1. – P. 1–10.

11. Правительство Республики Казахстан. Прекратить финансирование дорогостоящих элитных школ поручил Бектенов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6505124-prekratit-finansirovanie-dorogostoyashchikh-elitnykh-shkol-poruchil-bektenov.html> (дата обращения: 07.04.2026).

12. Правительство Республики Казахстан. Механизмы финансирования частных медицинских и образовательных организаций пересмотрят в Казахстане [Электронный ресурс]. – URL: <https://primeminister.kz/ru/news/mekhanizmu-finansirovaniia-castnykh-medicinskih-i-obrazovatelnykh-organizacii-pere-smotriat-v-kazaxstane-30984> (дата обращения: 07.04.2026).

13. МТРК. Механизм финансирования частных школ в Казахстане [Электронный ресурс]. – URL: <https://mtrk.kz/ru/2026/01/22/mekhanizm-finansirovaniya-chastnykh-shko/> (дата обращения: 07.04.2026).

© Черниязова Д.Р., 2026

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПАТРИОТИЗМ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Плотников Максим Владимирович

студент

Научный руководитель: **Кузнецова Ольга Вячеславовна**

к.ю.н., доцент кафедры конституционного
и международного права

Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС

Аннотация: В статье рассматривается концепция конституционного патриотизма, её исторические и философские основы, а также значение для развития гражданского общества. Особое внимание уделяется идеям Юргена Хабермаса и их связи с философией Иммануила Канта. Проводится сравнительный анализ конституционного и традиционного патриотизма, раскрываются их ключевые различия. Автор анализирует роль конституции как инструмента формирования гражданской идентичности, социальной интеграции и укрепления демократических ценностей. Рассматриваются особенности реализации конституционного патриотизма в различных странах и проблемы его формирования в России. Делается вывод о необходимости повышения правовой грамотности и развития образовательных инициатив для укрепления гражданского общества.

Ключевые слова: конституционный патриотизм, гражданское общество, гражданская идентичность, конституция, демократия, правовое государство, Хабермас, правовая культура, социальная интеграция, патриотизм.

CONSTITUTIONAL PATRIOTISM AND ITS ROLE IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

Plotnikov Maxim Vladimirovich

Scientific adviser: **Kuznetsova Olga Vyacheslavovna**

Abstract: The article examines the concept of constitutional patriotism, its historical and philosophical foundations, and its role in the development of civil

society. Special attention is paid to the ideas of Jürgen Habermas and their connection with the philosophy of Immanuel Kant. A comparative analysis of constitutional and traditional patriotism is provided, highlighting their key differences. The author analyzes the role of the constitution as a tool for shaping civic identity, social integration, and strengthening democratic values. The implementation of constitutional patriotism in different countries and the challenges of its development in Russia are also discussed. The article concludes that increasing legal awareness and developing educational initiatives are essential for strengthening civil society.

Key words: constitutional patriotism, civil society, civic identity, constitution, democracy, rule of law, Habermas, legal culture, social integration, patriotism.

Конституционный патриотизм — это концепция, предполагающая, что политическая верность граждан должна основываться на нормах, ценностях и процедурах демократической конституции, а не на этнической или культурной идентичности.

Исторически эта концепция возникла ещё во второй половине XX века в Германии, где после Второй мировой войны возникла необходимость создания новой модели гражданской идентичности. Планировалось, что концепция станет альтернативой националистическим формам патриотизма, которые, исходя из исторического опыта XX века, приводили к дискриминации, социальной сегрегации и к прямым этническим конфликтам.

Термин «конституционный патриотизм» был введен немецким философом Дольфом Штернбергером. Он использовал его в 1970-е годы, развивая идею патриотизма, основанного не на этнической или культурной идентичности, а на приверженности демократическим принципам и конституционному строю государства. В дальнейшем эту концепцию значительно развил философ Юрген Хабермас, придав ей современное философско-политическое значение. Юрген предложил модель гражданской идентичности, основанной на приверженности принципам правового государства и правам человека. Он утверждал, что в условиях демократического общества национальная идентичность должна опираться не на этническую принадлежность или культурные традиции, а на осознание ценности демократических институтов и поддержку конституционного порядка. В его трудах подчеркивается необходимость рационального и

осознанного патриотизма, который формируется через активное гражданское участие, уважение к законам и признание важности общественного диалога.

Следует отметить, что философские корни такой концепции можно проследить в трудах Иммануила Канта. Именно Кант подчеркивал важность морального закона и рациональных принципов в построении справедливого общества. Также он утверждал, что истинная гражданская лояльность должна основываться на уважении к универсальным моральным принципам, а не на привязанности к конкретной нации или культуре.

Вдохновленный идеями Канта, Хабермас адаптировал их к реалиям современности, сделав акцент на формировании гражданской идентичности через осознание демократических ценностей и соблюдение конституционного порядка. Таким образом, концепция конституционного патриотизма имеет достаточно глубокие корни и богатую историю, при этом она остается актуальной и в настоящий момент времени.

Рассматривая концепции и историю конституционного патриотизма важно понимать, что конституционный патриотизм принципиально отличается от традиционного национального патриотизма. В традиционном понимании патриотизм базируется на культурных, этнических и исторических факторах. В научной литературе отмечается, что такой патриотизм опирается на коллективную идентичность, связанную с национальной историей, языком, религией и культурой. Такой патриотизм носит спонтанный и эмоциональный характер, представляя собой синтез различных традиционных ценностей. Конституционный патриотизм же строится на приверженности правовым нормам и гражданским ценностям, что делает его более инклюзивным и универсальным по сравнению с традиционным. Такой вид патриотизма характеризуется институциональной привязкой к государству и не зависит от этнической принадлежности. Он доступен каждому гражданину вне зависимости от его происхождения или культурных особенностей.

На практике конституционный патриотизм способствует объединению граждан в многонациональных государствах, рассматривается как фактор в формировании интегрированной гражданской идентичности. В условиях высокой миграции он становится ключевым инструментом укрепления социальной сплоченности. В отличие от традиционного национализма, который может приводить к политической поляризации, этническим конфликтам и дискриминации меньшинств, конституционный патриотизм способствует социальной стабильности и уважению прав всех граждан. Таким

образом, конституционный патриотизм представляет собой баланс между национальной идентичностью и демократическими ценностями. Конституция закрепляет основы государственного строя, права и свободы человека и гражданина, а также выступает правовой базой формирования гражданской идентичности, что позволяет защищать гражданское общество от радикализации и обеспечивает его развитие на основе демократических принципов [1].

В целом значимость конституционного патриотизма проявляется в самой роли конституции и её роли в формировании гражданской идентичности. Конституция выполняет несколько ключевых функций, обеспечивающих сплоченность общества:

- Определяет фундаментальные ценности общества – права и свободы человека, демократическое устройство, принципы верховенства закона.
- Создает правовую основу для гражданской идентичности – каждый гражданин включен в правовое пространство государства, независимо от этнической или религиозной принадлежности.
- Формирует механизмы социальной интеграции – защищает права меньшинств, регулирует общественные конфликты, устанавливает равные возможности для всех граждан.

В странах с устоявшейся демократической традицией конституция воспринимается не просто как юридический документ, а как символ национального единства. В США, например, Конституция считается основой гражданской идентичности, а знание её принципов является частью системы образования. В Германии основным законом («Grundgesetz») после 1949 года стал символом демократического возрождения и основой для формирования нового типа патриотизма, основанного на приверженности либерально-демократическим ценностям.

Для России значение конституции как объединяющего фактора остается предметом дискуссий. Несмотря на провозглашенные принципы правового государства и демократического устройства, уровень гражданской идентичности через конституционные ценности остается относительно низким. Согласно данным, ВЦИОМ (2023), хорошо знают, читали Конституцию 13% наших граждан, а 68% имеют только общее представление о документе, при этом 18% вообще ничего не знают об основном законе нашей страны [5]. Это свидетельствует о необходимости усиления правового

просвещения и формирования патриотизма, основанного на уважении к закону и демократическим нормам. Однако в 2025 году прошёл X Всероссийский тест на знание Конституции РФ по результатам средний балл участников составил 10 баллов, а общее количество участников достигло 9 миллионов человек, это свидетельствует об актуальности вопроса конституционного патриотизма [6]. Интересно отметить, что знание Конституции напрямую связано с наличием высшего образования, что указывает на необходимость правового просвещения, начиная со школы.

В этом контексте можно привести мнение известного российского конституционалиста В. Е. Чиркина, который подчеркивает, что Конституция должна рассматриваться не только как юридический документ, но и как символ национального единства, отражающий общие ценности и устремления общества [7, с. 43]. Однако это возможно только при развитии образовательных программ, направленных на повышение правовой грамотности и осознание значимости конституционных ценностей.

Некоторые вузы и школы уже включают изучение основ Конституции в учебные программы, организуют тематические мероприятия и конкурсы, посвященные конституционным правам и обязанностям граждан. Однако подобные инициативы пока не носят повсеместного характера, что приводит к неравномерному уровню знаний о Конституции и различию в восприятии патриотизма среди граждан. Кроме того, активную роль в формировании конституционного патриотизма играют общественные организации и движения, продвигающие идеи верховенства закона, защиты прав человека и демократических ценностей. Их деятельность способствует повышению гражданской активности и укреплению институтов гражданского общества.

Таким образом, конституционный патриотизм, основанный на приверженности общим правовым и демократическим ценностям, играет ключевую роль в развитии гражданского общества. Он способствует формированию общей гражданской идентичности, укреплению правовой культуры и стимулированию гражданской активности. Для его продвижения необходимы совместные усилия государства, образовательных учреждений и общественных организаций, направленные на повышение осознания значимости конституционных ценностей и их внедрение в повседневную жизнь общества.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.04.2026).
2. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас; перевод с немецкого Ю. С. Медведева; под редакцией Д. В. Скляднева. — Санкт-Петербург: Наука, 2001. — 417 с.
3. Христофорова Е.И. Конституционно-правовое регулирование идеи патриотизма как условие стабильности современного общества // Журн. Юридическая наука 2019 г. // [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-idei-patriotizma-kak-uslovie-stabilnosti-sovremennogo-obschestva/viewer> (дата обращения: 25.03.2026).
4. Сальников В. П. Романовская В.Б. Щепоткина-Маринина Т. В. Правовая концепция Юргена Хабермаса // Журн. Правовое государство: теория и практика 2018 г. // [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kontseptsiya-yurgena-habermasa/viewer> (дата обращения: 30.03.2026).
5. Официальный сайт ВЦИОМ // [электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/konstitucija-i-zhizn> (дата обращения: 03.04.2026).
6. Официальный сайт X Всероссийского теста на знание Конституции РФ // [электронный ресурс] URL: https://xn--80aahfjo8abu.xn--d1acj3b/test_konst/ (дата обращения: 09.04.2026).
7. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование [Текст]: [монография] / [Е. Б. Абросимова и др.]; отв. ред. В. Е. Чиркин; Ин-т государства и права РАН. - Москва: Норма: Инфра-М, 2011. - 655 с. // [электронный ресурс] URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005028993> (дата обращения: 01.04.2026).

© Плотников М.В., 2026

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СОСЕДСКИХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Абраменко Ангелина Дмитриевна

студент

Научный руководитель: Конопляникова Татьяна Валерьевна

доцент, канд. пед. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет

имени В.А. Бондаренко»

Аннотация: В статье исследуется правовой режим соседских прав как особого института гражданского права, ограничивающего исключительный характер права собственности. Анализируются критерии допустимого воздействия на соседние участки (шум, пар, запахи и иные физические факторы), разграничивая понятия «терпимого» и «неправомерного» вмешательства. Особое внимание уделяется балансу частных интересов и принципу добросовестности в соседских правоотношениях. На основе анализа актуальной судебной практики и доктрины выявляются пробелы в законодательном регулировании пределов дозволенного воздействия и предлагаются пути совершенствования правовых норм для минимизации межевых конфликтов.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, соседские права, право собственности, пределы осуществления прав, ограничения права собственности, негативный иск, добросовестность, земельный участок, сервитут.

LEGAL REGIME OF NEIGHBOR'S RIGHTS IN CIVIL LAW: LIMITS OF PERMITTED INFLUENCE

Abramenko Angelina Dmitrievna

Scientific supervisor: Konoplyannikova Tatiana Valeryevna

Abstract: This article examines the legal regime of neighborly rights as a special civil law institution limiting the exclusive nature of property rights. It analyzes the criteria for permissible impact on neighboring properties (noise, steam, odors, and other physical factors), distinguishing between the concepts of "tolerable" and "unlawful" interference. Particular attention is paid to the balance of

private interests and the principle of good faith in neighborly legal relations. Based on an analysis of current judicial practice and doctrine, gaps in the legislative regulation of the limits of permissible impact are identified and ways to improve legal norms to minimize boundary conflicts are proposed.

Key words: neighboring rights, property rights, limits on the exercise of rights, restrictions on property rights, negative action, good faith, land plot, easement.

Современный этап развития гражданского оборота в России характеризуется интенсификацией градостроительной деятельности и качественным изменением пространственной среды обитания. Динамичные процессы урбанизации, выражающиеся в неуклонном росте плотности застройки и усложнении инфраструктурных связей, детерминируют возникновение новых типов правовых конфликтов. В условиях ограниченности земельного и жилищного пространства классическая концепция абсолютности права собственности вступает в объективное противоречие с социально-экономическими реалиями межквартирных и междомовых отношений [3, ст. 16].

Обеспечение гармоничного сосуществования субъектов гражданского права требует не просто формального разграничения сфер господства над вещью, но и формирования детализированного правового режима соседских прав. Данный институт, выступая необходимым инструментом социальной координации, призван сбалансировать частный интерес собственника с обязанностью соблюдения прав лиц, находящихся в зоне непосредственного пространственного воздействия его деятельности. Актуальность исследования границ дозволенного воздействия в соседских отношениях продиктована необходимостью перехода от дискреционных судебных оценок к четким законодательным критериям «разумного терпения» и взаимной лояльности участников гражданского оборота.

Соседские права представляют собой специфическую категорию гражданско-правовых обременений и полномочий, возникающих в силу пространственной близости объектов недвижимости. В доктринальном аспекте данный институт выступает инструментом легального ограничения абсолютности права собственности в целях минимизации конфликтов и обеспечения эффективного использования ресурсов сопредельных территорий. В условиях современного общества, где категории личного пространства и комфорта среды жизнедеятельности приобретают статус

приоритетных благ, потребность в транспарентном и детальном регулировании соседских отношений становится критической.

Правовой статус собственника в системе соседских отношений не является абсолютным. Осуществление правомочий владения и пользования ограничено как императивными нормами закона, так и корреспондирующими правами владельцев смежных участков. Это подразумевает обязанность субъекта воздерживаться от действий, которые, даже не будучи прямо запрещенными, создают несоразмерные препятствия для использования соседнего имущества [11, с. 560].

В основу соседских прав заложена презумпция взаимного уважения законных интересов. Собственники обязаны проявлять должную степень разумности, допуская незначительные воздействия со стороны соседа, если таковые являются обычными для данной местности и не нарушают санитарно-гигиенических или градостроительных регламентов. Соседские отношения регулируются многоуровневой системой актов, включающей федеральное гражданское законодательство и массив региональных и муниципальных нормативных установлений. Наличие региональной специфики требует от субъектов тщательного анализа локальных правил землепользования и застройки (ПЗЗ), которые могут существенно варьироваться в зависимости от субъекта РФ.

Правоотношения соседства предполагают наличие взаимных обязательств по устранению негативных последствий хозяйственной деятельности. В случае нарушения установленных границ воздействия собственник наделяется правом на применение как внесудебных способов урегулирования (медиация, претензионный порядок), так и классических гражданско-правовых способов защиты, включая негативный иск о прекращении нарушений и требования о возмещении причиненных убытков. В дореволюционной России вопросы соседских прав не имели четкой регламентации и регулировались в основном обычным правом. Соседские отношения, как правило, основывались на принципах добрососедства и взаимопомощи, однако правовая защита интересов соседей была ограничена и неформализована.

С началом XX века, особенно после Октябрьской революции 1917 года, в стране началась активная работа по кодификации гражданского законодательства. В 1922 году был принят Гражданский кодекс РСФСР, который стал первым документом, содержащим нормы, касающиеся соседских прав. В этом кодексе были заложены основы для защиты прав

соседей, включая право на защиту от действий, нарушающих их интересы [12, с. 88]. Дальнейшее развитие соседских прав произошло в рамках Гражданского кодекса РСФСР 1964 года, который более детально регламентировал вопросы, связанные с использованием земельных участков, правами на воздух, свет и другие ресурсы. В этом кодексе были закреплены принципы разумного использования соседских прав, что способствовало более гармоничному сосуществованию граждан.

С переходом к рыночной экономике в 1990-х годах и принятием нового Гражданского кодекса Российской Федерации в 1994 году, соседские права получили новое развитие. Кодекс четко определил права и обязанности соседей, включая нормы о защите от вредных воздействий и правила о соблюдении границ земельных участков. Это стало важным шагом к формализации и защите интересов граждан в рамках соседских отношений [9, с. 161]

Правовой режим соседских прав в гражданском праве России регулируется несколькими ключевыми нормативно-правовыми актами, среди которых основное внимание следует уделить Гражданскому кодексу Российской Федерации. В частности, статьи Гражданского кодекса устанавливают основные принципы и правила, касающиеся соседских прав, включая права и обязанности собственников земельных участков и других объектов недвижимости [1, ст. 3301].

Ключевыми аспектами, закрепленными в этих статьях, являются право на использование и защиту своих прав, а также ограничения, которые могут быть наложены на использование соседних участков. Например, статья 263 ГК РФ определяет, что собственник земельного участка должен осуществлять свои права так, чтобы не причинять вреда соседям, а статья 42 ЗК РФ устанавливает правила о допустимых пределах воздействия на соседние участки, включая ограничения по загрязнению и другим факторам, которые могут негативно сказаться на качестве жизни соседей.

Дополнительно, важную роль в регулировании соседских прав играют специальные законы, такие как региональные законы о тишине, который устанавливает временные рамки для проведения шумных работ, и закон о защите прав потребителей, который может применяться в случаях, когда соседи нарушают права других граждан. Нормативно-правовая база, регулирующая соседские права, представляет собой комплексный механизм, направленный на баланс интересов собственников и защиту прав граждан в сфере гражданского оборота.

Соседские права в гражданском праве России регулируются на основе ряда принципов, которые направлены на обеспечение гармоничного сосуществования собственников соседних земельных участков и защиту их интересов. Основные идеи, лежащие в основе регулирования соседских прав, можно выделить следующим образом.

Во-первых, принцип добрососедства предполагает, что владельцы соседних участков должны учитывать интересы друг друга и стремиться к минимизации негативного воздействия на соседей. Это включает в себя соблюдение норм, касающихся высоты зданий, размещения построек и использования земельных участков.

Во-вторых, принцип разумного использования предполагает, что собственники должны использовать свои участки таким образом, чтобы не причинять ущерба соседям. Это означает, что действия одного собственника не должны приводить к ухудшению условий жизни или ведения хозяйства на соседнем участке.

В-третьих, принцип взаимной ответственности подразумевает, что соседи несут ответственность за ущерб, причиненный в результате своих действий. Это включает в себя как прямую ответственность за причинение вреда, так и обязательства по устранению последствий, вызванных нарушением прав соседей.

Наконец, принцип защиты прав и законных интересов соседей обеспечивает возможность обращения в суд для защиты своих прав. Это позволяет собственникам эффективно защищать свои интересы и добиваться соблюдения норм соседского права.

В рамках правового режима соседских прав в гражданском праве России важным аспектом является четкое определение прав и обязанностей соседей, что позволяет установить границы дозволенного воздействия. Согласно Гражданскому кодексу РФ, соседи обязаны уважать права друг друга и не нарушать их законные интересы.

Соседи имеют право на использование своих земельных участков и объектов недвижимости, однако это право ограничено обязанностью не причинять вреда соседям. Например, запрещается осуществлять действия, которые могут привести к ухудшению условий жизни соседей, такие как чрезмерный шум, загрязнение окружающей среды или создание препятствий для доступа к их участкам. Важно отметить, что соседи должны учитывать не только свои интересы, но и интересы соседей, что подразумевает необходи-

мость согласования определенных действий, например, строительства или проведения земельных работ.

С другой стороны, соседи также имеют право на защиту своих интересов. В случае нарушения прав одного из соседей, он может обратиться в суд с иском о защите своих прав, что подтверждает важность соблюдения границ дозволенного воздействия. Споры между соседями - это распространенное явление, которое может возникать по самым различным причинам, связанным с нарушением прав соседей, например, из-за шумов, нарушения границ земельных участков, размещения построек и других факторов. Важно понимать, что правовой режим соседских прав в России регулируется Гражданским кодексом, который устанавливает определенные нормы и правила, направленные на предотвращение конфликтов и их разрешение.

Одним из наиболее распространенных примеров споров является конфликт из-за шума. Например, если один из соседей регулярно устраивает вечеринки с громкой музыкой, это может вызывать недовольство у других жильцов. В таких случаях пострадавшая сторона может обратиться к соседу с просьбой снизить уровень шума, а если это не приводит к результату, то можно обратиться в органы местного самоуправления или в полицию.

Другим распространенным примером являются споры о границах земельных участков. Нередко соседи могут не согласовывать свои действия при установлении заборов или других ограждений. В таких случаях важно иметь на руках документы, подтверждающие право собственности и границы участка. Если конфликт не удастся разрешить мирным путем, стороны могут обратиться в суд для определения границ и защиты своих прав [10, с. 1016].

Способы разрешения споров между соседями могут варьироваться от мирных переговоров до обращения в судебные инстанции. Важно отметить, что прежде чем идти в суд, рекомендуется попробовать решить конфликт через медиацию - процесс, в котором нейтральная третья сторона помогает сторонам достичь соглашения. Это может сэкономить время и средства, а также сохранить добрососедские отношения. Вопрос предотвращения конфликтов, связанных с соседскими правами, является актуальным в условиях современного гражданского оборота. Эффективное управление соседскими отношениями может существенно снизить риск возникновения споров.

Предлагаем рекомендации, которые помогут избежать конфликтов между соседями.

Важно установить четкие границы прав и обязанностей сторон. Это может быть достигнуто путем составления соглашений, в которых будут прописаны условия пользования общими ресурсами, такими как земельные участки, заборы, деревья и другие элементы, находящиеся на границе участков. Прозрачность и ясность в этих вопросах помогут избежать недопонимания и конфликтов.

Регулярное общение между соседями играет ключевую роль в предотвращении споров. Открытое обсуждение возникающих проблем и вопросов, касающихся соседских прав, может помочь в своевременном разрешении конфликтов. Например, если один из соседей планирует проводить строительные работы, целесообразно заранее уведомить других соседей и обсудить возможные неудобства. Следует учитывать необходимость соблюдения норм и правил, установленных местными органами власти. Знание и соблюдение градостроительных норм, санитарных правил и других регуляций поможет избежать правонарушений и, как следствие, конфликтов. В случае возникновения вопросов по поводу соблюдения этих норм, рекомендуется обращаться за консультацией к юристам или специалистам в данной области.

Важно помнить о культурном и уважительном отношении к соседям. Создание дружелюбной атмосферы и взаимопомощи может значительно снизить вероятность возникновения конфликтов. Участие в совместных мероприятиях, таких как праздники или субботники, способствует укреплению соседских отношений и формированию доверия.

Исследование соседских прав в гражданском праве России подчеркивает их значимость в условиях современного общества, где плотность застройки и сложные межличностные отношения становятся все более актуальными. Соседские права, как специфическая категория гражданских прав, играют ключевую роль в обеспечении гармоничного сосуществования собственников, минимизации конфликтов и защите интересов всех сторон.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 44. - Ст. 4147.

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-Ф // Собрание законодательства РФ. - 2005. - № 1 (часть 1). - Ст. 16.
4. Проект Федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (в части регулирования соседских прав)
5. СанПиН 2.1.2.2645-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях»
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023)
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15.12.2020 № 5-КГ20-150-К2 (по спору о нарушении норм инсоляции и застройки).
9. Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2-х ч.). По исправленному и дополненному 8-му изд., 1902. - М.: Статут, 2010. – 161 с.
10. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2022. - 1016 с.
11. Суханов Е. А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. - М.: Статут, 2017. - 560 с.
12. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. - 88 с.

© Абраменко А.Д., 2026

**СЕКЦИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ОСОБЕННОСТИ И ТАБУ В ДЕЛОВЫХ И БЫТОВЫХ
ПРИВЕТСТВИЯХ ЯПОНИИ, ФРАНЦИИ И США:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Файфер Ангелина Александровна
студент

Научный руководитель: **Рымошевская Анна Владимировна**
ассистент преподавателя
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»

Аннотация: статья представляет собой систематический сравнительный анализ невербальных приветствий, принятых в Японии, Франции и США в повседневных и деловых кругах. Автор акцентирует внимание на исторических корнях, строгих запретах и реальных кейсах нарушений с конкретными последствиями. Представлена попытка выявить культурные архетипы – «коллективизм» Японии, «элегантность» Франции и «индивидуализм» США. Результаты имеют практическую значимость и могут быть полезны как студентам международных программ, так и менеджерам международных проектов, дипломатам и туристам.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, приветствия, этикет, запреты, табу, Япония, Франция, США.

**FEATURES AND TABOOS IN BUSINESS AND HOUSEHOLD
GREETINGS IN JAPAN, FRANCE AND THE USA:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Faifer Angelina Alexandrovna
Scientific adviser: **Rymoshevskaya Anna Vladimirovna**

Abstract: the article is a systematic comparative analysis of non-verbal greetings accepted in Japan, France and the USA in everyday and business circles. The author focuses on historical roots, strict prohibitions and real cases of violations with specific consequences. An attempt is made to identify cultural archetypes – the "collectivism" of Japan, the "elegance" of France, and the "individualism" of the United States. The results are of practical importance and can be useful for students

of international programs, as well as international project managers, diplomats and tourists.

Key words: intercultural communication, greetings, etiquette, prohibitions, taboo, Japan, France, USA.

В условиях глобализации приветственные ритуалы превратились в мощный элемент культурной идентичности и социального статуса. Особую значимость это приобретает при сопоставлении традиций трёх культур с принципиально разными подходами к невербальной коммуникации – Японии, Франции и США. Например, в Японии ритуализированный поклон выражает иерархию, во Франции воздушные поцелуи сочетают галантность с региональной спецификой, в США рукопожатия и объятия воплощают равенство и открытость. Неверная интерпретация этих жестов способна вызвать не только личный дискомфорт, но и серьёзные профессиональные последствия – от срыва контрактов до репутационных скандалов и дипломатических инцидентов.

Актуальность обусловлена стремительной интеграцией глобальных контактов, где дефицит знаний о локальных нормах провоцирует разрушение доверия и упущенные возможности. Особую значимость тема приобретает в контексте подготовки специалистов по международным отношениям и кросс-культурному менеджменту, чья профессиональная эффективность напрямую зависит от понимания культурного кода партнёров.

Объектом исследования является невербальная коммуникация в межкультурных взаимодействиях Японии, Франции и США.

Предметом выступают ритуалы приветствия, их исторические предпосылки, бытовые и деловые вариации, связанные табу и запретами.

Цель работы – провести исторический кейс-анализ приветствий в представленных странах для определения, что является допустимым и табуированным.

Теоретическая рамка: параметры сравнения культур

Для систематизации анализа представляется целесообразным опереться на параметры культурного сравнения, предложенные Г. Хофстеде. В рамках данной работы ключевыми выступают два измерения:

Индивидуализм/коллективизм - степень интеграции индивида в группы. Коллективистские культуры (Япония) ценят гармонию, иерархию и групповую принадлежность; индивидуалистские (США) - личные достижения

и равенство. Франция занимает промежуточное положение с элементами обоих типов.

Дистанция власти - степень принятия неравномерного распределения власти. Высокая дистанция (Япония) предполагает строгое почитание старших и вышестоящих; низкая (США) - эгалитарность отношений.

Использование данной теоретической рамки позволяет избежать описательного характера анализа и представить культурные различия в систематизированном виде.

Ритуализированный коллективизм Японии и строгие табу на контакт. Конфуцианские принципы оказали фундаментальное влияние на формирование японских ритуалов приветствия. Идея уважения к старшим и вышестоящим в социальной иерархии стала основой этикетных норм. Чёткое следование правилам отражало конфуцианский идеал гармоничного общества, где ритуалы предотвращали конфликты в иерархической структуре. Буддийские традиции усилили акцент на внутреннем состоянии и духовной чистоте: поклон (одзиги) символизирует смирение и уважение. Как отмечает Елена Гаврилина-Фудзияма, «японский этикет - правила поведения, сложившиеся веками на основе скромности, сдержанности и уважения к старшим, с истоками в придворном протоколе эпохи Хэйан, когда поклоны фиксировали статус» [2].

В быту японские приветствия демонстрируют изысканную градацию: легкий наклон (примерно 15°, 1–2 секунды) используется при встрече с соседями или знакомыми; средний наклон (около 30°, 2–3 секунды) обязателен для родителей, старших родственников или учителей; глубокий наклон (45°, 3–4 секунды) сопровождает извинения или выражение особой благодарности. Вербальные формулы минималистичны - «Konnichiwa» или молчаливый кивок, что подчёркивает невербальный приоритет [7].

Деловой этикет ещё строже: обмен визитками (meishi kokan) происходит двумя руками с поворотом текста к партнёру, затем следует синхронный поклон (начинают и заканчивают одновременно), при этом младший по статусу кланяется глубже [12]. Руководители ограничиваются кивком, женщины - чуть большим наклоном, чем мужчины равного статуса.

Табу и ограничения. В японской культуре физический контакт при приветствии строго ограничен. Объятия или похлопывания не приняты и могут вызывать дискомфорт, однако интерпретировать их универсально как «акт агрессии» было бы некорректным обобщением. Скорее речь идёт о культурной дистанции и нежелательности вторжения в личное пространство.

Прямой зрительный контакт продолжительностью более нескольких секунд может восприниматься как вызов. Касание головы другого человека считается нарушением личных границ, поскольку в японской традиции голова ассоциируется с достоинством личности. Громкая речь или активная жестикуляция оцениваются как невоспитанность. Нарушение этих норм разрушает групповую гармонию (*ва*), что может провоцировать коллективное осуждение [10].

В ряде исследований отмечаются случаи межкультурных недоразумений на высшем уровне, когда представители западных культур, не знакомые с японскими нормами, допускали этикетные ошибки (например, инициирование рукопожатия вместо поклона или неосторожное прикосновение). Однако подобные инциденты, как правило, не влекут за собой серьёзных дипломатических последствий, поскольку к иностранцам применяются снисходительные стандарты.

Французский дуализм формальности и галантности. Французские приветствия эволюционировали от средневековых практик к современным нормам. В разные исторические периоды менялись и представления о допустимых жестах. Революция 1789 года демократизировала ритуалы, введя рукопожатие как знак равенства граждан, а буржуазия XIX века закрепила его в бизнесе, сохранив «*la bise*» (поцелуи в щеку) для близкого круга. Существуют различные версии происхождения «*la bise*», однако их научная обоснованность остаётся дискуссионной.

В повседневной жизни «*la bise*» доминирует среди друзей и семьи. С незнакомцами или в лифте принято вербальное «*Bonjour*» с кивком. Существуют возрастные нюансы: к детям до 12 лет обращаются преимущественно словесно; пожилые люди ожидают полного ритуала. Деловой контекст строг: рукопожатие (2–3 секунды, умеренное давление, прямой взгляд в глаза, «*Bonjour Monsieur/Madame*») обязательно при входе и выходе; *la bise* допустима только для давних коллег равного статуса [11].

Табу и ограничения. Строго запрещена «*la bise*» с начальством, незнакомцами или в формальной обстановке - такое поведение оценивается как бестактное. Объятия или похлопывания по плечу в деловом контексте считаются вульгарными.

Показательным примером трансформации корпоративных норм является случай, произошедший в одной из крупных европейских авиакомпаний. В компании сложилась практика, когда руководители требовали от подчинённых женщин совершать «*la bise*» как обязательный элемент корпоративной культуры. Те, кто отказывался, сталкивались с негативными

отзывами в аттестациях и переводами на менее престижные должности. Национальный судебный орган Франции признал, что навязывание «la bise» в иерархических отношениях нарушает этикетную норму, согласно которой этот жест допустим только между равными по статусу коллегами. В результате разбирательства компания изменила корпоративный кодекс, официально исключив «la bise» из делового общения.

Прагматичный индивидуализм США. На формирование американской невербальной культуры приветствий повлияли исторические, социальные и культурные процессы. В колониальный период (XVII–XVIII вв.) в США доминировала британская формальность: в элитной среде были приняты титулы, поклоны и реверансы. Однако после обретения независимости в 1776 году рукопожатие стало символом равенства. В XIX веке волны иммиграции привнесли новые элементы: итальянцы популяризировали объятия, ирландцы – дружеские хлопки по плечу. В 1960–1970-е годы, под влиянием движения за гражданские права, феминизма и контркультуры, широкое распространение получили «хай-файв» и кивки. В 1922 году Эмили Пост в книге «Этикет» закрепила стандарт: «крепкое рукопожатие, 2–3 секунды, зрительный контакт» [8].

В современной бытовой культуре наблюдаются региональные различия. На Юге США распространены тёплые объятия, что связывают с традицией «южного гостеприимства». На Северо-Востоке преобладает краткое рукопожатие или кивок. В молодёжной среде популярны «хай-файв» и приветствие «Hey, what's up?» [13]. Вербальное сопровождение усиливает невербальное действие: около 80% приветствий дополняются фразами «Hi!» или «Great to see you!». В деловом общении универсальным стандартом остаётся рукопожатие - твёрдое, но не агрессивное, сопровождаемое улыбкой и произнесением имени собеседника.

Табу и ограничения. Запреты в приветствиях носят контекстуальный характер. Объятия и хлопки с незнакомцами расцениваются как вторжение в личное пространство. В современном корпоративном контексте наблюдается тенденция к сокращению физических контактов при приветствиях, что связано с трансформацией комплаенс-политик и пересмотром норм профессионального общения. В США отсутствует единый закон «об объятиях», однако физический контакт регулируется Разделом VII Закона о гражданских правах 1964 года (Title VII) [14].

В результате компании переходят от неформальных приветствий к более формальным и дистанцированным нормам, закрепляя это во внутренних кодексах этики и правилах комплаенс.

Длительный зрительный контакт или затянутое рукопожатие также могут интерпретироваться как проявление неуверенности или агрессии. При знакомстве табуированы личные вопросы, касающиеся возраста или зарплаты. Это связано, во-первых, с риском дискриминации (вопросы о возрасте могут быть истолкованы как возрастная дискриминация, а о доходе - как попытка оценить человека по социальному статусу); во-вторых, с высоко ценимой в американской культуре приватностью; в-третьих, с тем, что обсуждение доходов создаёт неловкость и нежелательные сравнения.

Приведённый анализ позволяет систематизировать ключевые различия между приветственными ритуалами трёх культур (см. Таблицу 1, с. 6).

Таблица 1

**Сравнительный анализ приветственных ритуалов
в Японии, Франции и США**

<i>Параметр сравнения</i>	<i>Япония</i>	<i>Франция</i>	<i>США</i>
Доминирующая форма приветствия	Поклон (одзиги)	Рукопожатие (деловой контекст); «la bise»	Рукопожатие (деловой); кивок, «хай-файв» (неформальный)
Иерархия и статус	Четко выражена: глубина и длительность поклона зависят от статуса, возраста и пола	Иерархия проявляется в запрете «la bise» с начальством; рукопожатие универсально	Минимизирована: рукопожатие символизирует равенство; иерархия в этикете практически отсутствует
Физический контакт	Минимален: объятия и похлопывания под запретом (воспринимаются как агрессия)	Рукопожатие в деловой среде, «la bise» только для близких и равных по статусу	Широко распространены в неформальной среде объятия, «хай-файв»; с незнакомцами соблюдается дистанция
Ключевые табу	Касание головы (seime); громкая речь; активная жестикуляция; объятия с незнакомцами	«La bise» с начальством или в формальной обстановке; объятия и похлопывания в деловом контексте	Личные вопросы (возраст, зарплата); затянутое рукопожатие; объятия с незнакомцами

Продолжение таблицы 1

Культурная ценность	<i>Гармония (wa), коллективизм, иерархия</i>	<i>Галантность, социальная дистанция, региональная идентичность</i>	<i>Равенство, прагматизм, уважение к личному пространству</i>
----------------------------	--	---	---

Подводя итог, можно отметить, что культурно-исторические корни приветствий в Японии, Франции и США формируют принципиально различные системы невербальной коммуникации. Каждая из систем служит зеркалом базовых ценностей: японские ритуалы акцентируют коллективизм и иерархию, французские – эстетику и социальные различия, американские – толерантность и неформальность.

Теоретическое осмысление этих различий через параметры Г. Хофстеде позволяет не просто описывать культурные особенности, но и прогнозировать зоны потенциальных межкультурных конфликтов. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных выводов при подготовке специалистов по международным отношениям, кросс-культурному менеджменту и при разработке тренингов для работы в мультикультурных командах.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Жанр сезонных приветствий в японской культуре // Жанры речи. — 2024. — № 3 (43). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanr-sezonnyh-privetstviy-v-yaponskoj-kulture> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Гаврилина-Фудзияма Е. Японский этикет: древние традиции и современные правила. — М.: Издательство АСТ, 2020. — 256 с.
3. Деловой этикет в США // Российский экспортный центр. — URL: <https://www.rusexporter.ru/business-etiquette/502/> (дата обращения: 02.04.2026).
4. Золотухин Д. С. Между языком жестов и жестовым языком: проблема эквивалентности французских и русских терминов метаязыка жестовых систем коммуникаций // СибСкрипт. — 2024. — № 4 (34).
5. Линецкая Т. Н. Особенности делового этикета в разных странах // Экономика и социум. — 2020. — № 1 (68).
6. Овдий О. Французский этикет. Почему француженки не носят Шанель. — М.: Издательство АСТ, 2020. — 200 с.

7. Одзиги – японское искусство поклонов // Официальный туристический сайт Японии. — URL: <https://visitjapan.ru/plan/customs-manners/odzigi-yaponskoe-iskusstvo-poklonov> (дата обращения: 03.04.2026).
8. Пост Э. Этикет. — М.: Рипол классик, 2003. — 815 с.
9. Садыкова Г. З., Юсупова Л. М. Социокультурный контекст при обучении разговорной речи на английском языке // *Universum: филология и искусствоведение*. — 2025. — № 6 (132).
10. Турапова Н. А. Национальная специфика коммуникации японского менталитета // *ORIENSS*. — 2022. — № Special Issue 22.
11. BCcampus Pressbooks. 1.10: Francophonie – Points Culturels / French OER 1. — URL: <https://pressbooks.bccampus.ca/frenchoer1/chapter/1-10-francophonie-points-culturels/> (дата обращения: 04.04.2026).
12. Going Global. Japan Communication Styles / Business Communication. — URL: <https://blog.goingglobal.com/japan-communication-styles/> (дата обращения: 04.04.2026).
13. MIT International Students Office (ISO). “Hi, How are you?”: Greetings in the United States. — URL: <https://iso.mit.edu/americanisms/hi-how-are-you-greetings-in-the-united-states/> (дата обращения: 04.04.2026).
14. U.S. Government Publishing Office. United States Government Manual, 1997-1998 Edition / Washington, D.C., 1997. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVMAN-1997-05-30/html/GOVMAN-1997-05-30-Pg511.htm> (дата обращения: 06.04.2026).

© Файфер А.А.

**СЕКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ЗНАЧЕНИЕ ЗАКОНА «О БРАКАХ ССЫЛЬНЫХ»
14.12.1892 ГОДА В РЕГУЛИРОВАНИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ
ОТНОШЕНИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ЖУРНАЛА «ТЮРЕМНЫЙ ВЕСТНИК»)**

Галиуллин Ильшат Рустемович

аспирант

Научный руководитель: **Сальникова Алла Аркадьевна**

д.и.н., профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с изменением законодательства о браках ссыльнокаторжных во второй половине XIX века. О значении закона 14 декабря 1892 года для ссыльных и их семей.

Ключевые слова: история России, брак, семья, тюрьма, ссыльные, каторга, Сибирь, Сахалин.

**THE SIGNIFICANCE OF THE LAW «ON THE MARRIAGES OF EXILED
PERSONS» OF 14 DECEMBER 1892 IN REGULATING THE FAMILY
AND MARRIAGE RELATIONS OF PRISONERS (BASED ON THE
MATERIALS OF THE JOURNAL «PRISON BULLETIN»)**

Galiullin Ilshat Rustemovich

Scientific adviser: **Salnikova Alla Arkadevna**

Abstract: the article examines the issues related to the changes in the legislation on marriages of exiled convicts in the second half of the 19th century. It also discusses the significance of the law of December 14, 1892, for exiled convicts and their families.

Key words: Russian history, marriage, family, prison, exiles, hard labor, Siberia, Sakhalin.

В Российской империи государство уделяло пристальное внимание правовому регулированию семейно-брачных отношений заключенных. В Сибирь, по материалам журнала «Тюремный вестник» (официальное издание Главного тюремного управления Российской империи), ежегодно

ссылали до десяти тысяч человек на долгие годы, и большинство ссыльнокаторжных были людьми семейными [6, с. 49-50]. Поэтому остро стоял вопрос, связанный с упорядочением семейной жизни ссыльных. В России семьи сосланных в Сибирь имели право следовать за своими супругами на место ссылки. Еще в 1853 году правительство задумалось об изменении закона о «не расторжимости брака» супругов, один из которых отправлялся в Сибирь на каторгу или на временное поселение «без лишения всех прав». Посчитали безнравственным лишать «супружеских прав» мужа или жену. Также ссылка на поселение рассматривалась как временное наказание, и осужденный мог вернуться на родину к своей семье [6, с. 49–50]. Иногда, супруг или супруга осужденного следовали в ссылку только через год или два на собственные деньги или просили отправить их за казённый счет. Правительство поощряло переселение ссыльных с семьями в Сибирь. Государство было заинтересовано в увеличении населения восточных регионов империи [6, с. 52]. Брачное законодательство о ссыльных не менялась до 1882 года, тогда сибирское духовенство стало доказывать «невозможность осуждения всех ссыльных на вечное безбрачие». Было предложено разрешить им вступать брак вторично, если супруг или супруга, оставшиеся на родине, дадут расписку о своем нежелании следовать за осужденными на место ссылки. Инициатива в изменении законодательства «о браке ссыльных» принадлежала Святейшему Синоду [6, с. 53]. По новому закону от 14 декабря 1892 года, если один из супругов был приговорен к наказанию с лишением всех прав и состояния или же был сослан на поселение в Сибирь, также с лишением всех прав и имущества, то другой супруг при добровольном отказе последовать за осужденным через два года после вступления в законную силу приговора мог обратиться в духовную консисторию по месту жительства с просьбой о расторжении брака и о получении разрешения о вступлении в новый брачный союз [3, с. 34; 5]. Это право распространялось на представителей всех религий. Например, раскольники должны были обратиться в суд по месту жительства. Осужденные на ссылку подавали документы через полицейское управление, обязательно прикрепляли статейный список с отметкой о том, что супруг или супруга отказывались следовать на место ссылки [4, с. 43-45]. Это было важное нововведение в тюремном законодательстве. Ведь раньше брак расторгался: 1. при супружеской измене (если она была доказана); 2. при неспособности к зачатию детей; 3. при безвестном отсутствии супруга

[3, с. 32]. На самом деле, расторгнуть брак в дореволюционной России было сложно. Развод не поощрялся ни церковью, ни государством, ни обществом. Но, в данном случае, духовенство волновало, прежде всего, морально-этическая сторона вопроса. Распространённым явлением в Сибири и на Сахалине было сожителство без венчания и рождение не законнорожденных детей [6, с. 50-51]. Часто бракоразводный процесс начинали сами ссыльные, тогда муж или жена, оставшийся на родине, узнав об их хорошем материальном положении, могли требовать и «вознаграждение» за развод [6, с. 51-52]. Ведь в ссылке поселенцы могли и заработать. Например, в 1896 году Государственный Совет разрешил «ссыльнопоселенцам и сосланным на жительство» в Сибирь за общеуголовные преступления с лишением всех прав и имущества заниматься на месте ссылки «торговлею и промыслами» [5, с. 51-52]. По новому закону, после развода ссыльные поселенцы могли завести семью, дом и хозяйство и это способствовало бы успешной колонизации мало заселенных территорий на востоке страны [6, с. 51-52]. В Сибири труд ссыльнокаторжных, например, использовался при строительстве Уссурийской, Амурской и Забайкальской железных дорог. Но заработанные деньги уходили на содержание самих ссыльных и на дополнительную оплату конвойных команд [1, с. 140-143].

В конце XIX века в российском обществе обсуждались вопросы о нецелесообразности колонизации Сахалина и даже Сибири. «Колонизация ссыльными не заселенных мест на востоке не имеет будущего» и желательно для каторжных работ выбрать другое место, а не Сахалин, писал профессор Д.Г. Тальберг в 1879 году [8, с. 248, 251]. И использует термин «карательная колонизация» [8, с. 246]. Артур Гриффитс в своей книге «Тайны тюремного дома» (1894) также колонизацию Сахалина называет карательной. Он дает описание тюремной жизни в разных странах, в том числе и России. Его вывод: «Карательная колония на Сахалине окажется не удачною», а «Восточная Сибирь в этом отношении вполне последует примеру Австралии». [7, с. 184-185]. Ситуация в Сибири и на Сахалине, действительно, была не простой. В 1890-х годах, например, в Забайкальской области ссыльные составляли 60% всего населения региона. Об этом сообщает в своем отчете генерал-губернатор Приамурской области С.М. Духовской [2, с. 26]. Ссыльные поселенцы не всегда могли найти работу, поэтому в крае увеличилось количество преступлений и бродяг. Тогда С.М. Духовской принимает решение часть ссыльных отправить на остров Сахалин.

В 1894 году он поручил своему помощнику генерал-лейтенанту Гродекову Н.И. произвести подробную ревизию на Сахалине. В итоге комиссия пришла к выводу, что на острове «в общем, содержание преступников оказалось гуманным и не обременительным» по сравнению с сибирской ссылкой [2, с. 27]. Прежде всего, из-за географического положения не было необходимости содержать их в закрытых помещениях (бараках). Поэтому, по мнению генерал-губернатора, до 1896 года на Сахалине не было ни одной серьезной эпидемии. Сведения не совсем достоверны. В 1874 году среди арестантов, доставленных на остров пароходом «Ярославль» (вместимость до 800 человек) 10% уже были больны цингой и «вообще имели изнуренный вид» [9, с. 269]. С.М. Духовской также считал, что семьи ссыльных находятся здесь в более выгодном положении, чем в Сибири. Им от государства выдавались «кормовые деньги». Местная администрация разрешала строить дома и разбивать огороды. Дети получали помощь от «Общества вспомоществования детям преступников» под покровительством императрицы Марии Федоровны [2, с. 26–28]. На самом деле, ссыльные и их семьи были в сложном положении. Практически все необходимые продукты завозили из материка. Поэтому, многие ссыльнокаторжные не хотели следовать до Сахалина. Сахалинская каторга в Российской империи считалась самой тяжелой. Как, пишет доктор А. В. Щербак, который сопровождал арестантские партии до Сахалина на пароходе «Ярославль», по прибытии в порт Владивостока даже больные в лазарете «заявились здоровыми». Тогда, в 1893 году во Владивостоке на строительстве Уссурийской железной дороги оставили только тех, у кого сроки каторги были «краткосрочными», от четырех до шести лет [10, с. 309].

Закон от 14 декабря 1892 года один из примеров гуманного отношения к заключенным. Жесткое брачное законодательство не всегда гарантировало сохранение брака и семейных ценностей. В конце XIX века российское государство и общество пересмотрело свое отношение к заключенным и это отразилось на улучшении условий жизни ссыльных и их семей.

Список литературы

1. Арестантские работы. Работы ссыльнокаторжных по постройке в течение летнего периода 1895 года хабаровского участка Уссурийской железной дороги // Тюремный вестник. - 1896. - № 2. - С. 134–144.

2. Выписка из всеподданнейшего отчета Приамурского генерал-губернатора, генерал-лейтенанта С.М. Духовского (1893, 1894, 1895) // Тюремный вестник. – 1896. № 1. - С. 22–31.

3. Ельчанинова О. Ю. К вопросу о регулировании порядка расторжения брака ссыльных в дореволюционном праве // Вестник СЮИ. - 2019. - № 5 (36). - С. 31–37.

4. Об изменении действующих узаконений о расторжении браков лиц, ссылаемых в Сибирь по судебным приговорам, и о добровольном следовании с ними лицами в ссылку не виновных их супругов // Тюремный вестник. - 1893. - № 2. - С. 43–46.

5. О порядке разрешения в пределах Приамурского генерал-губернаторства ссыльнопоселенцам и сосланным на жительство заниматься торговлею и промыслами // Тюремный вестник. - 1896. - № 5. С. - 273–274.

6. По поводу закона 14.12.1892 о браках ссыльных // Тюремный вестник. 1893. - № 2. - С. 49–53.

7. «Тайны тюремного дома» // Тюремный вестник. 1895. № 4. С. 183–192.

8. Тальберг Д.Г. Ссылка на Сахалин // Вестник Европы. - 1879. - Т. 3. - С. 218–251.

9. Щербак А. В. Перевозка ссыльнокааторжных на остров Сахалин морем // Тюремный вестник. - 1893. - № 7. - С. 268–273.

10. Щербак А. В. Перевозка ссыльнокааторжных на остров Сахалин морем // Тюремный вестник. - 1893. - № 8. - С. 300–309.

© Галиуллин И.Р.

**СЕКЦИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

УДК 81

**ЧЁРНЫЙ ЮМОР КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ**

Шевченко Олег Юрьевич
преподаватель-исследователь
НИУ БелГУ

Аннотация: в статье рассматривается феномен чёрного юмора в историко-культурном и научном аспектах. Показано, что чёрный юмор имеет глубокие исторические корни и связан с осмыслением смерти, страдания и иных табуированных тем. Анализ отечественных исследований позволяет сделать вывод об отсутствии единой дефиниции данного явления и его междисциплинарном характере.

Ключевые слова: чёрный юмор, комическое, табу, некрофильское восприятие мира, пляски смерти.

**BLACK HUMOR AS A CULTURAL PHENOMENON:
ON THE QUESTION OF DEFINING THE CONCEPT
IN RUSSIAN SCHOLARSHIP**

Shevchenko Oleg Yurievich

Abstract: the article examines the phenomenon of black humor from historical-cultural and academic perspectives. It is shown that black humor has deep historical roots and is connected to the conceptualization of death, suffering, and other taboo subjects. An analysis of domestic research leads to the conclusion that there is no unified definition of this phenomenon and that it is inherently interdisciplinary in nature.

Key words: Black humor, the comic, taboo, necrophilic worldview, danse macabre.

Феномен черного юмора не является чем-то принципиально новым, присущим только нашему времени. Смех и смерть на протяжении всей истории человечества шли рядом, а в прошлые века намного ближе, чем в современном мире.

Фрагменты черного юмора можно встретить в Античной литературе. В одной из работ Цицерона можно найти следующий пример: «Так сострил один сицилиец, которому приятель пожаловался, что его жена повесилась на смоковнице: "Умоляю, одолжи мне черенков от этого дерева!"» [1, с. 294].

Характерные для Средневековья «пляски смерти», «игры в покойника» также свидетельствуют об особой связи между смехом и смертью прошлых времен [2].

Видно, что феномен, объединяющий смех и смерть, имеет глубокие корни, которые пронизывают историю человечества на протяжении длительного времени. Однако научная концептуализация до сих пор не имеет четких границ. Сегодня черный юмор изучается в рамках культурологии, литературоведения, психологии, социологии, философии, искусствоведения, лингвистики и др. Определения черного юмора варьируются от культуры к культуре, трактуются по-разному в зависимости от специфики научного направления.

Большое количество отечественных ученых и исследователей ближнего зарубежья пытались дать определение феномену черного юмора: Н.Л. Шмелева, М.А. Евстафьева, О.В. Эпштейн, И.А. Бутенко, В.П. Белянин, Л.О. Рокотянская.

По мнению Н.Л. Шмелевой «черный юмор можно рассматривать как тенденцию к некрофильскому восприятию мира, неясному для самого человека тяготению к смерти, ощущению ее желательности и необходимости» [3, с. 210]. Мы видим, что автор связывает «черный юмор» с тематикой смерти, делая ее ключевой составляющей данного типа юмора.

Упоминание некрофильской составляющей в разрезе исследования черного юмора можно встретить в работах М.А. Евстафьевой. Она иллюстрирует провокативный характер чёрного юмора рядом афористических определений, где чёрный юмор сопоставляется с явлениями, изначально вызывающими шок и отторжение, включая тяжёлые заболевания [4, с. 25]. Далее она определяет тематическое поле черного юмора, которое включает в себя «смерть, болезни, социальные катастрофы и “некрофильские мотивы”» [4, с. 26].

Обращение к понятию некрофилии в контексте исследования чёрного юмора восходит к работам Э. Фромма, который в идеях о «биофильском» и «некрофильском» характере описывает два полярных способа отношении человека к миру. Биофилия у Фромма понимается как «любовь к жизни», проявляющаяся в интересе к процессам роста, изменению и творческому

преображению действительности, тогда как некрофильская ориентация выявляется в притяжении к мёртвому, механическому, жёстко упорядоченному и поддающемуся полному контролю. Некрофилия в этом смысле выступает не частным клиническим феноменом, а общей деструктивной направленностью личности, что позволяет интерпретировать отдельные формы чёрного юмора как символическое выражение некрофильских установок, не сводя при этом весь феномен только к данной трактовке [5].

В отличие от Н.Л. Шмелевой О.В. Эпштейн определяет «черный юмор» достаточно широко, не ограничиваясь лишь тематикой смерти. Ученый предлагает включить в поле «черного юмора» такие тематики, как «болезни, увечья, несчастья, унижения, сексуальную несостоятельность, неудачи, нехватку различного рода (пищи, удобств, самоутверждения, недостаток свободы, расизм и репрессии)» [6, с. 126].

Социологи И.А. Бутенко и В.П. Белянин исследуют черный юмор как явление городского фольклорного юмора и понимают под черным юмором «все те стихотворные и прозаические фольклорные произведения кратких жанров, в которых комический эффект сопровождается возникновением у слушателя чувства ужаса или горечи, в которых объектом шутки становятся смерть, уродство, увечья» [7, с. 152].

Существует большое количество различных определений данного феномена, где он описывается как орудие разрушения моральных ценностей, вид юмора, результатом которого является мрачная усмешка вместо чувства радости. Некоторые исследователи также включают в поле черного юмора «пошлые шутки», а также юмор, содержащий ксенофобные и дискриминационные мотивы. Подобные практики, в частности, связанные с разжиганием национальной розни, в российском правовом поле относятся к категории запрещённых; в рамках данного исследования они рассматриваются исключительно как объект научного анализа, без какого-либо одобрения или нормализации.

Также среди исследователей существует мнение, что «черный юмор» – это вид юмора, который может вызывать не только чувство удовольствия, но и чувство стыда, возникающее после того, как адресант осознаёт в полной мере суть шутки [8].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что черный юмор не является исключительно современным культурным явлением. Он имеет глубокие исторические корни, что позволяет говорить о черном юморе как о форме осмысления страха смерти и страдания в культуре человека. Было

установлено, что в отечественной науке отсутствует единая дефиниция данного феномена. Одни исследователи связывают его с тематикой смерти, а другие трактуют его намного шире, включая в него тематики болезней, социальных катастроф и увечий. Это доказывает, что черный юмор в отечественной науке представляет собой многозначный и междисциплинарный феномен, не поддающийся однозначной дефиниции в рамках одного подхода. Наиболее перспективным представляется рассмотрение черного юмора как особого вида комического, основанного на столкновении смешного с трагическим и табуированным.

Список литературы

1. Цицерон М.Т. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма / М.Т. Цицерон ; сост. Г.С. Кнабе. М.: Искусство, 1994. 539 с. (История эстетики в памятниках и документах). ISBN 5-210-02326-5.
2. Stevanovic L. Ridiculed death and the dead: black humor epitaphs and epigrams of the Ancient Greece // Glasnik Etnografskog instituta SANU = Bulletin of the Institute of Ethnography SASA. 2007. Vol. 55, № 1. P. 193-204.
3. Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 143 с. (Studia philologica. Series minor). ISBN 5-94457-070-9.
4. Евстафьева М.А. Тематическое поле черного юмора // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика, психология. 2017. № 4. С. 24-31.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. с нем. Э. Телятниковой. М.: АСТ, 2022. 601 с. (Philosophy). ISBN 978-5-17-148968-7.
6. Эпштейн О.В. Лингвокультурный феномен черного юмора // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. Спецвып.: По материалам декабрьских научных чтений. С. 126-130.
7. Белянин В.П., Бутенко И.А. Антология черного юмора / Рос. акад. наук, Рос. ин-т культурологии. М.: ПАИМС, 1996. 192 с. ISBN 5-87664-069-7.
8. Рокотянская Л.О. Юмор: сущность, виды, функции в обществе: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 «Социальная философия». М., 2019. 242 с.

© Шевченко О.Ю., 2026

**TRANSLATING CULTURAL REALITIES IN JACK LONDON'S
«MARTIN EDEN»: A COMPARATIVE ANALYSIS**

Zhang Xiang

PhD researcher

Department of Translation Studies

Faculty of Philology

AI-Farabi Kazakh National University

Abstract: the translation of cultural realities in literary works constitutes a significant area of translation studies, directly affecting the transmission of the original text's meaning and cultural value. This study takes Jack London's semi-autobiographical novel *Martin Eden* as its research object, employing a comparative analysis approach to systematically examine the translation strategies and methods employed for culturally marked vocabulary in Russian and Chinese translations. The study focuses on three dimensions — ethnoculturally specific phenomena, socio-cultural concepts, and characters' speech styles — comparing the translation methods adopted by different translators when handling the same cultural realities and evaluating their effectiveness. The findings reveal that the translation of ethnoculturally specific phenomena primarily employs transliteration, free translation, and annotation; the translation of socio-cultural concepts tends toward functional equivalence and domestication strategies; and the rendering of characters' speech styles depends heavily on the translator's literary competence and linguistic sensitivity. The study further reveals that the choice of translation methods is constrained by multiple factors, including cultural distance, target reader acceptability, translator subjectivity, and prevailing translation norms. The differences in the transmission of cultural realities across translations reflect the varying balances that translators strike between cultural fidelity and reader accessibility. This research offers valuable insights for literary translation practice, translation pedagogy, and cross-cultural communication studies.

Key words: cultural realities; translation methods; comparative analysis; *Martin Eden*; literary translation.

**ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В РОМАНЕ
ДЖЕКА ЛОНДОНА «МАРТИН ИДЕН»:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Чжан Сян

докторант кафедры переводоведения
филологического факультета
Казахский национальный университет
имени Аль-Фараби

Аннотация: перевод культурных реалий в художественных произведениях является важной областью переводоведения, непосредственно влияющей на передачу смысла и культурной ценности исходного текста. В данном исследовании в качестве объекта выступает полуавтобиографический роман Джека Лондона «Мартин Иден», и с применением метода сравнительного анализа системно рассматриваются стратегии и методы перевода культурно-маркированной лексики в русском и китайском переводах. Исследование фокусируется на трёх аспектах: этнокультурных реалиях, социокультурных понятиях и речевых стилях персонажей. Проводится сопоставительный анализ переводческих приёмов, используемых разными переводчиками при работе с одними и теми же культурными реалиями, и оценивается их эффективность. Результаты показывают, что при передаче этнокультурных реалий преимущественно используются транслитерация, вольный перевод и комментарии; при переводе социокультурных понятий чаще применяются функциональная эквивалентность и стратегия доместикации; передача речевых стилей персонажей в значительной степени зависит от литературной компетенции и языковой чуткости переводчика. В исследовании также выявлено, что выбор переводческих методов обусловлен множеством факторов, включая культурную дистанцию, восприимчивость целевой аудитории, субъективность переводчика и действующие переводческие нормы. Различия в передаче культурных реалий в разных переводах отражают различный баланс, который переводчики устанавливают между культурной верностью и доступностью для читателя. Данное исследование вносит вклад в практику художественного перевода, преподавание перевода и исследования межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культурные реалии, методы перевода, сравнительный анализ, Мартин Иден, художественный перевод.

Introduction

Literary translation is not merely a matter of linguistic conversion but a dialogue between cultures. The cultural realities embedded in literary works —

including ethnoculturally specific phenomena, socio-cultural concepts, and historically contextualized modes of speech — constitute the cultural fabric of a text, embodying the author's observations and reflections on a particular era and society. How to accurately convey these cultural realities across different linguistic and cultural contexts has always been one of the core challenges of literary translation.

Jack London's (1876–1916) semi-autobiographical novel *Martin Eden* is a classic of American literature. Through the protagonist Martin Eden's journey from a working-class sailor to a successful writer, the novel profoundly reveals the class divisions of early 20th-century American society, the values of individualism, and the cultural elite's definition of "civilization." The novel abounds with linguistic expressions, social class markers, and value statements that bear distinctive historical and cultural characteristics, providing rich material for translation studies.

Literature Review. As a classic of American literature, *Martin Eden* has long received extensive scholarly attention both domestically and internationally. Chinese scholars have conducted in-depth research on this work from various perspectives. Wang Liping, from a naturalistic perspective, explored the modern American Dream narrative presented in *Martin Eden*, revealing the tension between the protagonist's pursuit and disillusionment [1, p. 20]. Dou Xiaoyu, through a comparative analysis of female characters in *The Sea-Wolf* and *Martin Eden*, pointed out how character traits shape their destinies [2, p. 80]. Hu Min employed a corpus-based approach to conduct a multi-dimensional analysis of *Martin Eden*, providing quantitative evidence for the study of the text's linguistic features [3, p. 16]. Huang Ming and Liu Xianghai, from the perspective of cultural identity, explored the fate of the protagonist Martin Eden, revealing the impact of cultural identity conflict on individual spiritual development [4, p. 76].

In the field of translation studies, Chinese scholars have increasingly focused on Chinese translations of *Martin Eden*. Lan Bo, from the perspective of literary stylistics, conducted a comparative analysis of the linguistic styles of two Chinese translations of *Martin Eden*, noting that the degree of stylistic reproduction depends on the translator's stylistic awareness and linguistic competence [5, p. 25]. Huang Xiuhong conducted a systematic comparison of two Chinese translations of *Martin Eden*, exploring how different translators grasp and convey the original style [6, p. 30]. These studies provide important academic foundations for this paper, but their research perspectives focus primarily on linguistic style and stylistic features, lacking systematic comparative analysis of translation strategies for cultural reality elements. In particular, comparative studies across different language translations (such as Russian and Chinese) remain scarce.

Based on the above research landscape, this paper aims to conduct a comparative analysis of the translation strategies and methods employed for cultural reality elements in different language translations of *Martin Eden*, revealing the patterns governing the treatment of cultural factors in literary translation, exploring how translators seek balance between cultural fidelity and reader accessibility, and thereby contributing to literary translation practice and translation pedagogy.

Research Objectives and Core Questions. The primary objectives of this study are: first, to systematically examine the translation strategies and methods employed for cultural reality elements in different language translations of *Martin Eden*; second, to analyze the key factors influencing the choice of translation methods, including cultural distance, reader acceptability, translator subjectivity, and translation norms; third, to compare the similarities and differences in how different translations handle the same cultural realities, revealing the varying balances translators strike between cultural fidelity and reader accessibility; and fourth, to summarize the fundamental patterns governing the transmission of cultural realities in literary translation, providing reference for translation practice. The study focuses on the following core questions: How do different language translations handle ethnoculturally specific phenomena in *Martin Eden*? What strategies are employed in translating socio-cultural concepts? How are characters' speech styles reproduced in translation? What factors influence the choice of translation methods?

The scientific significance of this study lies in its systematic analysis, from the perspective of comparative translation studies, of the translation strategies and methods for cultural reality elements in a classic literary work, contributing to a deeper understanding of the nature of literary translation and enriching the discourse of translation studies at the cultural level. Through comparative analysis of different language translations, the study reveals the multiple pathways translators take in seeking balance between cultural fidelity and reader accessibility, providing an analytical framework for literary translation criticism.

The practical value of this study is reflected in its provision of methodological references for literary translation practice, helping translators better handle cultural reality elements; its provision of case analysis resources for translation pedagogy, helping students understand strategies for dealing with cultural elements; and its contribution to cross-cultural communication studies, supporting literary translation practice in the context of China's "Going Global" cultural strategy.

This study employs a combination of comparative analysis and textual analysis. First, Russian and Chinese translations of *Martin Eden* are selected as

research objects. Through parallel reading of the original text and translations, lexical items, expressions, and passages with culturally marked features are identified. Second, the identified cultural realities are categorized into three dimensions: ethnoculturally specific phenomena, socio-cultural concepts, and characters' speech styles. Third, the translation strategies and methods employed in different translations are analyzed, including transliteration, free translation, literal translation, annotation, domestication, foreignization, substitution, and omission. Finally, similarities and differences between translations are compared, and the influencing factors and fundamental patterns governing the choice of translation methods are summarized.

Through comprehensive analysis of the case data and secondary sources, this study systematically examines the translation strategies and methods employed for cultural realities in different language translations of *Martin Eden*. The findings reveal distinct patterns across the three dimensions of cultural reality translation—ethnoculturally specific phenomena, socio-cultural concepts, and characters' speech styles—while also identifying the key factors that influence translators' methodological choices. The following sections present the main findings from each dimension, followed by an analysis of the factors shaping translation decisions.

(1) Translation of Ethnoculturally Specific Phenomena

Martin Eden contains numerous ethnoculturally specific phenomena with distinctive American cultural characteristics, including food, clothing, lifestyles, and social customs. Research indicates that different translations exhibit certain commonalities in handling such cultural realities: for phenomena with greater cultural distance, transliteration plus annotation or free translation plus annotation are often employed; for phenomena with smaller cultural distance, free translation or functional equivalence tends to be used. For example, “clambake” — a typical New England social activity — was rendered in the Russian translation through free translation with annotation, conveying both the basic form of the activity and supplementing cultural background information; the Chinese translation adopted a domestication strategy, using a similar activity familiar to target readers as an analogy.

(2) Translation of Socio-Cultural Concepts

The novel's repeated discussions of concepts such as “gentleman,” “bourgeois,” and “intellectual” are crucial to understanding *Martin Eden*'s spiritual world. Research reveals that the translation of such abstract socio-cultural concepts depends heavily on the translator's cultural knowledge and value judgments. Significant differences emerged in the translation of the term “gentleman” across

translations: some emphasized its external aspect of “gentlemanly” manners, while others focused more on its internal dimension of “educated person.” These differences reflect the translators’ varying understandings of the class structure and value systems of late 19th-century American society.

(3) Rendering of Characters’ Speech Styles

The linguistic style of *Martin Eden* is highly distinctive: the contrast between Martin’s crude early speech and his refined later language vividly reflects his changing social status and inner world. Research shows that rendering characters’ speech styles is one of the most challenging aspects of literary translation. Successful translations require not only accurate conveyance of lexical meaning but also reproduction of individual speech characteristics through syntactic structures, rhetorical devices, and tone. The Russian translation demonstrates greater fidelity in preserving the colloquial quality of the original, though some expressions appear somewhat stiff; the Chinese translation excels in readability, though it occasionally simplifies aspects of the original style.

(4) Factors Influencing the Choice of Translation Methods

Comprehensive analysis indicates that the choice of translation methods is constrained by multiple factors. Cultural distance: the greater the cultural distance, the more translators tend to employ foreignization strategies and supplementary annotations; the smaller the cultural distance, the more frequently domestication strategies are used. Reader acceptability: translators must anticipate target readers’ cultural backgrounds and receptive capacities, seeking balance between the unfamiliar and the familiar. Translator subjectivity: translators’ cultural positions, literary perspectives, and translation philosophies directly influence their choice of methods. Translation norms: prevailing translation norms and publication requirements at a given time impose constraints on translation methods.

Conclusions

Through comparative analysis of the translation of cultural reality elements in different language translations of Jack London’s *Martin Eden*, this study draws the following main conclusions:

First, the translation of cultural reality elements is one of the central challenges of literary translation, and its successful transmission directly affects the literary value and cultural impact of the translated text. Ethnoculturally specific phenomena, socio-cultural concepts, and characters’ speech styles constitute three dimensions of cultural reality translation, each demanding different competencies from translators.

Second, the choice of translation methods is multi-dimensional; transliteration, free translation, domestication, foreignization, annotation, and other methods each have their advantages in different contexts. Successful translation is often not the application of a single method but the organic integration of multiple methods, seeking dynamic balance between cultural fidelity and reader acceptability.

Third, differences in how different language translations handle the same cultural realities reflect translators' varying choices in balancing cultural fidelity with reader acceptability. There is no single "correct" translation method, only more appropriate translation strategies for specific cultural contexts.

Fourth, the choice of translation methods is constrained by multiple factors including cultural distance, reader acceptability, translator subjectivity, and translation norms. Translators must consider these factors comprehensively in the translation process, making judgments aligned with translation purposes and reader expectations.

The theoretical contribution of this study lies in: taking classic literary works as the research object, systematically analyzing the translation strategies and methods of cultural reality elements, thereby providing a new analytical perspective for literary translation studies; revealing the constraining factors in the choice of translation methods, deepening the understanding of the relationship between translator subjectivity and translation norms; and, through comparative analysis of the similarities and differences among different language translations, providing an analytical framework for translation criticism.

The practical contribution of this study is reflected in its provision of methodological references for literary translation practice, helping translators better handle cultural reality elements; its provision of case analysis resources for translation pedagogy, aiding students' understanding of strategies for dealing with cultural elements; and its contribution to cross-cultural communication studies, supporting literary translation practice in the context of China's "Going Global" cultural strategy.

This study has several limitations: due to language constraints, only Russian and Chinese translations were selected for comparative analysis; the study focuses on a single literary work, and the generalizability of its conclusions requires validation through analysis of more works; the research method is primarily textual analysis, with limited attention to translators' philosophies and decision-making processes.

Future research may explore the following directions: expanding research to include more literary works and language translations; incorporating translator interviews and manuscripts to deepen understanding of decision-making processes; integrating reception aesthetics and reader response theory to examine target readers' reception of cultural reality translations; and exploring the application of AI-assisted translation in handling cultural realities.

References

1. Wang, L. (2006). *Martin Eden: A Naturalist's Modern Version of the American Dream*. Master's thesis, Shandong Normal University. DOI: 10.7666/d.Y1012472.
2. Dou, X. (2023). Character Determines Destiny: A Comparative Analysis of Female Characters in *The Sea-Wolf* and *Martin Eden*. *English Square*, (22), 80–84. DOI: 10.3969/j.issn.1009-6167.2023.22.020.
3. Hu, M. (2024). A Corpus-Based Multi-Dimensional Analysis of *Martin Eden*. *Comparative Study of Cultural Innovation*, (36), 16–20. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/CiBQZXJpb2RpY2FsQ0hJU29scjkyMDI2MDMwNjE2NTI1NxlUUtCSkJEJEMjAyNDIwMjUwMjI0MDAwMDAwOTkaCDZlZzVibmhm>
4. Huang, M., & Liu, X. (2021). An Exploration of the Protagonist's Fate in *Martin Eden* from the Perspective of Cultural Identity. *English Square*, (29), 76–79. URL: <https://www.cqvip.com/doc/journal/7105868218?sign=4d862a84053f7d66013d22b4f7e2bd683a274a3c9abbf4d0298ad1f9fe6f23ae&expireTime=1805955344401&resourceId=7105868218&type=1>
5. Lan, B. (2014). *A Comparative Study of Two Chinese Translations of Martin Eden from the Perspective of Literary Stylistics*. Master's thesis, Tianjin University of Commerce. URL: <https://www.cqvip.com/doc/degree/00075JL1MNCO6J11M9DO4K0IL9R?sign=38842d6ec36f508aa77b7b7806cebfa607b027b972d004ee9f9aeb3f76041df0&expireTime=1774421144401&resourceId=00075JL1MNCO6J11M9DO4K0IL9R&type=2>
6. Huang, X. (2011). *A Comparative Study of Two Chinese Translations of Martin Eden*. Master's thesis, Guangxi Normal University. URL: <https://www.cqvip.com/doc/degree/00075JL1MNDG7J9WMHDG3K0IL9R?sign=65aadeb06b1b8aac6047a51888f17e4df51f6c63fcd6a87100e0e25fac7dbcf7&expireTime=1774421144401&resourceId=00075JL1MNDG7J9WMHDG3K0IL9R&type=2>

© Zhang Xiang

СЕКЦИЯ ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

**РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ
У ДИЗАЙНЕРОВ ИНТЕРЬЕРА БЛАГОДАРЯ
НАВЫКУ СКЕТЧИНГА**

Амелина Полина Владимировна
старший преподаватель
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия
имени А.Л. Штиглица

Аннотация: в статье рассмотрен скетчинг, как вид актуального графического искусства, который является основой профессионального обучения студентов по направлениям подготовки «Дизайн интерьера». Показано, как предлагаемый вид искусства становится главным элементом налаживания взаимосвязи между требованиями рынка труда и программами специальной художественно-графической подготовки в творческих высших учебных заведениях.

Ключевые слова: скетчинг, навыки скетчинга, графика, современное образование, образовательный процесс, конкурентные преимущества.

**DEVELOP COMPETITIVE ADVANTAGES FOR INTERIOR
DESIGNERS THROUGH SKETCHING SKILLS**

Amelina Polina Vladimirovna

Abstract: the article examines sketching as a significant form of graphic art that serves as a fundamental component in the professional education of interior design students. It highlights the potential of this artistic practice to play a vital role in bridging the gap between labor market demands and specialized art and graphic training programs offered in higher creative education institutions.

Key words: sketching, sketching skills, graphics, modern education, educational process, competitive advantages.

Развитие технологий, экономики и коммуникаций влечёт за собой появление новых условий и требований к образовательному процессу в высших учебных заведениях, которые связаны с преобразованием принципов

и методов обучения. Обновление и развитие в области дизайна интерьера требует не только технологических и экономических трансформации, но и перемен в сфере образования. Востребованность выпускников на рынке труда обеспечивается благодаря успешному синтезу компетенций, таких как творческое мышление, системный подход, владение современным программным обеспечением, знание технических нормативов, коммуникативные навыки, навыки менеджмента и проектной работы в команде. Таким образом, для соответствия актуальным требованиям рынка труда и решения сложных проектных задач специалисту важно обладать совокупностью организационно-коммуникативных, аналитических, художественно-творческих умений.

Современная динамика рынка требует от выпускников не только базовых знаний, но и способности к быстрой адаптации, усваиванию новых инструментов, критическому мышлению. По этой причине становится важным сочетание навыка креативного мышления, которое обеспечивает генерацию новых идей и альтернативных сценариев, и навыка системного мышления, которое обеспечивает последовательную, структурированную логику в реализации задач. Совершенствование этих навыков отразится на росте во всех сферах творческой и проектной деятельности.

Целью данной работы является исследование важности внедрения скетчинга в процесс подготовки дизайнеров интерьера для повышения их позиционных преимуществ в области художественного проектирования на рынке труда. В задачу исследования входит анализ влияния на качество профессиональных коммуникаций, скорость принятия решений, формирование графических компетенций систематическое обучение скетчингу.

Практическая значимость данной работы определяется необходимостью повышения креативных способностей, эффективности и мастерства у студентов благодаря развитию ряда навыков, в том числе и скетчинга. Сама технология проектирования определяет важность этого графического метода. Обучающиеся должны решить непростую задачу: изучить, осмыслить и трансформировать традиционную школу русского изобразительного искусства под современные культурные запросы и технические задачи. С учётом того, что владение высоким академическим художественным уровнем остается таким же важным и необходимым компонентом. По словам Микеланджело Буонарроти, «рисунок есть высшая точка и живописи, и скульптуры, и архитектуры; рисунок является источником и душой всех видов живописи, и корнем всякой науки» [4, с. 197].

Практика показывает, что рабочие программы по академическому рисунку формируются вне контекста специальных дисциплин, что ограничивает перенос полученных изобразительных навыков на практические задачи. Преодолеть разрыв возможно путём интеграции квалификаций через сквозные задания - комплексный анализ пространственной структуры, пропорций и формы у студентов достигается объединением проектной графики и рисунка, синхронизацию тематических модулей и единые критерии оценивания, что объективизирует результаты обучения и обеспечивает преемственность в развитии компетенций. Но пока что эта проблема остается актуальной. Программы подготовки и образовательные стандарты требуют системных решений.

Студентом эффективно воплощаются композиционно выверенные, выразительные проектные решения и воплощается художественный замысел исключительно благодаря владению техникой быстрого эскизирования, поэтому формирование визуальной культуры проектировщика происходит на основе роста специальных графических умений у обучающихся и художественного мастерства. Это позволяет управлять пластическими средствами выразительности, развивать творческое и аналитическое мышление, достигать виртуозности исполнения, что и является, собственно, целью освоения данной техники.

Внимательность к деталям, способность анализа пространственных соотношений и формы, знание методики последовательного рисунка выступают частью комплекса художественных навыков, которыми необходимо овладеть будущему дизайнеру. Основные элементы профессионального мышления художника-проектировщика – это пространственное восприятие, композиционное чувство, точный глазомер, только регулярная практика формирует эти качества.

Набор инструментов, простой и мобильный, помогает оперативно фиксировать идею, что отражает саму суть метода скетчинга (термин «sketch»), который в переводе означает «быстрый рисунок». Разнообразные современные инструменты, например, шариковые и гелевые ручки, маркеры, линеры, и всё ещё актуальные традиционные материалы – акварель, тушь, сангина, уголь, графит, которые используются в скетчинге, открывают возможности для индивидуального авторского художественного поиска. Популярность данного направления визуального искусства подтверждается постоянным развитием ассортимента этих средств среди производителей. Сложные структурные и пространственные решения дизайнер передает

концептуально точно, наглядно, усиливает выразительность изображения за счет грамотного сочетания различных техник.

«Пространственно-конструктивные и пространственно-пластические скетчи позволяют последовательно осваивать конструктивные, пластические и тональные характеристики формы, что напрямую отражается на качестве архитектурных проектов студентов» [4]. Иллюстраторы, архитекторы, дизайнеры интерьера и промышленные дизайнеры за счет скетчинга в своей практике решают профессиональные задачи. Продуманная композиция и индивидуальный стиль в моде, художественных материалах и графических альбомах создается посредством иллюстративного скетчинга. Взаимодействие объекта с окружением, выявить силуэт, пропорции помогает архитектурный скетчинг; определить характер освещения, структуру, масштаб, ритм, формулировать концепции пространственной композиции – интерьерный; найти сценарии использования, конструктивные решения, форму – промышленный; изучить свет, растительные мотивы и рельеф – ландшафтный.

«Художественный скетчинг рассматривается как важный компонент системы подготовки будущих специалистов, поскольку способствует развитию наблюдательности, скорости графической реакции и умения визуально фиксировать ключевые характеристики формы и пространства» [1]. Студенты и уже практикующие специалисты могут зафиксировать наглядный образ и выявить основную идею проекта, передать одной линией характер пространства, объем, форму за счёт быстрого рисунка, который остается универсальным средством, несмотря на многообразие направлений. Результатом глубокого профессионального опыта становится выразительность жеста, точность, быстрота, кажущаяся лёгкость исполнения, что достигается годами практики. Оперативности проектных решений и системности восприятия способствует зрелость художественного мышления, показателем которого является навык владения техникой скетчинга. Следовательно, развитие этого навыка формирует конкурентные преимущества и способность эффективно адаптироваться к требованиям профессиональной среды у будущего специалиста.

Эффективное ведение проекта и его качественная разработка от общей концепции до мельчайших деталей достигается путём умелого владения и комбинации всех техник эскизирования. Все этапы, начиная с генерации идей через последовательное применение поисковых набросков, и уточнения

пространственных связей, пропорций в аналитических скетчах, заканчивая демонстрацией финального решения заказчику последовательно осваиваются студентами, что повышает точность передачи художественного замысла, минимизирует ошибки на этапе реализации и обеспечивает непрерывность проектного процесса.

Чувство эмоциональной выразительности будущего объекта, пропорций, формы формируется через «живое» ручное рисование ведь профессиональная деятельность архитектора и дизайнера имеет художественно-интуитивное начало. Качество творческих решений неизбежно снижается при ослаблении связи проектного процесса и художественного мышления, что происходит в результате утраты навыков ручной графики. Поэтому неотъемлемым условием профессиональной подготовки становится сохранение и развитие графической культуры.

Возможность видеть не только совокупность отдельных параметров, но и целостный проект, включение работы интуиции, стимуляция процесса мышления отличает ручной рисунок от компьютерных инструментов, где становится доступным поиск новых композиционных решений, анализ пространственных соотношений, структуризация идеи. Такой подход позволяет оперативно визуализировать замысел, что можно считать конкурентным преимуществом современного специалиста.

Все стадии работы применяют такой способ проектного мышления, как скетчинг, который не сводится лишь к технике быстрой зарисовки. Выявление дизайнером зависимости между контекстом, формой, функцией, создание схематичных карт, фиксация ключевых положений происходит на первом аналитическом, исследовательском этапе. Оценка стилистики, композиции, эргономики происходят в результате визуального поиска благодаря зарисовкам в момент зарождения проектной концепции.

Инструментом коммуникации быстрые рисунки становятся на завершающем этапе проектирования, обеспечивая ясность профессионального диалога, упрощая взаимодействие коллег, инженеров, заказчиков. Визуальное мышление и ручная графика от анализа до презентации на каждом этапе работы делают методологию дизайна невозможной без скетчинга. Формирование профессиональной компетенции дизайнера невозможно без навыков визуальной аналитики, творческой интуиции, пространственного мышления, развитие которых обеспечивает исследование художественного образа, его анализ и преобразование в форму через скетчинг, который основан

на умении мыслить визуально, он стал важным инструментом современной культуры проектирования.

Для реального проектного процесса крайне важна оперативная визуальная коммуникация, аспекты которой, к сожалению, оставляет в стороне академический рисунок. Точность восприятия пропорций, формы, формирование наблюдательности – его основные приоритеты, в то время как скетчинг способен обеспечить гибкость мышления и формирует способность быстро сравнивать решения, уточнять структуру, передавать замысел.

Способом анализа становится сам процесс изображения, где фиксируется ход мысли, концептуальные и исследовательские идеи – презентация, проектирование и рисунок пересекаются в дисциплине «Скетчинг», где смысл визуализации, её цель также важны, как и качество исполнения. Размышление над функцией и пространством в зарисовке происходит через визуальную форму, каркас гипотезы.

Внимание к материальности предмета, светотеневым характеристикам, структуре формы объединяет скетчинг с академическим рисунком, а работа с организацией плоскости, масштабом, контрастом, ритмом – с «Пропедевтикой». Эта тесная связь с дисциплинами предусмотрена логикой курса, что обеспечивает системное понимание проектной деятельности и формирует целостность педагогического процесса, а также сопоставимые и прозрачные результаты обучения, отработку единых критериев оценивания и усиленные междисциплинарные связи.

Дополнительная интеграция сквозных заданий по скетчингу усиливает междисциплинарные связи, позволяет отрабатывать единые критерии оценивания и делает результаты обучения более сопоставимыми и прозрачными.

Специфика профессиональной практики отражается в реальных проектных задачах при включении скетчинга, что существенно поднимает эффективность подготовки дизайнеров. Связь выражения идеи визуальными средствами с самой концепцией становится заметна обучающимся. Кроме того, становятся доступны гибкая и наглядная коммуникация с заказчиком, скорость разработки решений, высокое качество коллективной работы в деятельности дизайн-студий при внедрении туда методов эскиза.

«Современные исследования подчёркивают, что владение рисунком и скетчингом является важной составляющей профессиональной компетентности архитектора и дизайнера, оказывая прямое влияние на качество проектных решений и уровень сформированности творческого мышления»

[2]. Готовность к вызовам современной практики, конкурентоспособность, профессиональная зрелость выпускников невозможна без навыка представления идей способами визуально-графического анализа. Таким образом, при развитии образовательного курса следует помнить, что скетчинг становится базовым элементом дизайнерского мышления.

Список литературы

1. Абдулаев С.Ф, Умарова С.М. Роль художественных скетчингов в системе подготовки будущих педагогов-художников // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 40. – С. 120–125. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-hudozhestvennyh-sketchin-gov-v-sisteme-podgotovki-buduschih-pedagogov-hudozhnikov> (дата обращения: 18.12.2025).
2. Кольшев Ю.Б. Рисунок в архитектурном образовании: теоретико-понятийный аспект // Вестник волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: строительство и архитектура. – 2023. – 3-4 (92) – С. 263-273 – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54679214> (дата обращения: 18.12.2025).
3. Мастера искусства об искусстве. – М.: Искусство, 1966. – Т. 2. – 398 с.
4. Степанова-Третьякова Н. С. Классические и современные методы обучения рисунку будущих архитекторов // Pedagogical Journal. – 2021. – Т. 11, № 3А. – С. 228–235. – URL: [3n-stepanova-tretyakova.pdf](#) (дата обращения: 18.12.2025).

© Амелина П.В.

**ФОРТЕПИАННАЯ СЮИТА «ВОСПОМИНАНИЯ О ВОСЬМИ
АКВАРЕЛЬНЫХ КАРТИНАХ» ТАН ДУНА: КОМПОЗИЦИОННЫЕ
И ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИКЛА**

Чжао Цяньюнь

аспирант

Научный руководитель: **Мацаберидзе Нелли Вячеславовна**

кандидат искусствоведения, доцент

Белорусская государственная академия музыки

Аннотация: в статье анализируется сюита Тан Дуна «Воспоминания о восьми акварельных картинах» – фортепианное произведение, полное личных эмоций и стилового новаторства, состоящее из восьми отдельных миниатюр, каждая из которых изображает определенное настроение с характерной темой, уникальной звучностью и глубоким эмоциональным выражением. В данной статье сюита анализируется с точки зрения ее композиционной структуры, мелодических особенностей, гармонического языка, ритмического рисунка и других аспектов, подчеркивается уникальность ее музыкального языка и взаимосвязь с культурным и философским контекстом.

Ключевые слова: неофольклоризм, национальная традиция, китайская философия, драматургия, композиционные особенности.

**TAN DUN'S PIANO SUITE EIGHT MEMORIES
IN WATERCOLOR: COMPOSITIONAL AND DRAMATURGICAL
CHARACTERISTICS OF THE CYCLE**

Zhao Qianyun

Abstract: this article examines Tan Dun's piano suite Eight Memories in Watercolor, a work distinguished by its strong personal expressivity and stylistic innovation. Comprising eight independent miniatures, the suite presents a series of contrasting emotional states, each characterized by its own thematic profile, distinctive sonority, and expressive depth. The study analyzes the cycle from the perspectives of compositional structure, melodic features, harmonic language, rhythmic organization, and related musical parameters. Particular attention is given

to the uniqueness of the suite's musical language and to its connections with broader cultural and philosophical contexts.

Key words: neo-folklorism, national tradition, Chinese philosophy, dramaturgy, compositional features.

Введение

Фортепианная сюита «Воспоминания о восьми акварельных картинах», созданная в конце 70-х годов XX века китайским композитором-авангардистом Тан Дуном, отражает новые стилевые явления, утвердившиеся в музыкальной культуре Китая того времени. Произведение опирается на традицию, лежащую в основе жанровой специфики (программная сюита, состоящая из восьми миниатюр, образующих систему внутренних минициклов). В нем прослеживается взаимосвязь изобразительной (акварель) и музыкальной стилистики, которая отражена в опоре на национальную эстетику и философию, а также использование национальных элементов музыкального языка (лад, метроритм, имитации звучаний народных инструментов и др.) и современного языка европейской музыкальной культуры. Анализ фортепианной сюиты демонстрирует соединение в творчестве Тан Дуна национальной традиции и неоклассических тенденций европейской академической и авангардной музыки.

Современные западные авангардные композиторские приемы проявились в творчестве китайских композиторов уже в 1930-1940-х годах [1, с. 4]. Первым авангардным музыкальным произведением в Китае считается «Ночная сцена» для скрипки и фортепиано китайского композитора Сан Тонга, написанная в 1947 году. Однако это авангардное направление не получило достаточного развития до начала периода «реформ и открытости», когда в 1966 году в Китае разразилась Культурная революция и европейская музыка была запрещена. Однако после «реформ и открытости», в конце 1970-х годов, группа молодых китайских композиторов начала осваивать новые западные авангардные музыкальные техники, и этот «новый» стиль музыки стал активно распространяться в композиторской среде. Стоит отметить, что под «новым» стилем здесь следует подразумевать относительную «новизну» использования китайскими композиторами в новых социальных условиях авангардных музыкальных техник в интегрированной с национальной спецификой форме. Один из представителей нового поколения композиторов Тан Дун однажды заметил: «Когда я слушаю зарубежную современную

музыкальную музыку, я чувствую, что самый важный смысл – это научиться своеобразному мышлению, образу мыслей. Музыка, которую я хочу создать, не является ни концепцией, присущей Китаю, ни концепцией, присущей другой стране. Скорее, я ищу в ней что-то, что может принадлежать будущему нашей национальной музыки» [2, с. 12].

Основная часть

В 1977 году, после возобновления вступительных экзаменов в китайские вузы, Тан Дун поступил на композиторское отделение Центральной консерватории музыки. Ностальгируя по родным местам, где он вырос при этом, интересуясь передовыми западными композиторскими техниками, Тан Дун в 1978 году написал фортепианную сюиту «Воспоминания о восьми акварельных картинах», в которой раскрыл свои чувства тоски по своему дому. Анализируя творчество композитора, можно увидеть, что региональные особенности глубоко укоренились в его композиторском стиле. Его провинция Хунань, где он родился и вырос, известна как Святая земля даосизма. Философия Лао-цзы с ее стремлением к миру и естественной простоте, истине, добру и красоте, а философия Чжуан-цзы – к естественному бездействию, спокойствию и безмятежному единству Неба и человека – это философские концепции, которые повлияли на отношение людей к жизни и миру. Под влиянием музыкальной культуры Хунань-Чу и опыта обучения в музыкальной консерватории творчество Тан Дуна пропитано древней народной музыкальной культурой, а его музыкальные произведения стали воплощением сочетания традиций древнего и современного Китая во взаимосвязинационального этоса и западного мышления.

Фортепианная сюита Тан Дуна состоит из восьми миниатюр. Сочинение вобрало в себя характерные черты народной музыки Хунань и отразило основные тенденции развития китайского музыкального искусства середины XX столетия – стремление адаптировать свой национальный фольклор с ведущими стилевыми тенденциями западно-европейской музыки. Как известно, европейская профессиональная музыка первой трети XX века органически связана с особенностями фольклора. Неофольклоризм развился в рамках общей тенденции к отказу от излишеств позднего романтизма в границах неоклассицизма. Внимание композиторов привлекли открытые в ряде стран Европы ранее неизвестные архаические слои музыкального фольклора, не вписывающиеся в нормы классико-романтической стилистики (узкообъемные звукоряды, пентатоника, экзотические ритмы и т. п.). Их

использование в традиционных жанрах без прямого цитирования народных мелодий создавало (часто непреднамеренно) определённый национальный колорит (таковы, например, фортепианные миниатюры К. Дебюсси, связанные с испанской тематикой) [3, с. 449-450].

Как один из популярных стилей музыки XX века, неофольклоризм сохраняет в себе классические выразительные средства, такие как мелодия, гармония, тональность, ритм и др., при этом добавляет новые элементы музыкального языка. Это стилистическое направление соединяет в себе черты традиции и новаторства.

Фортепианная сюита «Воспоминания о восьми акварельных картинах» Тан Дуна включает в себя следующие пьесы: «Осенняя луна» (Missing Moon), «Шутка» (Staccato Beans), «Песня мальчика-пастуха» (Herdboy's Song), «Грустная монахиня» (Blue Nun), «Красная пустыня» (Red Wilderness), «Древние захоронения» (Ancient Burial), «Плывущие облака» (Floating Cloud), «Солнечный дождь» (Sunrain). Программные названия произведений раскрывают образную специфику частей цикла. Из названий и музыкального содержания вырисовываются два внутренних микроцикла, которые можно разделить на пьесы, рисующие образы природы (первая, пятая и седьмая миниатюры) и пьесы, посвященные раскрытию образов быта (вторая, третья, четвертая и шестая), тематизм которых основан на народных песнях провинции Хунань. В целом созданные в сюите картины отражают историю жизни композитора и подчеркивают своеобразие региональных традиций, свойственные творчеству многих китайских композиторов.

Миницикл, связанный с образами быта, открывает вторая миниатюра «Шутка». Тематическая основа пьесы взята из хунаньской народной песни «Новая золовка» («新嫂嫂»), текст которой выразит радость ребенка по поводу появления нового члена их семьи (рис. 1). Песня, которая лежит в основе среднего раздела пьесы «Брак компаньонов» – одна из народных песен Хунань Цзяхэ, в которой показана особенность местных брачных обычаев. Пьеса «Шутка» написана в простой трехчастной форме в ладу D-юй.

Рис. 1. Мелодии народных песен провинции Хунань

Третий номер сюиты «Песня мальчика-пастуха» основан на А-юй ладе и написан в одночастной форме. Он начинается с нисходящего, а затем восходящего арпеджио, перекликающихся друг с другом в свободном ритме (сань-бань) мелодий, рисующих сцену в горах. Выразительная тема имеет подвижную мелодическую линию. Средний голос имитирует основную мелодию верхнего голоса в октавном изложении, придавая мелодической линии объем, как будто в безмолвии пустынной долины, где нет ни звука, звучит песня. В басовой партии преобладают аккорды кварто-квинтового строения. Они изложены в виде коротких арпеджио, что делает мелодию эмоционально насыщенной и создает особое настроение. В коде части имитируется звучание народного инструмента гучжэн, словно песня, которая эхом разносится по долине. Не известен подлинный источник народной песни, который был использован в пьесе «Песня мальчика-пастуха», однако сочетание лада, мелодии и ритма позволяет характеризовать песни «Гора видит эту гору высокой» («这山望见那山高») и «Пруд цветов лотоса и пруд лилий и лотоса» («一塘荷花一塘莲») почти прямым интонационным источником для тематизма пьесы «Песня мальчика-пастуха» Тан Дуна [4, с. 110].

Пьеса «Меланхоличная монахиня» написана в простой трехчастной форме. В основе музыкального тематизма лежит народная песня Хунаньского Шаодуна «Деревенская девушка приходит в город» («乡里妹子进城来») (рис. 2). Изложением мелодий, изображающем размышления монахини, её скрытые мысли начинается миниатюра. Раздел А разворачивается в ладу Е-юй, где вторая фраза является вариацией первой, а два голоса перекликаются, дополняя друг с друга, что делает звучание более полным и глубоким. Раздел В транспонирован в лад А-юй, с плотным ритмом и веселым настроением, по сравнению с имитационной полифонией раздела А. Раздел В изложен в ладу А-юй, в более подвижном темпе и бодром настроении. По сравнению с имитационной полифонией раздела А (тт. 9 – 16), полифония раздела В богаче и гибче, нижние голоса контрастируют с главной темой высоких голосов по темпу и направлению движения, как будто настроение музыки меняется вместе с мыслями монахини. После завершающей фразы в т.33 возвращается материал раздела А (канон), который является вариацией раздела А и завершает пьесу в ладу Е-юй.

**Рис. 2. Народная песня Хунаньского Шаодуна
«Деревенская девушка приходит в город»**

Заключительная миниатюра «Солнечный дождь» фортепианной сюиты Тан Дуна основана на Хунаньской детской песне «Песня скотовода» («放牛歌») (рис. 3). Мелодия относительно проста, разворачивается в ладу G-чжи. Вступление задает тон праздничному настроению, характерный ритм имитирует звучание китайских «гонгов» и «барабанов». Миниатюра трехчастна. Раздел А прост и ритмичен, а раздел В не только добавляет новый материал, но и развивает тематический материал раздела А. Раздел А₁ – реприза, где мелодия в верхних голосах воспроизводит тему раздел А в его основном виде, а в аккомпанементе в нижних голосах используются выдержанные басы и «ракоход» мелодии. Материал коды взят из вступления, которое полностью повторяет его, и вся пьеса заканчивается в ладу G-чжи.

Рис. 3. Хунаньской детской песни «Песня скотовода»

Таким образом, в представленных четырех пьесах сюиты, в которых раскрываются особенности быта жизни людей, используются в качестве тематического материала мелодии фольклорных источников, которые адаптированы к условиям современной музыкальной стилистики и ориентированы на ясную композиционную структуру.

Вторая образная сфера сюиты связана с раскрытием природных образов. Первая миниатюра, «Осенняя луна», имеет простую двухчастную структуру. Пьеса разворачивается в темпе *Adagio con dolore*, центральным музыкальным материалом вступления является триольный ритмический рисунок, в котором

интервалы, исполняемые в дуолях, как бы рисуют дымку лунного света, а в фортепианной фактуре изображается техника игры на китайском народном инструменте гучжэн. В разделе А в партии правой руки использованы секстоли, глиссандо, а в левой руке арпеджио создают умиротворенное образ сияния лунного света (рис. 4). В разделе В ритм продолжен, а мелодия транспонируется. Кода возвращается в бЕ-юй лад, с музыкальным материалом из вступления, возвращая тихое, бесплотное настроение. В ритме отсутствует акцентность, что позволяет создать изысканную атмосферу лунной ночи.

The musical score consists of four systems of two staves each (treble and bass clef). The first system begins with a *rubato molto* marking and a *ppp* dynamic. The right hand features a melodic line with sixteenth-note runs and sextuplets, while the left hand provides a harmonic accompaniment with arpeggiated chords and sustained notes. The second system continues the melodic development in the right hand, with a triplet in the bass line. The third system shows further melodic elaboration in the right hand. The fourth system concludes the passage with sustained chords in the right hand and a final bass line.

Рис. 4. «Осенняя луна». 2-7 такты

Пьеса «Плывущие облака», как следует из названия, рисует картину бескрайнего неба с грядой плывущих по нему облаков, пентатонный лад создает естественное и безмятежное настроение произведения.

Раздел А верхний голос имеет четкую основную мелодическую линию, а использование ритма восьмых и шестнадцатых длительностей подчеркивают ее внутреннюю размеренную ритмическую пульсацию. В разделе В тематический материал активно развивается. В репризе все возвращается к спокойной атмосфере. Показательно, что мелодика варьируется, затрагивает все регистры фортепиано, отмечая изменчивость и зыбкость образа пьесы. Стоит отметить, что органнй пункт создает еще один слой фактуры произведения, как слои облаков, плывущих по небу. Эта миниатюра использует в основном арпеджированную фактуру, которая имитирует технику игры на китайском народном инструменте пипа (рис. 5).

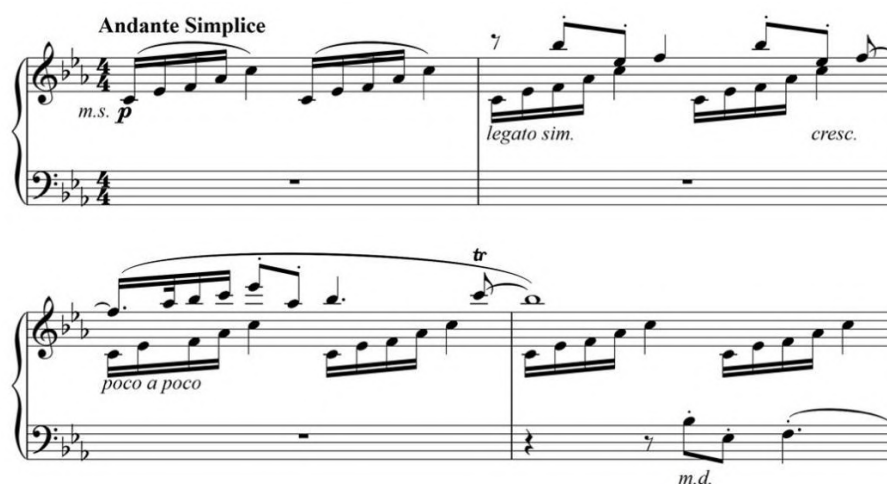

Рис. 5. «Плывущие облака». 1-5 такты

Пьеса «Древние захоронения» создает особую колоритную образность, которая разворачивается в плавном, неторопливом движении аккордов и мелодического тематизма в среднем голосе. Постоянное чередование секундовых интонаций в движении аккордовых созвучий подчеркивают тяжелый и мрачный колорит музыки. Раздел А – полифоничен, сосредоточен. Средний раздел В, представляет собой развитие тематического материала из начальных тактов пьесы. Движение аккордов, словно колокола, придают траурную торжественность, подобно эпизоду из «Колоколов» Рахманинова (рис. 6). Тематический материал чередуется между двумя голосами и создает внутренний контраст в музыке. А1 представляет собой точное повторение

тематического материала первого раздела. Настроение возвращается к первоначальному медленному, таинственному и отстраненному состоянию после достигнутой кульминации в разделе В.

Рис. 6. «Древние захоронения». 9-16 такты

В пятой миниатюре цикла, «Красная пустыня», создается еще один живописный образ и представляет собой простую трехчастную форму с тематической основой на мотиве С-Г-А.

Подводя итог аналитической работы, следует отметить, что в этих четырех миниатюрах отражены новые принципы работы с тематическим материалом, который находит свое отражение в использовании полиладовости, создавая многокрасочный, сложный звуковой эффект. Звукопись и импрессионистичность произведения близко акварельным приемам в живописи, которая отличается легкостью образа, прозрачностью техники и воздушностью.

С точки зрения композиции и драматургии развития произведения, восемь частей отражают принцип классической сюиты - контрастное сочетание быстрых и медленных частей. С точки зрения сюжетной организации сюита автобиографична, в ней переданы уникальные образы. Ее образно-драматургическое содержание линейно выстроено. В первой миниатюре образ луны символизирует чувство тоски по родному дому в Китае. Вторая миниатюра навевают мысли о теплых воспоминаниях. Третья и четвертая пьесы показывают обычаи родных мест автора. Пятая демонстрирует древнейшие народные ритуалы, в частности торжественную церемонию

погребения. Шестая пьеса, «Красная пустыня», отражает географические особенности местности родной земли композитора. В двух последних миниатюрах возникает тематическая арка - «Плывущие облака» как и образ луны в первом номере «Осенняя луна» обращают слушателей к возвышенному образу небу. Заключительный номер «Солнечный дождь» возвращает к жизни людей - веселый праздник, с оживленной сценой и счастливым настроением. Две последние пьесы раскрывают глубокий смысл философии даосизма о слиянии человека и природы.

Список литературы

1. 王安国. 中国“新潮”音乐创作述评 // 中国音乐学. 1986. № 1. 第4页.
2. 李西安, 瞿小松, 叶小纲, 谭盾. 关于现代音乐思潮的对话 // 人民音乐. 1986. № 6. 第12–18页.
3. Большая российская энциклопедия : в 35 т. Т. 22 : Нанонаука — Николай. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2013. — 767 с.
4. 曾美月. 谭盾《八幅水彩画的回忆》中的湖南民间音调 // 内蒙古大学艺术学院学报. 2012. № 32. 第107–111页.

© Чжао Цяньюнь

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ - 2026

Сборник статей

II Международной научно-практической конференции,
состоявшейся 9 апреля 2026 г. в г. Петрозаводске.

Ответственные редакторы:

Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Подписано в печать 13.04.2026.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 19.76.

МЦНП «НОВАЯ НАУКА»

185002, г. Петрозаводск,

ул. С. Ковалевской, д.16Б, помещ.35

office@sciencen.org

www.sciencen.org

16+

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы
«Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

- 1. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-практических конференций**

<https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/>

- 2. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-исследовательских,
профессионально-исследовательских конкурсов**

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/>

- 3. в составе коллективных монографий**

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/>

<https://sciencen.org/>